

Серия
«Космическая философия»

Константин Циолковский

Черты из моей жизни

Содержание

Черты из моей жизни (январь 1935 года).....	3
Фотокопии рукописей Циолковского. «Воспоминания К.Э. Циолковского "Черты из моей жизни " (2-я редакция)» Автограф. Машинопись с правкой автора.....	101

Константин Циолковский

Черты из моей жизни

(январь 1935 года)

Наиболее полная и законченная автобиография Константина Эдуардовича Циолковского, написанная в январе 1935 года. Впервые была напечатана в журнале «Молодая гвардия» (№ 11—12, 1935).

ПРЕДИСЛОВИЕ

По природе или по характеру я революционер и коммунист. Доказательством тому служит моя работа «Горе и Гений», изданная в 1916 году, ещё при царе. В ней совершенно определённо и исключительно проповедуются выгоды коммун в широком значении этого слова.

Почему же из меня не вышел активный революционер?

Причины в следующем.

1. Глухота с десяти лет, сделавшая меня слабым и изгоем.
2. Отсутствие, вследствие этого, товарищей, друзей и общественных связей.
3. По этой же причине: незнание жизни и материальная беспомощность.

Исход моим реформаторским стремлениям был один: техника, наука, изобретательство и естественная философия. Сначала все это было в области мечтаний, а потом моё новаторство стало выползать наружу и было причиной, отталкивающей от меня правоверных несомневающих учёных. Я был выскочка, реформатор и как таковой не признавался.

Кто мог согласиться с человеком, который осмеливался колебать самые основы наук. Как можно отрицать Лобачевского, Эйнштейна и их последователей в Германии и России! Однако, у меня были сторонники даже на континенте.

Как можно не согласиться с ходячими теориями образования солнечных систем (Лаплас, Дарвин, Джинс)!

Возможно ли опровергать второе начало термодинамики (Клаузиус, Томпсон)!

Кто может сомневаться, что газовый воздушный корабль (дирижабль) должен навсегда остаться игрушкой ветров (мнение VII отд. бывшего импер.техн.общества)!

Можно ли придумать что-нибудь безумнее металлического дирижабля (дирижабли хуже аэропланов, а металлический дирижабль никуда не годится: проф. Ветчинкин, Жуковский и другие почтенные ученые)!

Как можно отрицать целесообразность всех азбук и орфографий (все филологи мира)!

Что может быть нелепее доказывать возможность заатмосферных полетов (все академики и все «серьезные» ученые)!

Можно ли стоять за дирижабли, когда они давно сданы в архив (общее мнение до Цеппелинов)!

И так далее — без конца.

Моя биография поневоле состоит из мелочей жизни и работ. Последние все поглотили, остальное — пустячки, всем обычные. Кроме того, в силу ограниченности житейских впечатлений, моя биография не может быть такой же красочной, как людей нормальных, без физических недостатков.

Существует несколько моих биографий: в журналах, отдельными книжками или в виде предисловий к моим сочинениям.

Они недурны, но несколько пристрастны — в ту или другую сторону. Видеть в них ошибки можно только, сличая их с моей автобиографией. Поэтому, как она ни плоха, а все же она полезный источник для освещения моей жизни и деятельности, с любой точки зрения.

НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ

В деле прогресса человечества мы редко замечаем влияние наследственности. Все эти фарадеи, эдиссоны, форды, граммы, колубмы, ватты, стефенсоны, ньютоны, лапласы, франклины и проч. вышли из народа и не имели талантливых предков. Никаких следов наследственности мы тут не видим. Ясно, что гений более создаётся условиями, чем передаётся от родителей или других предков. Таланты у предков, может быть, и были, но, очевидно, на весь мир не проявлялись: они выражались мелочно.

Только в очень редких случаях сказывается явно наследственность дарования. Так Гершель-сын и Дарвин-сын были знамениты, хотя далеко не так, как их отцы. Примеров таких в истории гораздо меньше, чем обратных.

Всё же нельзя целиком отрицать и влияние наследственности. Поэтому я прежде всего расскажу то немногое, что я знаю о моих родителях и их роде. В детстве и молодости меня это нисколько не интересовало, и я ничего о том не узнавал. Потом ещё и глухота тому мешала. Мать имела татарских предков и носила в девичестве татарскую

фамилию. Значение наследственности я прежде и не понимал. Как будто у отца была родственная связь с известным Наливайко, и род отца даже носил прежде эту фамилию.

По семейным преданиям предок Циолковских был известный бунтарь Наливайко. Вот что о нем сказано в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, Наливайко был казацким предводителем конца XVI века, борец против польской аристократии, уроженец гор. Острога. Смерть отца, погибшего от произвола владельца местечка Гусятина, оттолкнула Наливайко от шляхты и побудила перейти к казакам. Подняв восстание, он истреблял шляхтичей и ксендзов. Сначала восстание сосредоточивалось на Волыни, потом перешло в Белоруссию. Сначала победа была на его стороне, и он писал королю Сигизмунду III, чтобы тот отдал свободные земли между Бугом и Днестром казакам, за что казаки будут помогать Речи Посполитой против ее врагов. Король вместо ответа послал на него войска. В 1596 г. близ Лубен казакам пришлось сдаться. Они выдали Наливайко и других начальников. Наливайко отправили в Варшаву и отрубили голову. Слухи о том, что его сожгли в медном баке новейшими данными не подтверждаются.

Характер отца был близок к холерическому. Он всегда был холоден, сдержан, с моей матерью не ссорился. Во всю жизнь я был свидетелем только одной ссоры его с моей матерью. И то виновата была она. Он не отвечал на дерзости, не хотел разойтись с нею. Она вымолила прощение. Это было примерно в 1866 году. Мне было тогда лет 9. Среди знакомых слыл умным человеком и оратором, среди чиновников — красным и нетерпимым по своей идеальной честности. Много курил, даже временно ослеп и всю жизнь имел зрение не сильное. Я помню его дальнозорким. При чтении надевал очки. В молодости умеренно выпивал. При мне уже оставил это. Вид имел мрачный. Редко смеялся. Был страшный критикан и спорщик. Ни с кем не соглашался, но, кажется, не горячился. Отличался сильным и тяжёлым для окружающих характером. Никого не трогал и не обижал, но все при нем стеснялись. Мы его боялись, хотя он никогда не позволял себе ни язвить, ни ругаться, ни тем более драться.

Был ли отец знающ? По тому времени его образование было не ниже окружающего общества, хотя, как сын бедняка, он почти не знал языков и читал только польские газеты. В

молодости он был атеистом, но под старость иногда с моей сестрой посещал костёл. Был, однако, далёк от всякого духовенства. В доме я никогда не видел у нас ксёндза или православного духовенства.

Страсть к изобретательству и строительству у него была. Меня ещё не было на свете, когда он придумал и устроил молотилку, увы, неудачно! Старшие братья рассказывали, что он с ними строил модели домов и дворцов. Всякий физический труд он поощрял в нас и, вообще, самостоятельность. Мы почти все делали всегда сами.

Мать была совершенно другого характера: натура сангвиническая, горячка, хохотунья, насмешница и даровитая. В отце преобладал характер, сила воли, в матери же — талантливость. её пение мне очень нравилось. Темперамент отца умерял природную пылкость и легкомыслие матери... Мать вышла замуж в 16 лет... Отец был старше её лет на 10. Родители мои очень любили друг друга, но этого не высказывали. Однако это не мешало им слегка увлекаться, особенно отцу, который нравился женщинам. До измены ни с какой стороны не доходило...

У родителей было пренебрежение к одежде, к наружности и уважение к чистоте и скромности. Особенно у отца. Зимой мы ходили в дешёвых полушубках, а летом и дома — в рубашках. Иной одежды, кажется, не было. Я даже на учительскую должность ехал в полушубке, прикрытом дешёвым балахоном. Исключение было для учащихся в школах. По крайней мере были сюртуки (тогда в школах блуз не носили).

Отец не сидел в тюрьме, но приходилось дело иметь с жандармерией и иметь много неприятностей с начальством. Из казённых лесничих его скоро высадили. Прослужил он в этой должности, должно быть, лет пять. Был учителем естественных наук в таксаторских классах. И тут пробыл лишь год. Потом где-то маленьким чиновником, управляющим делами. Вообще не повышался, а понижался в своей карьере. Потом губернское начальство представило его к должности лесничего, но министр не утвердил, и отец пробыл вторично лесничим только несколько месяцев. Опять пришлось терпеть крайнюю нужду.

Отец был здоров: я не помню его больным. В пище он был умерен и никогда не был толстым. Фигура — коренастая, без

живота, среднего роста. Лысины не было и следов, но волосы стриженные, седые (был брюнет), умеренно мускулист. Под конец жизни упал духом (хотя никогда не жаловался) и никуда не выходил из дома. Помер внезапно, без болезни... Тётка рассказывала: поднялся утром, сел, несколько раз вздохнул и был готов. Я тогда только поступил на учительское место. Отец умер 61 года.

Мать тоже была хорошего здоровья. Никогда не видел её в постели, никогда не видел прыщика на её лице. Но она очень мучилась родами. У неё было человек 13 детей. Последний мой брат умер лет 20 тому назад, а последняя сестра — лет 15. От неё осталась дочь, моя племянница, и сейчас живая. Ещё есть дети от другого брата. Мать была выше среднего роста, шатенка, с правильными, хотя немного татарскими чертами лица. Также нравилась мужчинам, но меньше, чем отец. Под конец жизни стала избегать деторождения и умерла 38 лет, как мне кажется, жертвой неудачного аборта. Хотя прямых доказательств последнего у меня нет.

Как же сказались на мне свойства родителей? Я думаю, что получил соединение сильной воли отца с талантливостью

матери. Почему же не сказало то же у братьев и сестёр? А потому, что они были нормальными и счастливыми. Меня же унижала все время глухота, бедная жизнь и неудовлетворённость. Она подгоняла мою волю, заставляла работать, искать.

Возможно, что умственные задатки у меня слабее, чем у братьев: я же был моложе всех и потому поневоле должен быть слабее умственно и физически. Только крайнее напряжение сил сделало меня тем, что я есть. Глухота — ужасное несчастье, и я никому ее не желаю. Но сам теперь признаю ее великое значение в моей деятельности в связи, конечно, с другими условиями. Глухих множество. Это незначительные люди. Отчего же у меня она сослужила службу? Конечно, причин еще множество: например, наследственность, удачное сочетание родителей... гнет судьбы. Но всего предвидеть и понять невозможно. Человек, выходит, ни в отца, ни в мать, а в одного из своих предков.

РОЖДЕНИЕ

(1857 г.)

Настроение родителей перед моим рождением было бодрое. Дело было в 1857 году, перед освобождением крестьян. Замечалось общее оживление общества (на безрыбье и рак рыба). Отец же был поляк-патриот и свободомыслящий. Мать, кажется, относилась равнодушнее к перемене политики. У ней было много семейных забот. Родила часто и сильно мучилась, следствие обычного тогда несоблюдения гигиены. У ней уже было много ребят, живых же оставалось трое.

4 сентября 1857 года была хорошая, но холодная погода. Мать взяла двух старших моих братьев 6 и 5 лет и пошла с ними прогуляться. Когда вернулась, начались родовые боли и на следующий день появился новый гражданин Вселенной Константин Циолковский.

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ**(от 1 до 10 лет, 1857-66 гг.)**

Как сон, мне представляется, что великан ведёт меня за руку. Мы спускаемся по лестнице в цветник. Я со страхом поглядываю на великана. Думаю, что это был мой отец.

От трёх до четырёх лет. Матери привозят письмо. Умер мой дедушка, её отец. Мать рыдает. Я, глядя на неё, начинаю реветь. Меня шлёпают и кладут спать. Дело было днём. Я рассматриваю животных в книге Дараган. Фигура моржа почему-то меня устрашает, и я прячусь от этого под стол. Смотрю, как пишет отец. Нахожу это очень просто и объявляю всем, что писать я умею.

Пять — шесть лет. Не помню, кто показывал мне буквы. За изучение каждой буквы от матери я получал копейку.

Изумляла тележка на колёсах, потому что от малейшего усилия приходила в движение. Ощущение радостное.

Такое же радостное ощущение я не мог забыть, когда в первый раз увидел много воды в пруде. Занимало также жужжание вертушки в форточке.

Игрушки были недорогие, но я обязательно их ломал, чтобы посмотреть, что было внутри их.

Семи — восьми лет. Попались сказки Афанасьева. Начал разбирать их, заинтересовался и так выучился бегло читать.

Была корь. Была весна. Чувствовал восторг при выздоровлении.

Маленького меня очень любили — родители и гости. Отец сажал на колена, тряс на них меня и приговаривал: еде пан, пан, пан, а за паном хлоп, хлоп, хлоп, на конике гоп, гоп, гоп. Потом я часто то же повторял со своими детьми.

Прозвища я получал разные: птица, блаженный, девочка.

Однажды стащил медную монету со стола. Оставили без чаю.

Долго рыдал и приходил в отчаяние.

Кололи с мамой на полу сахар. Я незаметно его кусочки подкладывал под подол рубашки, надеясь при

благополучном моменте унести его и съесть. Благоприятного момента не случилось. Разочарование.

Матери мы не боялись, хотя она иногда и потреплет не больно. Но отец внушал страх, хотя никогда маленьких не бил и не ругал. Никогда даже не горячился и не кричал.

Брат (старше меня на два года) показывал фокус: открывает рюмочку, в ней шарик. Закрывает рюмочку и опять открывает. Шарик исчезает. Изумление.

Восьми — девяти лет. Бабушка умерла. Мама уезжает в деревню на похороны. Мы остаёмся одни. Я скучаю, даже тоскую.

Старший брат меня дразнит. Гоняюсь за ним и швыряю камнями. Случился отец. Что такое? — «Попал мне в висок», — говорит брат Митя. Выпороли. Дали две розги, но пребольно. Розог этих я боялся, как огня, хотя никогда не получал больше двух, трёх ударов. Отец был справедливый и гуманный человек. Как же это примирить с поркой?

Время было такое. Отца в какой-то иезуитской школе (в Волыни) пороли чуть не каждый день, а случалось и два раза в сутки. Меня же выпороли всего раз пять во всю жизнь — не больше. Разве это не прогресс! Выходим со старшим братом на улицу. За что-то я рассердился на него и ударил. Услыхал отец... Что за шум! Брат объяснил. Повели пороть. Заявил, что пощусь. Не помогло. Получил две розги. Негодования не только против матери, но и против отца не осталось ни малейшего. И тогда не было. Думаю даже, что эти наказания повлияли на меня благотворительно, как действие природы: ушиб, горе, несчастье и проч. Случалось, пороли и за разбитое стекло. Это приучило меня к осторожности.

Конечно, я не сторонник наказаний, тем более розог, но надо принять во внимание время, когда даже царей пороли. Притом шалуны часто ушибаются, бьют друг друга и даже уродуют себя: не так уж это вредно...

За разбитое стекло однажды спасла меня тетка, сестра матери. Мне очень было любопытно посмотреть, как лопаются лампочные стекла, если их помажешь слюной. Сначала

прощали, а потом обещали порку. Но я опять за свое. Спасла тетка, купившая стекло.

Копали колодезь. Пока не появилась вода, мы — дети — спускались в колодезь. Очень было любопытно. Навалили гору песку. Зимой образовалась прекрасная гора. Впервые испытал восторг катания на санках (самокатом).

Летом строили шалаши. Было приятно вести своё хозяйство. Иногда устраивали и печи. Осенью топили и грелись. Свой камелек.

Учение шло туго и мучительно, хотя я и был способен. Занималась с нами мать. Отец тоже делал педагогические попытки, но был нетерпелив и портил тем дело. Помню, принесли яблоко, проткнули спицей. Это был земной шар с осью. Рассердился учитель, назвал всех болванами и ушёл. Кто-то из нас съел яблоко.

Зададут на маленькой грифельной доске написать страничку, две. Даже тошно от напряжения. Зато, когда кончишь это мучение, какое удовольствие чувствуешь от свободы.

Однажды мать объяснила мне деление целых чисел. Не мог понять и слушал безучастно. Рассердилась мать, отшлёпала меня тут же. Заплакал, но сейчас же понял. Опять из этого не следует, что надо бить детей. Следует искать лучших способов возбуждать внимание.

Читать я страстно любил и читал все, что было и что можно было достать. От чтения Загоскина трепала лихорадка.

Любил мечтать и даже платил младшему брату, чтобы он слушал мои бредни. Мы были маленькие, и мне хотелось, чтобы дома, люди и животные — все было тоже маленькое. Потом я мечтал о физической силе. Я, мысленно, высоко прыгал, взбирался как кошка на шесты, по верёвкам. Мечтал и о полном отсутствии тяжести.

Любил лазить на заборы, крыши и деревья. Прыгал с забора, чтобы полетать. Любил бегать и играть в мяч, лапту, городки, жмурки и прочее. Запускал змеи и отправлял на высоту по нитке коробочку с тараканом.

На дворе у нас во время дождей и осенью была огромнейшая лужа. И вода, и лёд приводили меня в мечтательное настроение. Пробовали плавать в корыте и делать зимой из проволоки коньки. Их я делал, но расшибался на льду так, что искры сыпались из глаз. Наконец, откуда-то достали испорченные настоящие коньки. Поправили их. Кататься выучился в один день. Даже съездил на них в тот же день за чем-то в аптеку.

Вот период моего нормального существования до глухоты (10 лет). Он ничем особенным не отличается от жизни обыкновенных детей. Предыдущим я и хотел это подчеркнуть. Вывод интересный, но, пожалуй, не новый: нельзя угадать, что из человека выйдет.

Мы любим разукрашивать детство великих людей, но едва ли это не искусственно, в силу предвзятого мнения.

Однако бывает и так, что будущие знаменитые люди проявляют свои способности очень рано и их современники предугадывают их великую судьбу. Но в огромном большинстве случаев этого не бывает. Такова истина, подтверждённая историческими примерами. Я, впрочем,

лично думаю, что будущее ребёнка никогда не предугадывается. Таланты же у многих проявляются в детстве, не давая впоследствии никаких результатов.

ГЛУХОТА

(от 9 до 11 лет, 1866-68 гг.)

Теперь уже пойдёт биография ненормального человека, полуглухого. Она не может быть яркой, так как необильна внешними впечатлениями.

Лет 10-11, в начале зимы, я катался на салазках. Простудился. Простуда вызвала скарлатину. Заболел, бредил. Думали, умру, но я выздоровел, только сильно оглох, и глухота не проходила. Она очень мучила меня. Я ковырял в ушах, вытягивал пальцем воздух, как насосом, и думаю, сильно себе этим повредил, потому что однажды показалась из ушей кровь.

Последствия болезни, отсутствие ясных звуков, ощущений, разобщение с людьми, унижение калечества — сильно меня отупили. Братья учились, я не мог. Было ли это последствием

отупления или временной несознательности, свойственной моему возрасту и темпераменту, я до сих пор не знаю.

Известно, что и глухие прекрасно учатся: по учебникам, не слушая учителей. Отец рассказывал про себя, что он стал умственно развиваться с 15 лет. Может быть, и у меня отчасти сказалась эта черта позднего развития. У матери ее не было. У некоторых детей развитие начинается с половой зрелости, т. е. после 13–14 лет. Этим тоже можно объяснить мою несознательность до 14 лет. Все же я помню, еще до глухоты, следующее. Мать делала мне и старшему брату диктант. Брат на 2 года был старше меня и делал множество ошибок, я же очень мало. На основании подобных фактов я более склоняюсь к тому, что отупение скорее было от глухоты и болезни, чем от упомянутой наследственности.

ПЕРИОД НЕСОЗНАТЕЛЬНОСТИ **(от 11 до 14 лет, 1868-71 гг.)**

Глухота в дальнейшем делает биографию малоинтересной, так как лишает меня общения с людьми, наблюдения и заимствования. Она бедна лицами и столкновениями, она

исключительна. Это биография калеки. Я буду давать разговоры и описывать мои скудные сношения с людьми, но они не могут быть ни полными, ни верными. Порою я слышал лучше, и вот эти-то моменты, может быть, более запомнились.

Привожу одну черту характера, может быть, и слабости. Встретился в Рязани на улице с мальчиком постарше меня и посильнее. Известно, что мальчики вроде петухов. Сейчас же мы стали в позу, готовые к бою. Случилось так, что в это время проходил мой двоюродный брат, здоровенный малый. «Что с ним сделать, Костя?» — говорит. «Не тронь его», — отвечаю. Мальчик испарился. Вообще я никогда не замечал в себе чувства мстительности. Но мне казалось, что я был немного трусоват. Очень боялся уличных нападений и даже разбойников. Боялся и темноты, в особенности после страшных рассказов тётки. Мать их не рассказывала. Отец считал все это вздором, да и не говорил с нами. И тётка при родителях не говорила своей чепухи. Впрочем, нас приводили в ужас также рассказы о холере, войне и других бедствиях. Конечно, это чисто детская черта: храбрость растёт с годами. Недаром же она называется мужеством.

У меня была склонность к лунатизму. Иногда ночью я вставал и долго что-нибудь бормотал (без сознания). Иногда сходил с постели, блуждал по комнатам и прятался где-нибудь под диваном. Однажды пришли откуда-то ночью родители и не нашли меня в кровати. Я оказался спящим на полу в другой комнате. У брата, Мити, это было ещё сильнее. Ещё маленький, после глухоты: в какой-то хрестоматии я узнал расстояние до Солнца. Очень удивился и всем о том сообщал.

Часто читал книгу «Мир Божий». Там русский народ выставлялся как самый лучший в мире. Странно, что я даже тогда этому не верил.

Играли в домино и карты. Мне это нравилось, теперь же я не могу видеть без отвращения игральные карты, шашек, шахмат и всяких подобных игр.

Благодаря добрым знакомым отец был определён на какую-то маленькую должность по лесному ведомству в город Вятку. Там была прекрасная многоводная река. Летом купались. Тут я выучился плавать. Мы пользовались свободой, ходили куда хотели. Меня удивляет, как я не

утонул в этой реке. Однажды это чуть не случилось, хотя и не во время купания. Было половодье. Лёд шёл, потом остановился. День был прекрасный, солнечный. Мне захотелось покататься на льдинах. Они приперли к самому берегу, и перейти на них ничего не стоило. Спускаемся с товарищем с горы вниз на берег. Скачем по льдинам. Между льдинами сильно засоренная вода, которую я принял за грязную льдину. В эту воду я и провалился. От холода разинул рот. Ко мне спешит на помощь товарищ, попадает в ту же ледяную ванну и тоже раскрывает рот. Эта маленькая неудача и спасла нас. Лёд ещё стоял. Мы выкарабкались из воды и побежали домой сушиться. Не будь этого купания, мы дождались бы движения льда и наверняка после катания утонули бы.

В городе был хороший сад. В нем громадные качели на 10 человек: очень тяжёлый ящик на верёвках со скамьями. Вздумал я этот ящик покачать. Раскачал, а удержать не мог. Перегнул он меня в дугу, но спинной хребет все же не сломал. Несколько времени я лежал, корчась от боли. Думал, умираю. Но все же скоро оправился и пошёл с братом домой. Последствий не было. Но ящик сняли, хотя даже я родителям о происшествии ничего не говорил — боялся.

На 13-м году мы потеряли мать, которой не было и сорока лет. Дело было так. Однажды за утренним чаем мать говорит мне и младшему брату (умер в юности): «Будете ли вы плакать, если я умру?» Ответом были горькие слезы. Вскоре после этого мать заболела, прохворала недолго и умерла. Перед концом нас позвали проститься. Мать лежала уже без сознания, и слезы текли у неё из глаз. Я утирал их платком и плакал. Но горе детей не бывает глубоким и разрушительным. Через неделю я уже лазил на черёмуху и качался с удовольствием на качелях. Мать, конечно, ничего не предчувствовала, а, вероятно, сделала неудачный аборт. После матери хозяйство вела младшая сестра матери, которую мы не особенно любили и уважали. Но она все же была кротка и никогда нас не обижала: ни криком, ни толчком. Она имела склонность все преувеличивать и даже врать. Ну и преклонение её перед барством нам не нравилось. За год до смерти матери родители, и в особенности мать, были поражены неожиданной гибелью 17-летнего моего брата. Два моих старших брата учились тогда в Петербурге, и младший из них умер от белой горячки. Горе матери было так неопишимо, что нас, малышей, это более огорчило, чем сама смерть брата.

Была у нас в городе старинная, но довольно высокая церковь. Наверху её была башня с балкончиком, как каланча. Может быть, она и служила раньше пожарной каланчой. На святую пасху мальчики лазали на её колокольню звонить. Увязался и я, но не звонил, а взбирался выше на самый балкончик. Вид оттуда был прекрасный. Я был один. Никто не дерзал туда лазить. Мне же это доставляло громадное удовольствие: все было под ногами. Я то садился, то стоял, то ходил кругом. Вздумал однажды покачать кирпичную ограду. Не только она, но и вся верхушка закачалась. Я пришёл в ужас, представив себе моё падение со страшной высоты. Всю жизнь потом мне иногда снилась эта качающаяся башня. Все же я жалел, что ход на башню был потом заделан.

Ни гувернанток, ни бонн, ни нянек, конечно, у нас быть не могло. Близкие сокрушались о моем положении, но сделать ничего не могли: мать умерла, отец поглощён был добыванием средства к жизни, тётка сама была и малограмотна, и бессильна.

Этот трёхлетний промежуток, по моей несознательности, был самым грустным, самым темным временем моей жизни. Я стараюсь восстановить в своей памяти, но ничего сейчас не могу больше вспомнить. Нечем даже помянуть это время. Припоминается только катание по улицам на коньках, санках и ледянках.

ПРОБЛЕСКИ СОЗНАНИЯ

(с 14 до 16 лет, 1871-73 гг.)

Ещё 11 лет в Рязани мне нравилось делать кукольные коньки, домики, санки, часы с гирями и прочее. Все это было из бумаги и картона и соединялось сургучом. Наклонность к мастерству и художеству сказала рано. У старших братьев она была ещё сильнее.

К 14 —16-ти годам потребность к строительству у меня проявилась в высшей форме. Я делал самодвижущиеся коляски и локомотивы. Приводились они в движение спиральной пружиной. Сталь я выдёргивал из кринолинов, которые покупал на толкучке. Особенно изумлялась тётка и ставила меня в пример братьям. Я также увлекался

фокусами и делал столики и коробки, в которых вещи то появлялись, то исчезали.

Увидел однажды токарный станок. Стал делать собственный. Сделал и точил на нем дерево, хотя знакомые отца и говорили, что из этого ничего не выйдет. Делал множество разного рода ветряных мельниц. Затем коляску с ветряной мельницей, которая ходила против ветра и по всякому направлению. Тут даже отец был тронут и возмечтал обо мне. После этого последовал музыкальный инструмент с одной струной, клавиатурой и коротким смычком, быстро движущимся по струне. Он приводился в движение колёсами, а колеса — педалью. Хотел даже сделать большую ветряную коляску для катанья (по образцу модели) и даже начал, но скоро бросил, поняв малосильность и непостоянство ветра.

Все это были игрушки, производившиеся самостоятельно, независимо от чтения научных и технических книг.

Проблески серьёзного умственного сознания проявились при чтении. Лет 14-ти я вздумал почитать арифметику, и мне показалось все там совершенно ясным и понятным. С этого

времени я понял, что книги — вещь немудрёная и вполне мне доступная. Я разбирал с любопытством и пониманием несколько отцовских книг по естественным и математическим наукам (отец некоторое время был преподавателем наук в таксаторских классах). И вот меня увлекает астролябия, измерение расстояния до недоступных предметов, снятие планов, определение высот. Я устраиваю высотомер. С помощью астролябии, не выходя из дома, я определяю расстояние до пожарной каланчи. Нахожу 400 аршин. Иду и проверяю. Оказывается — верно. Так я поверил теоретическому знанию. Чтение физики толкнуло меня на устройство других приборов: автомобиля, двигающегося струёй пара, и бумажного аэростата с водородом, который, понятно, не удался. Далее я составлял проект машины с крыльями.

В конце этого периода припоминаю один случай. У отца был товарищ-изобретатель (образованный лесничий). Он придумал вечный мотор, не уяснив себе законов гидростатики. Я говорил с ним и тотчас же понял его ошибку, хотя и не мог его разубедить. Верил ему и отец. Потом, в Питере, писали о его «успешном» изобретении в газетах. Отец советовал мне смириться, но я остался при своём

мнении. Это пример принципиальности и твёрдости, который меня и потом радовал.

В сущности, ничего необыкновенного и в этой моей поре детства не замечается. Но я пишу, что было. Истина, хотя бы и не блестящая, всего выше.

В МОСКВЕ

(с 16 до 19 лет, 1873-76 гг.)

Отец вообразил, что у меня технические способности и меня отправили в Москву. Но что я мог сделать там со своей глухотой! Какие связи завязать? Без знания жизни я был слепой в отношении карьеры и заработка. Я получал из дома 10-15 рублей в месяц. Питался одним черным хлебом, не имел даже картошки и чаю. Зато покупал книги, трубки, ртуть, серную кислоту и прочее.

Я помню отлично, что, кроме воды и чёрного хлеба, ничего не было. Каждые три дня я ходил в булочную и покупал там на 9 коп. хлеба. Таким образом, я проживал 90 коп. в месяц.

Тётка сама навязала мне уйму чулок и прислала в Москву. Я решил, что можно отлично ходить без чулок (как я ошибся!). Продав их за бесценок и купив на полученные деньги спирту, цинку, серной кислоты, ртути и прочего). Благодаря, главным образом, кислотам я ходил в штанах с жёлтыми пятнами и дырами. Мальчики на улице замечали мне: «Что это, мыши, что ли, съели ваши брюки?» Ходил я с длинными волосами просто оттого, что некогда стричь волосы. Смешон был, должно быть, страшно. Я был все же счастлив своими идеями, и чёрный хлеб меня несколько не огорчал. Мне даже в голову не приходило, что я голодаю и истощаю себя. Но, что же, собственно, я делал в Москве? Неужели ограничился одними жалкими физическими и химическими опытами?!

Я проходил первый год тщательно и систематически курс начальной математики и физики. Часто, читая какую-нибудь теорему, я сам находил доказательство. И это мне более нравилось и было легче, чем проследить объяснение в книге. Только не всегда мне это удавалось. Все же из этого видна была моя склонность к самостоятельному мышлению.

На второй же год занимался высшей математикой. Прочёл курс высшей алгебры, дифференциального и интегрального исчисления, аналитическую геометрию, сферическую тригонометрию и прочее. Но меня страшно занимали разные вопросы, и я старался сейчас же применить приобретённые знания к решению этих вопросов. Так, я почти самостоятельно проходил аналитическую механику. Вот, например, вопросы, которые меня занимали:

- 1.** Нельзя ли практически воспользоваться энергией движения Земли? Решение было правильное: отрицательное.
- 2.** Какую форму принимает поверхность жидкости в сосуде, вращающегося вокруг отвесной оси? Ответ верный: поверхность параболоида вращения. А так как телескопические зеркала имеют такую форму, то я мечтал устраивать гигантские телескопы с такими подвижными зеркалами (из ртути)
- 3.** Нельзя ли устроить поезд вокруг экватора, в котором не было бы тяжести от центробежной силы? Ответ отрицательный: мешает сопротивление воздуха и многое другое.

4. Нельзя ли строить металлические аэростаты, не пропускающие газа и вечно носящиеся в воздухе? Ответ: можно.
5. Нельзя ли эксплуатировать в паровых машинах высокого давления мятый пар? Ответ мой: можно. Конечно, многие вопросы возникали и решались раньше усвоения высшей математики и притом давно были решены другими.
6. Нельзя ли применить центробежную силу к поднятию за атмосферу, в небесные пространства? И я придумал такую машину. Она состояла из закрытой камеры или ящика, в котором вибрировали кверху ногами два твёрдых эластических маятника, с шарами в верхних вибрирующих концах. Они описывали дуги, и центробежная сила шаров должна была поднимать кабину и нести её в небесное пространство. Я был в таком восторге, что не мог усидеть на месте и пошёл развеять душившую меня радость на улицу. Бродил ночью час — два по Москве, размышляя и проверяя своё открытие. Но, увы, ещё дорогой я понял, что я заблуждаюсь: будет трясение машины и только. Ни на один грамм её вес не уменьшится. Однако недолгий восторг был так силен, что я всю жизнь видел этот

прибор во сне: я поднимался на нем с великим очарованием.

Но неужели у меня в Москве не было совсем знакомых? Были случайные знакомые. Так, в Публичной библиотеке («Чертковской») мною заинтересовался кончающий по математическому факультету студент Б. Он раза два был у меня и посоветовал прочесть Шекспира. Шекспир мне очень тогда понравился. Но когда я, уже стариком, вздумал его перечитывать, то бросил, как непроизводительный труд. (То же рассказывал про себя Л.Толстой).

Другой случайный приятель предложил познакомить меня с одной девицей. Но до того ли мне было, когда живот был набит одним черным хлебом, а голова обворожительными мечтами! Все же и при этих условиях я не избежал сверхплатонической любви. Произошло это так. Моя хозяйка стирала на богатый дом известного миллионера Ц. Там она говорила и обо мне. Заинтересовалась дочь Ц. Результатом была её длинная переписка со мной. Наконец, она прекратилась по независящим обстоятельствам. Родители нашли переписку подозрительной, и я получил тогда

последнее письмо. Корреспондентку я ни разу не видел, но это не мешало мне влюбиться и недолгое время страдать.

Интересно, что в одном из писем к ней я уверял свой предмет, что я такой великий человек, которого ещё не было, да и не будет. Даже моя девица в своем письме смеялась над этим. И теперь мне совестно вспомнить об этих словах. Но какова самоуверенность, какова храбрость, имея в виду те жалкие данные, которые я вмещал в себе! Правда, и тогда я уже думал о завоевании Вселенной. Припоминается невольно афоризм: плохой тот солдат, который не надеется быть генералом. Однако сколько таких надеющихся прошли в жизни бесследно.

Теперь, наоборот, меня мучает мысль: окупил ли я своими трудами тот хлеб, который я ел в течение 75-ми лет? Поэтому я всю жизнь стремился к крестьянскому земледелию, чтобы буквально есть свой хлеб. Осуществлению этого мешало незнание жизни.

Что я читал в Москве и чем увлекался? Прежде всего — точными науками. Всякой неопределённости и «философии» я избегал. На этом основании и сейчас я не признаю ни

Эйнштейна, ни Лобачевского, ни Минковского с их последователями. Трудности мы находим во всех науках, но я не считаю их туманными. И сейчас мой ум многого не может преодолеть, но я понимаю, что это результат недосуга, слабость ума, трудности предмета, а никак не следствие туманности. Я сейчас отверг, например, Минковского, назвавшего время четвертым измерением. Назвать-то можно, но слово это нам ничего не открывает и не прибавляет к сокровищнице знаний. Я остался сторонником механистических воззрений XIX столетия и думаю, и знаю, что можно объяснить, например, спектральные линии (пока только водорода) без теории Бора, одной ньютоновской механикой. Вообще я еще не вижу надобности уклоняться от механики Ньютона, за исключением его ошибок. Прав ли я, не знаю. Под точной наукой или, вернее, истинной наукой, я подразумевал единую науку о веществе или о Вселенной. Даже математику я причислял и причисляю сюда же. Монизм — единство — на всю жизнь остался моим принципом.

Известный молодой публицист Писарев заставлял меня дрожать от радости и счастья. В нем я видел тогда второе «Я». Уже в зрелом возрасте я смотрел на него иначе и увидел его ошибки. Все же это один из самых уважаемых мною моих

учителей. Увлекался я также и другими изданиями Павленкова. В беллетристике наибольшее впечатление произвёл на меня Тургенев и в особенности «Отцы и дети». На старости и это я потом переоценил и понизил.

В Чертковской библиотеке много читал Араго и другие книги по точным наукам.

Кстати, в Чертковской библиотеке я заметил одного служащего с необыкновенно добрым лицом. Никогда я потом не встречал ничего подобного. Видно, правда, что лицо есть зеркало души. Когда усталые и бесприютные люди засыпали в библиотеке, то он не обращал на это никакого внимания. Другой библиотекарь сейчас же сурово будил.

Он же давал мне запрещённые книги. Потом оказалось, что это известный аскет Федоров — друг Толстого и изумительный философ и скромник. Он раздавал все своё крохотное жалование беднякам. Теперь я вижу, что он и меня хотел сделать своим пенсионером, но это ему не удалось: я чересчур дичился.

Потом я еще узнал, что он был некоторое время учителем в Боровске, где служил много позднее и я. Помню благообразного брюнета, среднего роста, с лысиной, но довольно прилично одетого. Федоров был незаконный сын какого-то вельможи и крепостной. По своей скромности он не хотел печатать свои труды, несмотря на полную к тому возможность и уговоры друзей. Получил образование он в лицее. Однажды Л. Толстой сказал ему: «Я оставил бы во всей этой библиотеке лишь несколько десятков книг, а остальные выбросил». Федоров ответил: «Видал я много дураков, но такого еще не видывал».

ОПЯТЬ В ГОРОДЕ П.

(от 19 до 21 года, 1876-78 гг.)

Вёл с отцом переписку, был счастлив своими мечтами и никогда не жаловался. Все же отец видел, что такая жизнь в Москве должна изнурить меня и привести к гибели. Пригласили меня, под благовидным предлогом, в П.

Дома обрадовались, только изумились моей черноте. Очень просто — я съел весь свой жир.

В либеральной части общества отец мой пользовался уважением и имел много знакомых. Благодаря этому я получил частный урок. Я имел успех, и меня скоро засыпали этими уроками. Гимназисты распространяли про меня славу, будто я понятно объясняю алгебру. Никогда не торговался и не считал часов. Брал, что давали — от четвертака до рубля за час. Вспоминаю один урок по физике. За него платили щедро — по рублю. Ученик был очень способный. Когда в геометрии дошли до правильных многогранников, я великолепно склеил их все из картона, навязал на одну нитку и с этим крупным ожерельем отправился по городу на урок.

Когда мы к физике дошли до аэростатов, то я склеил из папиросной бумаги аршинный шар и пошёл с ним к ученику. Летающий монгольфьер очаровал мальчика.

Только в П. я случайно узнал, что я близорук. Сидели мы с младшим братом на берегу реки и смотрели на пароход. Какой пароход — я прочесть не мог, брат же в очках прочёл. Взял его очки и тоже прочёл. С этих пор я носил очки с вогнутыми стёклами и до сих пор ношу, но читаю всегда и

даже сейчас без очков, хотя книгу приходится теперь удалять. Редко прибегаю к большому двояковыпуклому стеклу или лупе.

Случилось, что оглобли очков оказались длинны. Я перевернул очки вверх ногами и так носил их. Все смеялись, но я пренебрегал насмешками. Вот черты моего позитивизма, независимости и пренебрежения к общественному мнению.

Раньше была некоторая хлыщеватость и чем больше назад, тем её было больше. Там, в Москве, я ходил зимой в пальто старшего брата, перешитом из тёткиного бурнуса. Оно было мне велико, и я, чтобы скрыть это, носил его внакидку, несмотря на адский иногда холод. Пальто было из очень прочного драпа, хотя без подкладки и воротника. Но и его я скоро лишился: проходил однажды близ Апраксина рынка. Выскакивают молодцы и почти насильно ведут меня в магазин. Соблазнили: дали предрянное пальто, а моё взяли. Прибавил я ещё рублей 10.

Также неудачна была моя покупка сапог на Сухоревке.

Лишился старых и пришёл домой в новых без подмёток.

И в городе П. я было принялся за станки особого устройства и разные машины. Даже нанял особую для мастерской квартиру.

Между прочим, устроил нечто вроде водяных лыж, с высоким помостом, сложного устройства вёслами и центробежным насосом. Переплыл благополучно речку. Думал получить большую скорость, но сделал грубую ошибку: у лыж была тупая корма, и потому большой скорости не получилось.

Простудился и захворал мой брат, на год моложе меня, с которым я был особенно близок с самого детства. Зимы холодные. У брата пропал аппетит, образовались язвы в кишечнике, и он помер.

Товарищи-гимназисты его провожали. Я же отказался, говоря, что мёртвому ничего не нужно. Этот поступок не был результатом холодности: я очень горевал. Потом я уже понял, что провожают мёртвых ради родных и друзей.

Из публичной библиотеки таскал научные книги и журналы. Помню механику Вейсбаха и Брашмана ньютоновские «Принципы» и другие. Из журналов за все годы перечитал: «Современник», «Дело», «Отечественные записки». Влияние этих журналов на меня имело громадное. Так, читая статьи против табаку, всю жизнь не курил. К латинской кухне также возникло сомнение. Всю жизнь я болел, но не помню, чтобы лечился. Уже позже я понял великое будущее медицины. Гигиенические статьи производили глубокое впечатление. Отвращение к орфографии всех стран возникло тоже от чтения. Тогда же я был (из книг) очень напуган половыми болезнями, что очень способствовало моему целомудрию. Все же трудно было бы удержаться от соблазна, если бы не мое увлечение науками и планами великих достижений. Так, знакомый однажды повел меня в одно злачное место. Но было холодно, я прозяб в моем пальтишке на рыбьем меху и вернулся домой. Уроками я зарабатывал много, и не в деньгах было препятствие: как-то и судьба мне помогала, а может быть, и глухота.

Но все же я был страстен и постоянно влюблялся. В П. был один случай сверхплатонического чувства. Я полюбил семилетнюю дочку наших знакомых. Я мечтал о ней, мечтал

даже о доме, где она жила, и с радостью проходил мимо этого дома. Более чистой любви трудно себе что-нибудь представить.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В РЯЗАНЬ

(от 21 до 22 лет, 1878-79 гг.)

Отец стал прихварывать. Смерть его жены, детей, жизненные неудачи много этому способствовали. Отец вышел в отставку с маленькой пенсией, и все мы решили переселиться в Рязань, на родину. Ехали весной на пароходе до самого места. С нами была и та девочка. По приезде в Рязань она должна была отправиться к ее родителям. Я захотел с ней проститься. Она, маленькая, но вскочила на стол, чтобы я мог ее поцеловать. Это был единственный поцелуй, который мне от нее достался. Больше я с ней никогда не виделся.

В Рязани побывал в местах, где прежде жил. Все казалось очень маленьким, жалким, загрознённым. Знакомые — приземистыми и сильно постаревшими. Сады, дворы и дома уже не казались такими интересными, как прежде: обычное

разочарование от старых мест. Я ещё не был учителем (1878 г.), когда меня притянули к исполнению недавно введённой воинской повинности. Я отрицательно и с негодованием относился к войне, но понимал, что против рожна трудно пойти. Никто не догадался меня проводить в воинское присутствие. Благодаря глухоте получился неизбежный ряд комических сцен.

Раздели догола, кто-то держал рубашку. Грудь не вышла. Заявил о глухоте: «Воздух продувается сквозь барабанные перепонки». Послушал доктор, как шумит в ухе воздух от продувания.

Не помню хорошо, освободили меня сразу или отложили ещё на год. Помню только, что губернатор остался недоволен приёмной комиссией и захотел всех освобождённых переосвидетельствовать.

Он спросил меня: «Чем занимаетесь?» Мой ответ: «Математикой» — возбудил ироническое пожимание плеч. Все же мою негодность подтвердил. Помню, около этого времени я делал опыты с цыплятами. На центробежной машине я усиливал их вес в 5 раз. Ни малейшего вреда они

не получили. Такие же опыты ещё раньше в Вятке я производил и с насекомыми. Подвергал и себя экспериментам: по несколько дней ничего не ел и не пил. Лишение воды мог выдержать только в течение двух дней. По истечении их я на несколько минут потерял зрение.

На следующий год я сдавал экзамен на учителя, так как в Рязани не имел уроков и жил оставшимся скудным запасом денег. В это время я занимал комнату у служащего Палкина. Это был ранее сосланный в Сибирь поляк, теперь освобождённый.

На экзамен я боялся опоздать. Спрашиваю сторожа: «Экзаменуют?» Насмешливый ответ: «Только вас ожидают».

Первый устный экзамен был по Закону Божию. Растерялся и не мог выговорить ни одного слова. Увели и посадили в сторонке на диванчик. Через пять минут очухался и отвечал без запинки. Далее со мной уже этой растерянности не было. Главное — глухота меня стесняла. Совестно было отвечать невпопад и переспрашивать — тоже. Письменный экзамен был в комнате директора и в его одноличном присутствии.

Через несколько минут я написал сочинение ввернув доказательства совершенно новые. Подаю директору. Его вопрос. «Это черновая?» — «Нет, беловая», — отвечаю.

Хорошо, что попался мыслящий молодой экзаменатор. Он понял меня и поставил хороший балл, ни сделав ни одного замечания. Отметок их я не видел. Знаю только, что меньше 4 получать на экзамене было нельзя. Так сошли и другие экзамены.

Пробный урок давался в перемену, без учеников. Выслушивал один математик.

На устном экзамене один из учителей ковырял в носу. Другой, экзаменуемый по русской словесности, все время что-то писал и это не мешало ему выслушивать мои ответы. Отец был очень доволен. Решили помочь мне в снаряжении на предполагаемое место. На экзамене я был в серой заплатанной блузе. Пальто и прочее — все это было в жалком состоянии, а денег почти не оставалось. Сшили вицмундир, брюки и жилет, всего на 25 рублей. Кстати сказать, что все сорок лет моего последующего учительства я больше мундира не шил. Кокарды не носил. Ходил в чем придётся. Крахмальных воротников не употреблял. Сшили и дешевое

пальто за 7 рублей. Пришили к шапке наушники и все было готово. Истраченное я потом возвратил отцу, который за это немного обиделся.

Был у меня ещё коротенький полушубок (куплен за 2 рубля). Под холодное пальто без ваты он очень пригодился зимой: тепло и прилично.

Однако несмотря на прошение назначен был на место учителя только месяца через четыре.

Этот промежуток ожидания я проводил в деревне у помещика М. Занимался с его малыми детьми. учил их грамоте. Мальчик спрашивает: «Зачем ставится в конце слов ер(ъ)?» «Это, — отвечаю, — по глупости». Также я раскритиковал и всю грамматику. Когда ребенок встречал ер, то сначала становился в тупик, а потом замечал: «Знаю, это по глупости». До меня у этого помещика жил какой-то бесприютный чудаков. Про него рассказывали, что он зимой, через двойные рамы, со двора, всячески ругал хозяина, чем очень потешал собравшуюся публику. Помещик об этом не знал и ничего не слышал.

Педагогика была для меня забавой. Главным же образом я погружался в законы отношения тел разной формы и изучал разного рода движения, которые вызывали относительную тяжесть. Лет через 30 я послал остатки этих впечатлений и чертежей известному Перельману, как исторический документ. Он недавно упоминал о нем в своей книге о мне (1932 г.). Каждый день я гулял довольно далеко от дома и мечтал об этих своих работах и о дирижабле. Меня предупреждали, что тут много волков, указывали на следы и даже на перья растерзанных кур. Но мне как-то не приходила мысль об опасности, и я продолжал свои прогулки. Вздумал я тут же заниматься с одной крестьянской девушкой. Заметил, что увлекаюсь — бросил. Какой-то инстинкт отталкивал меня от женщин, хотя я был очень слаб к ним. Может быть, это было результатом крайне страстного увлечения идеями, которое пересиливало животные стремления. В простых людях, привыкших к барской разнузданности, это возбуждало сочувствие, и мне это было приятно.

В БОРОВСКЕ УЧИТЕЛЕМ**(23-35 лет, 1880-92 гг.)**

Наконец, после Рождества (1880 г.) я получил известие о назначении меня на должность учителя арифметики и геометрии в Боровское уездное училище.

Надел свои наушники, полушубок, пальто, валенки и отправился в путь.

В городе Боровске остановился в номерах. Потом стал искать квартиру. Город был раскольнический. Пускали неохотно щепотников и табашников, хотя я не был ни тем, ни другим.

Дома стояли пустыми, и все же не пускали.

В одном месте нанял огромный пустой бельэтаж. Взял в нем одну комнату и в первую же ночь страшно угорел.

Бельэтаж отдали под свадьбу, меня же переселили в темную каморку, что мне не понравилось. Стал искать другую квартиру. По указанию жителей попал на хлеба к одному вдовцу с дочерью, жившему на окраине города, поблизости

реки. Дали две комнаты и стол из супа и каши. Был доволен и жил тут долго. Хозяин — человек прекрасный, но жестоко выпивал.

Часто беседовали за чаем, обедом или ужином с его дочерью. Поражен был ее пониманием евангелия. Она соглашалась со мной, что галилейский плотник был человеком необыкновенного ума и что звали его все люди хозяином, а не богом.

Пора было жениться, и я женился на ней без любви, надеясь, что такая жена не будет мною вертеть, будет работать и не помешает мне делать то же. Эта надежда вполне оправдалась. Такая подруга не могла истощить и мои силы: во-первых, не привлекала меня, во-вторых, и сама была равнодушна и бесстрастна. У меня был врожденный аскетизм, и я ему всячески помогал. С женой мы всегда и всю жизнь спали в отдельных комнатах, иногда и через сени. Так и она до глубокой старости сохранила силы и способность к умственной деятельности. Она и сейчас (77 лет) много читает.

Хорошо ли это было: брачная жизнь без любви? Довольно ли в браке одного уважения?

Кто отдал себя высшим целям, для того это хорошо. Но он жертвует своим счастьем и даже счастьем семьи. Последнего я тогда не понимал. Но потом это обнаружилось. От таких браков дети не бывают здоровы, удачны и радостны, и я всю жизнь сокрушался о трагической судьбе детей. Помимо этого, брак без страсти — не устойчив. Жена его удовлетворяется детьми и кое-как сохраняет равновесие. Муж же не может так поглотиться семьей. Неудовлетворенное сердце вечно тянет в сторону. Жалость к детям и к невинной жене все же некоторых удерживает от губительного для них разрыва. То же было и со мной. Имейте это в виду, молодые люди! Академический брак едва ли сделает вас великими, а несчастными сделает, наверное.

Венчаться мы ходили за четыре версты, пешком, не наряжались, в церковь никого не пускали. Вернулись — и никто о нашем браке ничего не знал.

До брака и после него я не знал ни одной женщины, кроме жены.

Мне совестно интимничать, но не могу же я лгать. Говорю про дурное и хорошее.

Браку я придавал только практическое значение: уже давно, чуть не с 16 лет, разорвал теоретически со всеми нелепостями вероисповеданий.

В день венчания купил у соседа токарный станок и резал стекла для электрических машин. Все же про свадьбу пронюхали как-то музыканты. Насилу их выпроводили. Напился только венчавший поп. И то угощал его не я, а хозяин.

Я очень увлекался натуральной философией. Доказывал товарищам, что Христос был только добрый и умный человек, иначе он не говорил бы такие вещи: «Понимающий меня может делать то же, что и я, и даже больше». Главное, не его заклинания, лечение и «чудеса», а его философия. Донесли в Калугу директору. Директор вызывает к себе для объяснений. Занял деньги, поехал. Начальник оказался на даче. Отправился на дачу. Вышел добродушный старичок и попросил меня подождать, пока он выкупается. «Возница не

хочет ждать», — сказал я. Омрачился директор, и произошел такой, между нами, диалог.

— Вы меня вызываете, а средств на поездку у меня нет...

— Куда же вы деваете свое жалование?

— Я большую часть его трачу на физические и химические приборы, покупаю книги, делаю опыты...

— Ничего этого вам не нужно... Правда ли, что вы при свидетелях говорили про Христа то-то и то-то?

— Правда, но ведь это есть в Евангелии Ивана.

— Вздор, такого текста нет и быть не может!

— Имеете ли вы состояние?

— Ничего не имею.

Как же вы — нищий — решаетесь говорить такие вещи!..

Я должен был обещать не повторять моих «ошибок» и только благодаря этому остался на месте... чтобы работать. Выхода другого, по моему незнанию жизни, никакого не было. Это незнание прошло через всю мою жизнь и заставило меня делать не то, что я хотел, много терпеть и унижаться. Итак, я возвратился целым к своим физическим забавам и к серьезным математическим работам. У меня сверкали электрические молнии, гремели громы, звонили

колокольчики, плясали бумажные куколки, пробивались молнией дыры, загорались огни, вертелись колеса, блистали иллюминации и светились вензеля. Толпа одновременно поражалась громовым ударам. Между прочим, я предлагал желающим попробовать ложкой невидимого варенья. Соблазнившиеся угощением получали электрический удар. Любовались и дивились на электрического осьминога, который хватал всякого своими ногами за нос или за пальцы. Волосы становились дыбом, и выскакивали искры из всякой части тела. Кошка и насекомые также избегали моих экспериментов.

Надувался водородом резиновый мешок и тщательно уравнивался посредством бумажной лодочки с песком. Как живой, он бродил из комнаты в комнату, следуя воздушным течениям, поднимаясь и опускаясь. В училище товарищи называли меня Желябкой (1882 г.) и подозревали, чего не было. Но я бронировал себя хождением по царским дням в собор и говением каждые четыре года.

В то же время я разработал совершенно самостоятельно теорию газов. У меня был университетский курс физики

Петрушевского, но там были только намеки на кинетическую теорию газов, и вся она рекомендовалась как сомнительная гипотеза.

Послал работу в столичное «Физико-химическое общество». Единогласно был избран его членом. Но я не поблагодарил и ничего на это не ответил (наивная дикость и неопытность). Ломал голову над источниками солнечной энергии и пришел самостоятельно к выводам Гельмгольца. О радиоактивности элементов тогда не было ни слуху, ни духу. Потом эти работы были напечатаны в разных журналах.

Река была близко, но на плоскодонке плавать было противно, а иных лодок у нас не было.

Придумал особую, быстроходную. Катался на ней с женой, которая сидела у руля и правила. Знакомый столяр даже выиграл через нее пари у богатого купца, который говорил, что я лодку сделать не сумею. Но когда я проехал на ней мимо его окон, то пришлось заплатить проигрыш. Потом я делал такие же лодки на 15 человек. Нашлись и подражатели.

С помощью своей лодки забрасывал верши и ловил так рыбу. Увлёкся этим и ранней весной схватил тиф.

Моя лодка была поверхностью вращения, которая в продольном сечении имела синусоидную кривую. Доски плотно смыкались проникающей их проволокой. Много катался и с парусом. Наезжали на подводные острые сваи (остатки старых мостов), но ни разу не опрокидывались. Все же она была очень валкая, особенно первая — маленькая.

Вот — трагикомическое происшествие. Тесть нарядился и собрался в гости. Надо было перевезти его на другой берег. Предупреждал, чтобы не хватался за борта лодки. Лодка закачалась, он испугался, схватился за края и сейчас же кувырнулся в воду. Я стою на берегу, помираю со смеху, а он барахтается в холодной весенней воде в своем наряде и во всю мочь ругается. Вылез и не простудился. Такое же горе было и с другими. Лодку называли душегубкой. Большие лодки не были валки.

В теплую погоду ребята вытаскивали кол и катали на ней друг друга. Приходишь к берегу — нет лодки, а лежит какая-

то черная рыба, высунув спину. Это была моя перевернутая «душегубка», не загубившая, впрочем, ни одной души.

Зимой с знакомыми катался по реке на коньках. Был такой случай. Вода только что замерзла, и лед был тонкий. Поехали на коньках втроем. Я впереди. Говорю товарищам: «Первый провалюсь я, а вы катитесь тогда назад». Лед подомной затрещал, показалась вода. Я скорее повалился и лежа полз назад. Так спасся. Что это — отважность или безумие? Я думаю, что и то, и другое.

Приятель ускакали в деревню за помощью, но я выкарабкался самостоятельно.

Сколько раз в бурю (с зонтом) я мчался по льду силою ветра! Это было восхитительно.

Всегда я что-нибудь затевал. Поблизости была река. Вздумал я сделать сани с колесом. Все сидели и качали рычаги. Сани должны были мчаться по льду. Все было закончено, но испытание машины почему-то не состоялось. Я усомнился в целесообразности ее конструкции.

Потом я заменил это сооружение особым парусным креслом. По реке ездили крестьяне. Лошади пугались мчащегося паруса, проезжие ругали матерным гласом. Но по глухоте я долго об этом не догадывался. Потом уже, завидя лошадь, заранее поспешно снимал парус.

Катался на коньках, пока был чистый лед. Попадал и в прорубь. Однажды при этом сильно замочился, а мороз был трескучий. С пальто текло, и образовалось множество сосулек. Шел по улице, а сосульки, ударяясь друг об друга, звонили, как колокольчики. Ничего — проходило безнаказанно.

Реку любил. Каждый день в хорошую погоду ездил с женой кататься; жена правила рулем, я работал веслами. Потом пошли дети, и я ездил уже один или (редко) с кем-нибудь из знакомых. Осенью вода очищается от водорослей, которые падают на дно, и вода становится очень прозрачной. Видны все камешки, растения и водное население. Бывало, плывешь по течению и рассматриваешь все это с большим удовольствием.

По берегам, в недоступных местах, по обрывам росла ежевика. Местность была красивая, летом река запружена, и катанье на протяжении трех-пяти верст восхитительное. Педагогический персонал был далеко не идеальный. Жалованье было маленькое, город прижимистый, и уроки добывались (не совсем чистой) хитростью: выставлялась двойка за четверть или наушничали богатеньким родителям о непонятливости ученика.

Я никогда не угощал, не праздновал, сам никуда не ходил, и мне моего жалованья хватало. Одевались мы просто, в сущности, очень бедно, но в заплатах не ходили и никогда не голодали.

Другое дело мои товарищи. Это большей частью семинаристы, кончившие курсы и выдержавшие, кроме того, особый экзамен на учителя. Им не хотелось поступать в попы. Они привыкли к лучшей жизни, к гостям, праздникам, суете и выпивке. Им не хватало жалованья. Брали взятки, продавали учительские дипломы сельским учителям. Я ничего не знал по своей глухоте и никакого участия в этих вакханалиях не принимал. Но все же по мере возможности

препятствовал нечестным поступкам. Мечта товарищей — сбить меня с рук, что и совершилось со временем.

Сам я всегда отказывался от уроков со своими учениками, а другие редко попадались.

Товарищи — студенты университета — были приличней.

Возвращаюсь назад. По приезде в Боровск мне нужно было побывать у смотрителя моего училища⁵⁴. Он мне очень понравился, а семья его в особенности. Смотритель через несколько месяцев внезапно помер, а мои связи с семьей остались и даже укрепились. Семья состояла из двух молодых девушек и трех молодых людей. Один был уже учителем в приходской школе.

Я сначала влюбился в младшую девушку, но ее вскоре перевели учительницей в женскую учительскую семинарию. Тогда я влюбился в другую.

Это была чудесная семья. По субботам у меня мало было уроков, и я рано, прямо из училища, заходил к Толмачевым. Помню один момент, который не могу и теперь забыть. Было холодно, я прозяб и, по обыкновению, в субботу зашел к

Толмачевым. Никого не было дома, кроме девушки. Она пожалела меня и предложила погреться на лежанке, которая была в ее комнате. Через пять минут я обогрелся, но обаяние близости молодого существа осталось до сих пор. Видно, предвкушение любви не слабее ее продолжения.

Чем все это кончилось, и была ли взаимность во всех моих увлечениях? Я не могу этого сказать, потому что никогда не объяснялся в своих чувствах. И как было это сделать, раз на моей ответственности была семья! Ни к чему бы это не повело при моем бессилии и незнании жизни.

Девушка скоро ослепла и уехала в Москву лечиться, где и умерла. Семья Толмачевых также рассеялась, и никого из них уже не было в Боровске. Разлука с друзьями угнетала меня до нервного расстройства. Оно выражалось в непонятном страхе даже днем при солнечном свете.

Несмотря на глухоту, мне нравилось учительство. Большую часть времени мы отдавали решению задач. Это лучше возбуждало мозги и самодеятельность и не так было для детей скучно.

С учениками старшего класса летом катались на моей большой лодке, купались и практиковались в геометрии.

Я своими руками сделал две жестяных астролябии и другие приборы. С ними мы и ездили. Я показывал, как снимать планы, определять величину и форму недоступных предметов и местностей, и обратно, по плану местности, восстанавливать ее в натуре в любом пустом поле. Впрочем, больше было веселости и шалостей, чем дела. Через Толмачевых я познакомился с другим домом. Тут я давал урок одной девице. В этой семье я встретил очень молодую замужнюю женщину, в которую после отъезда Толмачевых я влюбился без ума. Ее семья заменяла мне семью Толмачевых. Разумеется, и она никогда не узнала о моих чувствах. Я только раз ее поцеловал под предлогом христосования.

—Можно с вами похристосоваться?

—Можно...

Я едва коснулся ее губ.

—Что же вы не сказали: «воистину воскресе»? — заметил муж.

Как же ко всем этим невинным романам относилась жена?

Она была занята хозяйством и детьми, и потому я путешествовал по знакомым один. Сначала я рассказывал ей о своих наивных приключениях, и она даже не морщилась. Но потом она стала оскорбляться ими — и я уже ничего ей после этого не передавал. Зачем возбуждать ревность. Это такое мучительное чувство! Я инстинктивно поступал хорошо. Она была спокойна, и мы жили мирно. Иногда я помогал жене по хозяйству, даже шил ей рубашки на машине. Теперь уже забыл про это, но она недавно мне напомнила.

Были маленькие семейные сцены и ссоры, но я признавал себя всегда виновным и просил прощения. Так мир восстанавливался. Преобладали все же работы: я писал, вычислял, паял, стругал, плавил и проч. Делал хорошие поршневые воздушные насосы, паровые машины и разные опыты. Приходил гость и просил показать паровую машину. Я соглашался, но только предлагал гостю наколоть лучины для отопления паровика. Я любил пошутить. У меня был большой воздушный насос, который отлично воспроизводил

неприличные звуки. Через перегородку жили хозяева и слышали эти звуки. Жаловались жене: «Только что соберется хорошая компания, а он начнет орудовать своей поганой машиной».

Летом я еще нашел другую забаву для учеников. Сделал огромный шар из бумаги. Спирту не было. Поэтому внизу шара была сетка из тонкой проволоки, на которую я клал несколько горящих лучинок. Монгольфьер, имеющий иногда причудливую форму, подымался, насколько позволяла привязанная к нему нитка. Но однажды нитка нечаянно внизу перегорела, и шар мой умчался в город, роняя искры и горящую лучину. Попал на крышу к сапожнику. Сапожник заарестовал шар. Хотел привлечь меня к ответственности. Потом смотритель моего училища рассказывал, что я пустил шар, который упал на дом и со страшной силой разорвался. Так из мухи делают слона.

Потом уже я свой монгольфьер только подогревал, огонь же устранял, и он летел без огня. Поэтому скоро опускался. Ребята гнались за ним и приносили обратно, чтобы снова пустить в воздух.

32-33 лет я увлекся опытами по сопротивлению воздуха. Потом занялся вычислением и нашел, что закон Ньютона о давлении ветра на наклонную пластину неверен. Пришел и к другим, менее известным тогда выводам. Помню, на рождественские праздники сидел непрерывно за этой работой недели две. Наконец, страшно закружилась голова, и я скорей побежал кататься на коньках.

Написанная рукопись и сейчас у меня цела. Потом часть ее была издана в журнале при помощи профессора А.Г.Столетова.

Кстати сказать, у меня до сих пор сохранился учебник аналитической геометрии Врио и Буке, купленный мной в Москве еще в юности. Кажется, сохранились и другие книги этого времени.

С самого приезда в Боровск я занимался усердно теорией дирижабля. Работал и на каникулах. Праздников у меня не было. Как и теперь — пока здоров и не оставили силы — я работаю.

Еще в 1887 году я познакомился с Голубицким. У него гостила известная Ковалевская⁵⁹ (женщина-профессор в Швеции), давно умершая. Он приехал в Боровск, чтобы возить меня к Ковалевской, которая желала со мной познакомиться. Мое убожество и происходящая от этого дикость помешали мне в этом. Я не поехал. Может быть, это к лучшему.

Голубицкий предложил мне съездить в Москву к Столетову (известный ученый) и сделать в обществе доклад о своем дирижабле. Поехал, плутал по городу, наконец, попал к профессору. Оттуда поехал делать сообщение в Политехнический музей. Читать рукопись не пришлось. Я только кратко объяснил сущность. Никто не возражал. Делал доклад и д-р Репман. На черной доске он что-то напутал, и я с изумлением рассматривал его чертеж на доске. Слышу громкий голос Михельсона (будущего профессора): «Полюбуйтесь — у вас положительное электричество соединяется с положительным».

Я поспешил отойти от черной доски.

Хотели меня устроить в Москве, но не устроили.

В Боровске я жил на окраине и меня постигло наводнение. Поднялись половицы в доме, посуда плавала. Мы сделали мосты из стульев и кроватей и по ним передвигались. Лдины звенели о железные болты и ставни. Лодки подъезжали к окнам, но спастись мы не захотели.

В другой раз более серьезно претерпели от пожара. Все было растаскано или сгорело. Загорелось у соседей от склада неостывшего угля...

Однажды я поздно возвращался от знакомого. Это было накануне солнечного затмения, в 1887 году. На улице был колодезь. У него что-то блестело. Подхожу и вижу в первый раз ярко светящиеся большие гнилушки. Набрал их полный подол и пошел домой. Раздробил гнилушки на кусочки и разбросал их по комнате. В темноте было впечатление звездного неба. Позвал кого можно, и все любовались. Утром должно быть солнечное затмение. Оно и было, но случился дождь. Ищу зонтик, чтобы выйти на улицу. Зонта нет. Потом уж вспомнил, что зонт оставил у колодца. Так и пропал мой новенький, только что купленный зонтик. За это получил гнилушки и звездное небо.

Если я не читал и не писал, то ходил. Всегда был на ногах. Когда же не был занят, особенно во время прогулок, всегда пел. И пел не песни, а, как птица, без слов. Слова бы дали понятие о моих мыслях, а я этого не хотел. Пел и утром, и ночью. Это было отдыхом для ума. Мотивы зависели от настроения. Настроение же вызывалось чувствами, впечатлениями, природой и часто чтением. И сейчас я почти каждый день пою и утром, и перед сном, хотя уже и голос охрип, и мелодии стали однообразней. Ни для кого я этого не делал, и никто меня не слышал. Я это делаю сам для себя. Это была какая-то потребность. Неясные мысли и ощущения вызывали звуки. Помнится, певческое настроение у меня появилось с 19 лет.

В Москве мне пришлось познакомиться с известным педагогом Малининым. Его учебники я считал превосходными и очень ему обязан. Говорил с ним о дирижабле. Но он сказал: «Вот такой-то математик доказал, что аэростат не может бороться с ветром». Возражать было бесполезно, так как авторитет мой был незначителен. Вскоре умер и он, и Столетов.

Одно время в Боровске я жил на краю города, где была близка река. Наша улица была безлюдна, покрыта травой и очень удобна для игр. Однажды увидел я у соседей маленького ястреба — японскую игрушку, сделанную из камыша и папиросной бумаги. Она была испорчена и не летала. С помощью пантографа я увеличил все ее размеры в несколько раз, так что размах крыльев был около аршина. Мой раскрашенный чернилами ястреб прекрасно летал. Можно было даже прикреплять к нему небольшие грузы. Нитка не была видна, и игрушку часто принимали за живую птицу. Особенно была велика иллюзия, когда я подергивал за нитку. Тогда ее крылья колебались, и было очень похоже на летящую птицу. Я много раз замечал, как большие белые птицы (вроде цапель) подлетали на некоторое расстояние к игрушке, а затем, разочаровавшись, поворачивали и улетали. Дети и взрослые толпой шли поглядеть, как я запускал на нашей Молчановской улице своего ястреба. Движение толпы даже обеспокоило квартального. Он любопытствовал, куда это бежит народ. Когда же приблизился и увидел не только игрушку, но и нитку, с досадой сказал: «Ну, кому придет в голову, что это не настоящая птица!» Другие думали, что я на нитке пускал

прирученную птицу, и спрашивали: «Небось мясом кормишь ястреба?»»

Ночью я его запускал с фонарем. Тогда с местного бульвара видели звезду и спорили: что это — Венера или чудакучитель пускает свою птицу с огнем? Бились даже об заклад. Я уже тогда был не совсем здоров и совсем разучился бегать. Но эта забава заставила меня двигаться, и я заметил, что поправился и вновь приобрел эту детскую способность. Мне в то время было около 30 лет.

В КАЛУГЕ

(35-77 лет, 1892-1934 гг.)

Тут я сошёлся с семьёй В.И.Ассонова, а потом с П.П.Канингом. Семья Ассонова была видная в городе. Ассонов помог мне связаться с Нижегородским (ныне Горьковским) кружком любителей физики, председателем которого был недавно умерший в Калуге С.В.Щербаков. Сначала с помощью кружка, а потом самостоятельно я стал печатать свои работы о Солнце, о летательных приборах и другие в журналах: «Наука и жизнь», «Научное

образование», «Вестник опытной физики», «Вокруг света» и проч. Теоретические работы профессоров дали очень большое сопротивление даже для самых лучших форм. Желая это опровергнуть, я производил много опытов по сопротивлению воздуха и воды. Приборы устраивал сам — сначала маленькие, потом большие, которые занимали почти всю залу в моей квартире. Бывало, заперёшься на крючок, чтобы не отрывали и не нарушали правильности воздушных течений. Стучится письмоносец, а открыть дверь нельзя до окончания наблюдения. Письмоносец слышит мерный звон метронома и счёт 15, 14, 15, 15, 14 и т. д. Наконец, отворяю дверь ворчащему письмоносцу. Одна родственница, увидавшая в квартире чудовище (аппарат), сказала моей жене: «Когда он уберёт этого черта!?» Некий батюшка заметил, что загажен святой угол.

Тела разной формы клеились из толстой рисовальной бумаги. Но нужны были иногда для этого тяжёлые деревянные болванки. Их приготавливал для меня преподаватель железнодорожного училища инженер Литвинов. Никогда не забуду этой бескорыстной услуги! Он помер, а сын сейчас в Ленинграде. Мы переписывались, и я вторично благодарил его за отца.

Ещё в Боровске был сделан заказ в Московскую типографию об издании моего «Аэростата». Половину денег дал я, остальные — знакомые. Вёл дело Чертков (умерший теперь). В его руках были изданные книги, а я материально ничем не воспользовался. Впрочем, книги плохо продавались, и едва ли компаньоны получили барыши. Тем не менее, когда я уже в Калуге получил эту брошюру, то чувствовал себя на седьмом небе. Незапамятное время!

В Калуге издали и второй томик моего «Аэростата». Все же, как и в Боровске, меня тянуло к реке, выстроили двойную лодку моей системы. Работал, главным образом, я. Лодка имела кабину и большое гребное колесо. Все сидящие на лавочках и без всякого уменья могли вращать это колесо, сидя удобно в тени и в защите от дождя и ветра. Лодка годилась даже для танцев — так была устойчива (двойняшка) и легко шла против течения. Были частые и интересные прогулки, фотографии с нее, кажется, хранятся у одного из местных педагогов. У Каннинга была мать, тетка и его двоюродная сестра, молодая, хорошенькая девушка. По обыкновению, втюрился. Опять — как бы невинный роман.

Но так ли все эти романы невинны, как кажется с первого раза? Мне, например, с ней не пришлось даже поцеловаться. А объясняться с ней я, конечно, не смел, да и не желал.

Не знаю, были ли эти увлечения и привязанности взаимны. Но, допустим, что они скрыто взаимны. Разве и из этого не выходит зло? Ну, от жены вы скроете. Она не знает, не ревнует и не страдает. Но неудовлетворенная девушка мучается, родственники озлобляются против вас и ссорятся между собою. Среди супругов возникают тяжелые сцены, ревность и проч.

Все это из приличия или самолюбия скрываете. Поводы к ссорам, якобы, другие: одни неясные намеки. Вот почему, положив руку на сердце, я не могу утверждать, что этими своими как бы наивными и платоническими привязанностями я не наделал людям горя. Меня немного извиняет моя неудовлетворенность и могучая потребность в особой рыцарской идеальной любви. Я делал что мог: не мучил жену, не оставлял детей и не доводил дело до явного адюльтера, или распутства.

...Кстати, о наших детях. Все они учились в средних школах. Все три дочери кончили гимназию. Старшая была на высших курсах. Мальчики учились особенно хорошо, кроме больного от рождения Вани. Он все же прошел бухгалтерские курсы. Один сын умер студентом, другой не вынес столичной нужды, сдал экзамен, как я, и был учителем высшего начального училища. Но вскоре тоже помер. Теперь осталось только две дочери, которые и живут при мне, в одном доме. Шесть внучат при мне, седьмой в Москве при отце, но он тоже почти все время жил у меня, а сейчас приезжает летом. Не знаю, может быть, я и невинен, так как взаимности могло и не быть, но примером служить в брачном отношении не могу.

Если бы я не был глух, знал жизнь и не был бы поглощен высшими целями, то, возможно, исправил бы свою ошибку своевременно и без особенного горя для семьи, но условия жизни не дали мне этого выхода. Однако, возможно, что судьба и не ошиблась и что случилось, то было нужно.

В городском саду летом часто была музыка, и я с увлечением не пропускал ни одного концерта. Становился у самого павильона и так только улавливал все нюансы.

Музыкальный слух у меня был, и я, что бы ни слышал, через некоторое время воспроизводил своим бессловесным птичьим пением. Но возникали и самостоятельные мотивы. Я помню, что после чтения «Борьбы миров» Уэллса, у меня возник никогда не слышанный мною мотив, соответствующий гибели человечества и полной безнадёжности.

Свои электрические занятия я продолжал, присоединив к статическому электричеству гальваническое. Делал машины всех систем, кончая самой сложной, индуктивной с двумя вращающимися колёсам (Вимстгерста). Главное угощение для моих немногих знакомых состояло в электрическом представлении. Уходили довольные, как после хорошего обеда. Теперь-то я сократил своё личное знакомство до нуля и принимаю только по делу или ради научной беседы. Обывательской болтовни и обывательского проведения времени теперь совершенно не выношу.

В 1897 году мне дали уроки математики в казённом реальном училище. Там были недовольны тем, что у меня не вышло ни одной годовой двойки. Кроме того, приехал новый директор и отобрал у меня уроки для себя.

В это время я сильно утомлялся. Из своего училища шел в реальное, оттуда — в третье училище точить свои болванки для моделей! Другому бы ничего, а я со своим слабым здоровьем не вынес — заболел воспалением брюшины. Я думал, что помру. Тут я в первый раз узнал, что такое обморок. Во время приступа ужасных болей потерял сознание. Жена испугалась и стала звать на помощь, а я очнулся и, как ни в чем не бывало, спрашиваю: «Что ты кричишь?» Тогда она мне все объяснила, и я узнал, что пробыл некоторое время в «небытии». Результаты перитонита сказались не сразу... После него я постоянно чувствовал тяжесть в пищеварительной области, но грыжа появилась позднее, под влиянием еще и физического труда; паховая, примерно, в 1906 г., а пупочная еще лет через 20. Носил бандажи.

В 1898 году мне предложили уроки физики в местном женском епархиальном училище. Я согласился, а через год ушёл совсем из уездного училища. Уроков сначала было мало, но потом я получил ещё уроки математики. Приходилось заниматься почти со взрослыми девушками, а это было гораздо легче, тем более что девочки раньше

зреют, чем мальчики. Здесь не преследовали за мои хорошие отметки и не требовали двоек.

Однажды одной слабой девице, по ошибке, я поставил пять, но не стал её огорчать и не зачёркивал балл. Спрашиваю урок в другой раз. Отвечает на пять. Заметил, что дурные баллы уменьшают силу учащихся и вредны во всех отношениях. В этом училище мне, калеке, было очень хорошо, так как во время урока был особый надзор. Только после 1905 года он был почти уничтожен, но и тогда я справлялся благополучно.

Поблизости моей квартиры был Загородный сад. Я часто ходил туда думать или отдыхать — зимой и летом. Однажды встретил там знакомого велосипедиста. Он предложил мне поучиться ездить на велосипеде. Попробовал, но безуспешно — все падаю. Тогда я заявил: «Нет, никогда я не выучусь кататься на двухколёске». На другой год (в 1902г.) купил старый велосипед и в два дня научился. Было мне 45 лет. Теперь можно отпраздновать 30-летие моей езды на велосипеде. Выучились и все мои дети, даже девушки (кроме старшей).

Велосипед был для моего здоровья чрезвычайно полезен: улучшил легкие и развил мускулы ног, в особенности икрные. Я стал меньше задыхаться при восхождении на гору, но ослабился интерес к конькам и водному спорту.

Благодаря этой машине я мог каждый день летом, в хорошую погоду ездить за город в лес. Это облегчило и купанье, так как Ока была далеко. В училище надо было ходить за три версты, и все стало нетрудно. По городу же на велосипеде я редко ездил. Мои средства производства опытов по сопротивлению воздуха были истощены, и я обратился к председателю физико-химического Общества, профессору Петрушевскому, давно умершему. Он очень любезно ответил. Но средства Общества были израсходованы на издание учебника этого профессора. Помогла Академия наук, выдав около 470 рублей. Огромный отчёт об этих опытах с таблицами и чертежами хранится у меня до сих пор. В трудах Академии он не был напечатан отчасти по моему упрямству. Но извлечения из опытов появились во многих журналах.

Между тем я продолжал педагогическую деятельность в женском училище. Благодаря общественному надзору, оно

было самым гуманным и очень многочисленным. В каждом классе (в двух отделениях) было около 100 человек. В первых столько же, сколько и в последних. Не было этого ужаса, что я видел в казенном реальном училище: в первом классе — 100, а в пятом — четыре ученика. Училище как раз подходило к моему калечеству, ибо надзор был превосходный. Сам по глухоте я не мог следить за порядком. Больше объяснял, чем спрашивал, а спрашивал стоя. Девушка становилась рядом со мной у левого уха. Голоса молодые, звонкие, и я добросовестно мог выслушивать и оценивать знание. Впоследствии я устроил себе особую слуховую трубу, но тогда ее не было. Микрофонные приборы высылались плохие, и я ими не пользовался. Большого значения школьному просвещению я не придавал, но все же оставался кое-какой след. Ученицы иногда выходили замуж за собственных учителей. Были споры у супругов по физике, и жены побеждали. Однажды у меня ассистенткой на экзамене была женщина-врач. Слушая ответы учениц, она заметила потом мне: «Только теперь я начинаю понимать физику».

Преподавал я всегда стоя. Делал попытку ставить балл по согласию с отвечающей, но это мне ввести не удалось.

Спрашиваешь: «Сколько вам поставить?» Самолюбие и стыдливость мешали ей прибавить себе балл, а хотелось бы. Поэтому ответ был такой: «Ставьте, сколько заслуживаю». Сказывалась полная надежда на снисходительность учителя. В каждом классе было две, три хорошеньких. Но на меня никогда не жаловались и не говорили: «Он ставит балл за красоту, а не за знание!»

Глядеть на девиц было некогда, да и стыдно было бы оказать малейшее предпочтение. Я даже прибавлял дурнушкам, чтобы не вызывать ни малейшего подозрения в пристрастии. Опыты показывались раза два в месяц, ибо на них не хватало времени. Более других нравились опыты с паром, воздухом и электричеством.

Перед распуском дети волновались и не учили уроки. Вот тут-то часто я забавлял их опытами. Например, предлагал вынуть серебряный рубль из таза с водой. Многие перепробовали, но никому это не удавалось. Иные же боялись, видя корчи и бессилие товарок. Наконец, классная воспитательница захотела отличиться. Однако не отличилась. Разливалась вода, даже били посуду, но вытащить монету никто не мог. Много было смеха и веселья,

тем более что радостно собирались домой (большинство жило при училище на полном пенсионе).

Физический кабинет был полуразрушен. Мне приходилось, что можно, поправлять. Но я и сам много приборов производил заново. Делал, например, простые и сложные блоки разных сортов, сухие гальванические элементы и батареи, и электродвигатели. Химические опыты тоже производились моим иждивением: добывание газов, сжигание железа в кислороде и прочее.

Зажжённый водород у меня свистел и дудел на разные голоса. В пятом классе всегда показывал монгольфьер. Он летал по классу на ниточке, и я давал держать эту ниточку желающим. Большой летающий шар, особенно с лёгкой куклой, производил всеобщее оживление и радость. Склеенный мною бумажный шар, весь в ранах и заплатах, служил более 15 лет.

Образчик моей аккуратности.

Комбинировал разные опыты с воздушным насосом.

Давление воздуха испытывалось всем классом: я предлагал оторвать колокол (магдебургские полушария были испорчены) всем желающим и сомневающимся. Класс видел, как несколько человек, несмотря на все усилия, не могли оторвать стеклянный колпак от тарелки насоса. Паровая машина была со свистком. Девушки самолично орудовали свистком, и это доставляло им большое удовольствие. С этим свистком машины вышел анекдот. Прихожу в учительскую. «Что это был за свист?» — спрашивает один из педагогов. Я объясняю. «Нет, это освистали тебя девушки, Серёжа», — шутит другой учитель.

Был я аккуратен и ходил до звонка. Дело в том, что мне скучно в учительской, так как слышал звуки, но разговоров не разбирал и из 10 слов улавливал не более одного. Вот я и спешил в класс, вызывая насмешки: «соскучился по епархиалкам» и проч. Все же товарищи народ был порядочный. Они не злословили и относились к ученицам довольно добросовестно и гуманно.

Работы мои печатались в журналах, но проходили незамеченными. Только в душе моей они оставляли след, и я благодаря им стремился все выше и дальше. Около этого

времени я писал и печатал свою работу «Аэростат и аэроплан», ныне переизданную («Цельнометаллический дирижабль»).

Учение о реактивном звездолёте только тогда было замечено, когда начало печататься вторично, в 1911-1912 годах, в известном распространённом и богато издающемся столичном журнале «Вестник воздухоплавания». Тогда многие учёные и инженеры (за границей) заявили о своём приоритете. Но они не знали о моей первой работе 1903 года и потому их претензии были потом изобличены. Неизвестность работы 1903 года о звездолёте спасла мой приоритет. Подобное было и с Д.Менделеевым и многими другими.

В 1914 году, весной, до войны меня пригласили в Петроград на воздухоплавательный съезд. Взял с собой ящик моделей в два метра длиной и делал доклад с помощью этих моделей и диапозитивов. Сопровождал меня мой друг — Каннинг. Профессор Жуковский был оппонентом и не одобрял проект. Его ученики продолжают до сего времени тормозить дело. Что же, может быть, они и правы. Я сам не поверю, пока не увижу.

Студенты, осматривая мою выставку, говорили, что только по моделям они ясно представили себе новый тип дирижабля. Мои книги же этого им не давали. Вот как трудно усваивать все новое!

Революцию все встретили радостно. Надеялись на конец войны, на свободу. Я относился, по моим годам, ко всему сдержанно, не придавал значения побрякушкам и ни разу не надевал красных ленточек. Поэтому в одном училище (где я так же давал уроки) вообразили, что я ретроград. Но я им показал книгу, изданную мною при царе, чисто коммунистического направления. В епархиальном училище на меня давно косились, теперь — в особенности и называли большевиком. Моё явное сочувствие революции очень не нравилось.

С Октябрьской революцией преобразовали школу, изгнали отметки и экзамены, вводили общий для всех паек и всеобщее право на труд. Одним словом, вводили самые идеальные коммунистические начала. Учреждена была в Москве Социалистическая (названа потом Коммунистической) Академия. Я заявил ей о себе и послал

свою печатную автобиографию. Был избран членом. Но я уже был развалиной, помимо глухоты, и не мог выполнить желание Академии переехать в Москву. Поэтому через год должен был оставить Академию. Вышел даже в отставку (1920 г.) и совсем оставил учительскую деятельность. Получил академический паек, потом помощь от ЦЕКУБУ, затем пенсию, которую я получаю до сих пор.

Но я не оставил своих работ, напротив, никогда так усердно и много не трудился, как после оставления училищ (в 1920г.). Таким образом, мой учительский стаж составил 40 лет. В течение через мои руки прошло полторы тысячи учениц, кончивших среднюю школу, и около 500 мальчиков, кончивших высшую начальную.

Меня особенно увлекали социалистические работы и натурфилософские.

Некоторые из них были напечатаны, большинство же и сейчас лежит в рукописях.

Основанием моей естественной философии было полное отречение от рутины и познание Вселенной, какое даёт

современная наука. Наука будущего, конечно, опередит науку настоящего, но пока и современная наука — наиболее почтенный и даже единственный источник философии. Наука, наблюдение, опыт и математика были основой моей философии.

Все предвзятые идеи и учения были выброшены из моего сознания, и я начал все снова — с естественных наук и математики. Единая вселенская наука о веществе или материи была базисом моих философских мыслей. Астрономия, разумеется, играла первенствующую роль, так как давала широкий кругозор. Не одни земные явления были материалом для выводов, но и космические: все эти бесчисленные солнца и планеты.

Земные явления, несовершенство Земли и человечества, как результат младенческого их возраста вводили почти всех мыслителей в заблуждения (пессимизм).

При Советском правительстве, обеспеченный пенсией, я мог свободнее отдаться своим трудам и почти незамеченный прежде я возбудил теперь внимание к своим работам. Мой дирижабль признан особенно важным изобретением. Для

исследования реактивного движения образовались ГИРДы и институт. О моих трудах и достижениях появилось много статей в газетах и журналах. Моё семидесятилетие было отмечено прессой. Через 5 лет мой юбилей даже торжественно отпраздновали в Калуге и Москве. Я награждён был орденом Трудового Красного Знамени и значком активиста от Осоавиахима. Пенсия увеличена.

СССР идёт усиленно, напряжённо по великому пути коммунизма и индустриализации страны, и я не могу этому не сочувствовать глубоко.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ МОМЕНТЫ МОЕЙ ЖИЗНИ

Прибавляю тут несколько слов о тех моментах моей жизни, которые я считаю наиболее значительными.

1891г. Возраст 34 года. Первая печатная работа по сопротивлению среды. Новые выводы и опыты относительно значения продолговатости пластинки на сопротивление среды.

1892г. Возраст 35 лет. Первая книга о металлическом дирижабле из волнистого металла. Отрицательный отзыв в специальном журнале. Отзыв сделал председатель УП отдела бывшего императ. технич. общества. Возможно, что этот отзыв и оправдается. И сам я в новое дело не верю, пока не увижу его реализованным.

1895г. Возраст 38 лет. Первые мечты о завладении солнечной энергии и жизни в эфире. Книга: «Грёзы о Земле и Небе». Посмеялись над этой книгой в журнале «Неделя». Теперь вышло 3-ье издание.

1895г. Возраст 38 лет. Издан в журнале мой «Аэроплан». Дана полная теория аэроплана, расчеты и описание. Все это оправдалось только теперь.

1903г. Возраст 46 лет. В «Научном обозрении» появилась моя работа: «Исследование мировых пространств реактивными приборами». Впервые дана теория ракеты и ее великое космическое применение. Она была незамечена, благодаря чему сохранился мой приоритет на теорию ракетного движения. Если вы в каком-нибудь известном, распространенном журнале высказали какие-нибудь новые и ценные идеи, то сейчас находятся у нас и на Западе люди, которые объявляют, что эти идеи ими высказаны ранее. Так было, например, с Д. И. Менделеевым. Но «Научное обозрение» было как раз журналом неизвестным и неспециальным и потому на работу не обратили внимания. Когда я издал продолжение этой работы в распространенном и специальном журнале, то сейчас во Франции нашелся видный и сильный человек, который заявил, что он это сделал раньше. Тогда же и позже (с 1914 года) появился ряд стихотворений в честь моих открытий. Привожу некоторые в конце автобиографии.

1913г. Возраст 56 лет. «Первая модель чистометаллического дирижабля». Так называлась книжка. С этого момента я почти убедился в практичности моего дирижабля. Опыт убедил меня в том, т. е. постройка жестяной модели. Эти мои модели путешествовали вместе со мной в Ленинград на воздухоплавательный съезд и были решительно отвергнуты проф. Н. Е. Жуковским. Прав ли он — решит время, но возможно, что не годы, а столетия.

1914г. Возраст 56 лет. «Второе начало термодинамики». Критика этого начала и опровержение его. С этой работы я уверовал в вечную юность Вселенной. Перспектива тепловой смерти космоса рушилась в моем мозгу. Работа отвергнута еще в рукописи одним почетным академиком. Потом ее же сочли ненаучной специалисты бывшего Леденцовского общества. Теперь у меня накопилось еще много работ в пользу этого отрицания. Притом не я один отрицаю второе начало (см. универс. курс физики Хвольсона).

1916г. Возраст 59 лет. «Горе и гений». Первые ясно изложенные мысли об общественном коммунистическом

устройстве человечества. В шуме войны на книжку не обратили внимания, т. е. она не была задержана цензурой.

1919г. Возраст 62 года. «Кинетическая теория света». Продолжение идей о вечном постоянстве космоса.

1925г. Возраст 68 лет. «Монизм Вселенной». Все существующее едино, потому что имеет одно начало — материю. К сожалению, современная наука двойственна (дуалистична), даже множественна, потому что признает много начал, не связанных между собою. К тому отчасти принуждает математическая формулировка явлений, или так называемые «рабочие» гипотезы. Во всех своих трудах я стараюсь все свести к одному началу: старой ньютоновской механике.

1925г. Возраст 68 лет. «Образование солнечных систем». Работа еще не признанная и не проверенная учеными. Образование планетных систем объясняется с точки зрения идей Лапласа (сжатие и ускорение вращения), Дарвина (приливное действие) и потери Солнцем массы, вследствие его лучеиспускания. Комбинация новая. Выводы ясны. Определен впервые возраст всех планет. Были попытки

обратить на нее внимание академий. Сейчас работа послана в иностранные институты наук.

1932г. Возраст 75 лет. «Стратоплан полуреактивный». Указание на лучшие приемы для победы над стратосферой.

1934г. Возраст 77 лет. Новые мысли о достижении космических скоростей.

В настоящее время все мои силы сосредоточены для изобретения новых моторов и победы с помощью их высших атмосферных и заатмосферных пространств.

Пояснения

(взято из сборника «Грезы о Земле и Небе»)

Все эти... граммы... ватты... — имеется в виду бельгиец Грамм Зеноб Теофиль (1826–1901), работавший как ученый во Франции. Изобрел электрический генератор с кольцевым якорем. Ватт (Джеймс Уатт) — английский изобретатель, создатель паровой «машины Уатта».

Был учителем естественных наук в таксаторских классах... — Таксация — определение объема лесных угодий, ежегодного прироста древесины.

...в книге Дараган... — «Естественная история животных» Анны Дараган.

...и вот меня увлекает астролябия... — простейший астрономический прибор для определения широт и долгот; применялась также при землемерных работах.

...в Публичной библиотеке («Чертковской»)... — ныне это библиотека имени В. И. Ленина.

...молодой публицист Писарев... — Дмитрий Иванович Писарев (1840–1868), литературный критик, философ, публицист.

...и другими изданиями Павленкова... — известный русский книгоиздатель Флорентин Федорович Павленков (1839–1900) выпустил свыше 750 популярных в пародии книг разных авторов.

...много читал Араго... — Доминик Франсуа Араго (1786–1863), французский ученый и популяризатор науки.

...известный аскет Федоров... — Николай Федорович Федоров (1828 — 1903), русский мыслитель, долгие годы проработавший библиотекарем. Автор утопического труда «Философия общего дела», вышедшего в 2 томах после смерти самого Федорова.

...пускали неохотно щепотников и табачников... — Щепотники — бранное слово, данное раскольниками православным; табачники — здесь: курящие или нюхающие табак.

...товарищи называли меня Желябкой... — Желябов Андрей Иванович (1851 — 1881), революционный народник, один из создателей «Народной воли», организатор покушений на Александра II. Казнен в Петербурге 3 апреля 1881 года.

...и пришел самостоятельно к выводам Гельмгольца... — Гельмгольц Герман Людвиг Фердинанд (1821 — 1894), немецкий ученый, впервые обосновавший математически закон сохранения энергии, всеобщность этого закона.

...при помощи профессора А.Г. Столетова... — Александр Григорьевич Столетов (1839 — 1896), выдающийся русский ученый, основатель физической лаборатории в Московском университете.

Голубицкий Павел Михайлович (1845 — 1911) — русский физик, изобретатель, общественный деятель.

Ковалевская Софья Васильевна (1850 — 1891) — первая в мире женщина-профессор, автор выдающихся трудов по математике, механике, астрономии. Известна также беллетристическими произведениями.

...слышу громкий голос Михельсона... — Владимир Александрович Михельсон (1860 — 1927), советский физик, автор трудов в области оптики, теплотехники, метеорологии.

...я сошелся с семьей В.И. Ассонова... — Василий Иванович Ассонов (1843 — 1918), податный инспектор Калужского уезда, председатель ученой архивной комиссии. Сын В.И. Ассонова Владимир, будучи председателем Калужского общества изучения природы местного края, во многом способствовал тому, что 9 ноября 1921 года на заседании Совнаркома РСФСР К.Э. Циолковскому была назначена пожизненная пенсия (подробнее см. А.Л. Чижевский. Вся жизнь. Изд-во «Советская Россия». М., 1974).

...об издании моего «Аэростата» — Первое печатное произведение К.Э. Циолковского о дирижаблях (Аэростат металлический управляемый. Изд. С.Е. Черткова. М., 1892. Второй выпуск этого труда появился в 1893 году.

...сдал экзамен, как я... — т. е. экстерном.

...во время урока был особый надзор — Вместе с учителем в классе находилась еще и классная дама.

Перед роспуском дети волновались... — перед каникулами.

...но они не знали о моей первой работе 1903 года... — имеется в виду статья «Исследование мировых пространств реактивными приборами» (журнал «Научное обозрение», 1903, № 5).

Профессор Жуковский был оппонентом... — Николай Евгеньевич Жуковский (1847 — 1921), основоположник современной аэродинамики, организатор и руководитель ЦАГИ. Профессор Жуковский не сразу понял величие идей Циолковского.

...потом помощь от ЦЕКУБУ... — Центральная комиссия по улучшению быта ученых при СНК РСФСР.

В течение через мои руки... — по смыслу: в течение этого времени.

...образовались ГПРДы и институт... — в 1931 году в Москве и Ленинграде, а позднее и в других городах образовались группы изучения реактивного движения, общественной организации при Осоавиахиме. В 1932 году в Москве под руководством С.П. Королева возникла организация по разработке ракет. В 1933 году ГИРД и ГДЛ (Газодинамическая лаборатория) объединены в Реактивный институт (РНИИ).

Фотокопии рукописей Циолковского

**«Воспоминания К.Э. Циолковского
"Черты из моей жизни"
(2-я редакция)».**

**Автограф. Машинопись с правкой
автора**

Архив Академии наук СССР
Московское отделение

АН ССР

Фонд 555

Лист 2

Лист 14

Циолковский
Константин Эдуардович

К. Э. Циолковский

"Черты гуманитарной мысли"

Автобиография (2-ой вариант)
- более полный

Наши мысли с правкой автора
(2 экз.)

Крабкие دستи январь 1935г.
Количество документов 2.
Количество листов 119

К. Ц и о л к о в с к и й .

ЧЕРТЫ ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ.
/Январь 1935 г./.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

По природе или по характеру я революционер и коммунист. Доказательством тому служит моя работа "Горе и Гений", изданная в 16 году, еще при царе. В ней совершенно определенно и исключительно проповедуется выгоды коммуны в широком значении этого слова.

Почему же из меня не вышел активный революционер?

Причины в следующем.

1. Глухота с десяти лет, сделавшая меня слабым и изгоем.
2. Отсутствие, вследствие этого, товарищей, друзей и общественных связей.
3. По этой же причине: незнание жизни и материальная беспомощность.

Исход моим реформаторским стремлениям был один: техника, наука, изобретательство и естественная философия. Сначала все это было в области мечтаний, а потом мое изобретательство стало выходить наружу и было причиной, отталкивавшей от меня правоверных несомнящихся ученых. Я был выскочка, реформатор и как таковой не признавался.

Кто мог согласиться с человеком, который осмеливался колебать самые основы науки. Как можно отрицать Лобачевского, Эйнштейна и их последователей в Германии и России! Однако, у меня были сторонники даже на континенте.

Как можно не согласиться с ходячими теориями образования солнечных систем /Лаплас, Дарвин, Делис/!

Возможно ли опровергать второе начало термодинамики /Кланзиус, Томсон/!

Кто может сомневаться, что газовый воздушный корабль /дири-

- 2 -

забля/ должен навсегда остаться игрушкой ветров /мнение УП отд. бывшего импер.техн.общества/!

Можно ли придумать что нибудь безумнее металлического дирижабля /дирижабли хуже аэропланов, а металлический дирижабль никуда не годится: пр.Ветчинкин, Жуковский и другие почтенные ученые/!

Как можно отрицать целесообразность всех азбук и орфографий /все филологи мира/!

Что может быть нелепее доказывать возможность заатмосферных полетов /все академии и все "серьезные" ученые/!

Можно ли стоять за дирижабли, когда они давно сданы в архив /общее мнение до Цеппелинов/!

И так далее - без конца.

Моя биография поневоле состоит из мелочей жизни и работ. Последние все поглотили: остальное-пустячки, всем обычные. Кроме того, в силу ограниченности житейских впечатлений моя биография не может быть такой же красочной, как людей нормальных, без физических недостатков.

Существует несколько моих биографий: в журналах, отдельными книжками, или в виде предисловий к моим сочинениям.

Они недурны, но несколько пристрастны - в ту или другую сторону. Видеть в них ошибки можно только сличая их с моею автобиографиею. Поэтому, как она ни плоха, а все же она полезный источник для освещения моей жизни и деятельности, с любой точки зрения.

НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ.

В деле прогресса человечества мы редко замечаем влияние наследственности. Все эти Фарадеи, Эдиссоны, Форды, Ленины, Граммы, Колумбы, Ватты, Стефенсоны, Ньютоны, Лапласы, Франклины и проч. вышли из народа и не имели талантливых предков. Никаких следов наследственности мы тут не видим. Ясно, что гений более создается условиями, чем передается от родителей или других предков. Таланты у предков может быть и были, но, очевидно, на весь мир не проявлялись: они выражались мелочно.

Только в очень редких случаях скрывается явно наследственность дарований. Так Гершель-сын и Дарвин-сын были знамениты, хотя далеко не так, как их отцы. Примеров таких в истории гораздо меньше, чем обратных.

Вывод такой: гений создается неизвестными нам условиями и подходящей средой.

Все же нельзя целиком отрицать и влияния наследственности. Поэтому я прежде всего расскажу то немногое, что я знаю о моих родителях и их роде. В детстве и молодости меня это нисколько не интересовало и я ничего с тем не узнавал. Потом, еще и глухота тому поощала. Мать имела татарских предков и носила в девичестве татарскую фамилию. Значение наследственности я прежде и не понимал. Как будто у отца была родственная связь с известным Наливайко и род отца даже носил прежде эту фамилию.

1. По семейным преданиям предок Циолковских был известный бунтарь Наливайко. Вот что о нем сказано в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона.

2. Наливайко был казачий предводителем конца XVI века, борец против польской аристократии, уроженец гор. Острога. Смерть отца, погибшего от произвола владельца местечка Гусятина, оттолкнула Наливайко от шляхты и побуждала перейти к казакам. Подняв восстание, он истреблял шляхтичей и жидов. Сначала восстание сосредоточивалось на Волыни, потом перешло в Белоруссию. Сначала победа была на его стороне и он писал королю Сигизмунду III, чтобы тот отдал свободные земли казакам между Бугом и Днестром, за что казаки будут помогать Речи Посполитой против ее врагов. Король вместо ответа послал на него войска. В 1596 г. близ Дубен казакам пришлось сдаться. Они выдали Наливайко и других начальников. Наливай-

206

- 4 -

ко отправили в Варшаву и отрубили голову. Слухи о том, что его сожгли в медном бике новейшими данными не подтверждается.

Характер отца был близок к холерическому. Он всегда был холоден, сдержан, с моей матерью не ссорился. Во взрослую я был свидетелем только одной ссоры его с моей матерью. И то виновата была она. Он не отвечал на ее дерзости, но хотел разойтись с ней. Она вымолила прощение. Это было, примерно, в 66 году. Мне было тогда лет 9. Среди знакомых был умным человеком и оратором, среди чиновников — красным и нетерпимым по своей идеальной честности. Много курил, даже временно ослеп и всю жизнь имел зрение не сильное. Я помню его дальнозорким. При чтении надевал очки. В молодости умеренно выпивал. При мне уже оставил это. Вид имел мрачный. Редко смеялся. Был страшный критикан и спорщик. Ни с кем не соглашался, но, кажется, не горчился. Отличался сильным и тяжелым для окружающих характером. Никого не трогал и не обижал, но все при нем стеснялось. Ми его боялись, хотя он никогда не позволял себе ни лаять, ни ругаться, ни тем более драться. Придерживался польского общества и сочувствовал фактически бунтовщикам-полякам, которые у нас в доме всегда находили приют. Ктонибудь у нас в доме вечно ютился.

Был ли отец знаец? По тому времени его образование было не ниже окружающего общества, хотя, как сын бедняков, он почти не знал языков и читал только польские газеты. В молодости он был атеистом, но под старость иногда с моей сестрой посещал костел. Был, однако, далек от всякого духовенства. В доме я никогда не видел у нас коенды или православного духовенства. Особенным польским патриотом

не был. Говорил он всегда по-русски и мы не знали польского языка - даже мать. По-польски и с поляками говорил редко. Перед смертью /в 1880 г./ увлекался русским евангелием, что было, очевидно, влиянием токовщины.

Страсть к изобретательству и строительству у него была. Меня еще не было на свете, когда он придумал и устроил хохлатку, уви, неудачно! Старшие братья рассказывали, что он с ними строил модели домов и дворцов. Всякий физический труд он поощрял в нас и, вообще, самостоятельность. Мы почти все делали всегда сами.

Мать была совершенно другого характера: натура сангвиническая, горячка, хохотунья, насмешница и даровитая. В отце преобладал характер, сила воли, в матери же - талантливость. Ее пенке мне очень нравилось. Темперамент отца умерял природную пылкость и легкомыслие матери. В молодости, до женитьбы, отец, как и все, в половом отношении был несдержан, как он сам говорил. Но со времени женитьбы вел строго семейную жизнь. Мать вышла замуж 16 лет в романов до замужества у ней, очевидно, не было. Не было их и после. Отец был старше ее лет на 10. Родители мои очень любили друг друга, но этого не высказывали. Однако, это не мешало им слегка увлекаться, особенно отцу, который нравился женщинам. До измены ни с какой стороны не доходило. У отца, как и у меня, было инстинктивное и отчасти сознательное стремление к воздержанию. Вероятно, и он видел в этом источник умственной силы и энергии. Я никогда не видел у нас двухспальной кровати, хотя сначала, может быть, она и была. Напротив, при мне было обратное: отец спал через сени со старшими мальчиками, а мать - с маленькими детьми. Может быть это и способствовало обильному деторождению.

У родителей было пренебрежение к одежде, к наружности и уважение к чистоте и скромности. Особенно у отца. Зимой ни ходили в дешевых полушубках, а летом и дома - в рубашках. Иной одежды, кажется, не было. Я даже на учительскую должность ехал в полушубке, прикрытом дешевым балахоном. Исключение было для учащихся в школах. По крайней мере были свертки/тогда в школах блуз не носили/.

Отношение к русскому правительству было скрыто враждебное, но, кажется, тут была значительная примесь польского патриотизма. Когда в доме собирались знакомые поляки и либералы, то периодически доставалось внешнему начальству и государственному строю.

И мать и отец все же были склонны к космополитизму: видели человека, но не видели государства, правительств и вероисповеданий.

Отец не сидел в тюрьме, но приходилось иметь дело с жандармерией и иметь много неприятностей с начальством. Из казенных лесничих его скоро высладили. Прослужил он в этой должности, должно быть, лет пять. Был учителем естественных наук в таксаторских классах. И тут пробыл лишь год. Потом где-то маленьким чиновником, управляющим домами. Вообще, не повышался, а понижался в своей карьере. Потом губарнское начальство представило его в должности лесничего, но министр не утвердил и отец пробыл вторично лесничим только несколько месяцев. Опять пришлось терпеть крайнюю нужду.

Отец был здоров: я не помню его больным. Только после смерти матери у него сделались приливы крови к мозгу /50 лет/ и он всю остальную жизнь носил на голове компресс. Это было, мне кажется, результатом его полового

аскетизма. Жениться он стеснялся, хотя и в эти годы нравились женщинам: в него влюблена была хорошенькая и молодая гувернантка соседей. Лично я считал его некрасивым, но что-то в нем было, нравящееся женщинам. В лице он был очень умерен и никогда не был толстым. Фигура — коренастая, без живота, среднего роста. Лицезрения не было и следов, но волосы стриженные, седые /был брнет/, умеренно мускулист. Под конец жизни упал духом /хотя никогда не жаловался/ и нигде не выходил из дома. Помер внезапно, без болезни — мне кажется — от уныния и полового воздержания. Тетя рассказывала: поднялся утром, сел, несколько раз вздохнул и был готов. Я тогда только что поступил на учительское место. Отец умер 61 года.

Мать тоже была хорошего здоровья. Никогда не видел ее в постели, никогда не видал прищипа на ее лице. Но она очень мучилась родами. У ней было человек 13 детей. Последний мой брат умер лет 20 тому назад, а последняя сестра лет 15. От нее осталась дочь, моя племянница, и сейчас живая. Еще есть дети от другого брата. Мать была выше среднего роста, пухленькая, с правильными, хотя немного татарскими чертами лица. Тоже нравилась мужчинам, но меньше чем отец. Под конец жизни стала набегать деторождения и умерла 38 лет, как мне кажется, жертвой неудачного аборта. Хотя прямых доказательств последнего у меня нет.

Как же сказались на мне свойства родителей? Я думаю, что получил соединение сильной воли с талантливостью матери. Почему же не сказались те же у братьев и сестер? А потому, что они были нормальны и счастливы. Меня же унижала все время глухота, бедная жизнь и неудовлетворенность. Она подгоняла мою волю, заставляла работать, искать.

Возможно, что умственные задатки у меня слабее, чем у братьев: я же был моложе всех и потому поневоле должен быть слабее умственно и физически. Только крайнее напряжение сил сделало меня тем, что я есть. Глухота — ужасное несчастье и я никому ее не желал. Но сам теперь признаю ее великое значение в моей деятельности в связи, конечно, с другими условиями. Глухих множество. Это незначительные люди. Отчего же у меня она сослужила службу? Конечно, причин еще множество: напр., наследственность, удачное сочетание родителей, счастливое оплодотворение яйцеклетки, гнет судьбы. Но всего предвидеть и понять невозможно. Человек выходит не в отца, не в мать, а в одного из своих предков.

РОЖДЕНИЕ /1857 г./

Настроение родителей перед моим рождением было бодрое. Дело было в 57 году, перед освобождением крестьян. Замечалось общее оживление общества /на безрыбьи и раз рыба/. Отец же был поляк-патриот и свободомыслящий. Мать, кажется, относилась равнодушнее к перемене политики. У ней было много семейных забот. Родила часто и сильно мучилась, вследствие обычного тогда несоблюдения гигиены. У ней уже было много ребят, живых же оставалось трое.

4-го сентября 57 года была хорошая, но холодная погода. Мать взяла двух старших моих братьев 6 и 5 лет и пошла с ними прогуляться. Когда вернулась, начались родовые боли и на следующий день появился новый гражданин вселенной, Константин Циолковский.

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ /57-60 г. Возраст от одного до девяти лет/.

Как сон мне представляется, что великан ведет меня за руку. Мы спускаемся по лестнице в цветник. Я со страхом

поглядывая на великана. Думаю, что это был мой отец.

От 3 до 4 лет. Матери привозят письмо. Умер мой дедушка, ее отец. Мать рыдает. Я, глядя на нее, начинаю рыдать. Меня шлепают и кладут спать. Дело было днем.

Я рассматриваю животных в книге Дарраган. Фигура моржа почему-то меня устрашает и я прячусь от этого под стол.

Смотрю, как пишет отец. Нахожу, что это очень просто и объявляю всем, что писать я умею.

5-6 лет. Не помню кто показывал мне буквы. За изучение каждой буквы от матери я получал копейку.

Изумляла тележка на колесах, потому что от малейшего усилия приходила в движение. Ощущение радостное.

Такое же радостное ощущение я не могу забыть, когда в первый раз увидел много воды в пруде. Занимало также кухонные вертушки в форточке.

Отец берет меня на руки, пляшет и припекает: тра-та-та. Никакого удовольствия при этом не чувствовал.

Игрушки были недорогие, но я обязательно их ломал, чтобы посмотреть, что было внутри их.

Семь, восемь лет. Попались сказки Афанасьева. Начал разбирать их, заинтересовался и так вошел в чтение.

Вида корь. Вида весна. Чувствовал восторг при выздоровлении.

Маленького меня очень любили - родители и гости. Отец сажал на колена, тряс на них меня и приговаривал: еде пан, пан, пан, а за паном хлоп, хлоп, хлоп, на конике гоп, гоп, гоп. Потом я часто то же повторял со своими детьми.

Прозвища я получал разные: птица, блаженный, девочка. Однажды стащил медную монету со стола. Оставили без чая. Долго рыдал и приходил в отчаяние.

505

- 10 -

Колоди с мамой на полу сахар. Я незаметно его кусочки подкладывал под подош рубашки, надеясь при благоприятном моменте унести его и съесть. Благоприятного момента не случилось. Разочарование.

Матери мы не боялись, хотя она иногда и потреплет не больно. Но отец внушал страх, хотя никогда маленьких не бил и не ругал. Никогда даже не горячился и не кричал.

Брат /старше меня на два года/ показывает фокус: открывает рюмочку, в ней шарик. Закрывает рюмочку и опять открывает. Шарик исчезает. Изумление.

Семи, девяти лет. Бабушка умерла. Мать уезжает в деревню на похороны. Мы остаемся одни. Я скучаю, даже тоскую.

Старший брат меня дразнит. Гоняюсь за ним и швыряю камнями. Случился отец. Что такое? - "Попал мне в висок", говорит брат Митя. Выпороли. Дали две розги, но пребольно. Розог этих я боялся, как огня, хотя никогда не получал больше двух, трех ударов. Отец был справедливый и гуманный человек. Как же это примирить с поркой? Время было такое. Отца в какой то неаунтской школе /в Волыни/ порол чуть не каждый день, а случалось и два раза в сутки. Меня же выпороли всего раз пять во всю жизнь - не больше. Разве это не прогресс!...

Выходим со старшим братом на улицу. За что то я рассердился на него и ударил. Услыхал отец. "Что за шум!". Брат объяснил. Повели пороть. Заявил, - что поцусь. Не помогло. Получил две розги.

Негодования не только против матери, но и против отца не осталось ни малейшего. Да и тогда не было. Думал даже, что эти наказания повлияли на меня благотворительно, как

действии природы: ушиб, горе, несчастье и проч. Случалось пороли и за разбитые стекла. Это приучило меня к осторожности.

Конечно, я не сторонник наказаний, тем более розог, но надо принять во внимание время, когда даже царей пороли. Притом шалуны часто ушибаются, бьют друг друга и даже уродуют себя: не так уж это вредно.

За разбитое стекло однажды спасла меня тетка, сестра матери. Мне очень было любопытно смотреть как лопаются лампочные стекла, если их помажешь слюной. Сначала прощали, а потом обещали порку. Но я опять за свое. Спасла тетка, купившая стекло.

Копали колодезь. Пока не появилась вода, мы - дети - спускались в колодезь. Очень было любопытно. Навалили гору песку. Зимой образовалась прекрасная гора. Впервые испытал восторг катанья на санках /самокатом/.

Летом строили палашки. Было приятно вести свое хозяйство. Иногда устраивали и печи. Осенью топили и грелись. Свой камелек.

Ученье шло туго и мучительно, хотя я и был способен. Занималась с нами мать. Отец тоже делал педагогические попытки, но был нетерпелив и портил тем дело. Помню, принесли яблоко, проткнули спицей. Это был земной шар с осью. Рассердился учитель, назвал всех болванами и ушел. Кто то из нас съел яблоко.

Зарадут на маленькой грифельной доске написать страничку, две. Даже тошнило от напряжения. За то, когда кончишь это мучение, какое удовольствие чувствуешь от свободы.

Однажды мать объясняла мне деление целых чисел. Не мог понять и слушал безучастно. Рассердилась мать, отшлепала меня

тут же. Заплакал, но сейчас же понял. Опять на этого не следует, что надо бить детей. Следует искать лучших способов возбуждать внимание.

Читать я страстно любил и читал все, что было и что можно было достать. От чтения Загоскина трепала лихорадка.

Любил мечтать и даже платил младшему брату, чтобы он слушал мои бредни. Мы были маленькие и мне хотелось, чтобы дома, люди и животные — все было тоже маленькое. Потом я мечтал о физической силе. Я, мысленно, высоко прыгал, взбирался как кошка на шести, по веревкам. Мечтал и о полном отсутствии тяжести.

Любил лазить на заборы, крники и деревья. Прыгал с забора, чтобы полетать. Любил бегать и играть в мяч, лапту, городки, жмурки и проч.

Запускал змей и отправлял на высоту по нитке коробочку с тараканом.

На дворе у нас во время дождей и осенью была огромная лужа. И вода и лед приводили меня в мечтательное настроение. Пробовали плавать в корите и делать зимой на проволочки коньки. Их я делал, но расшибался на льду так, что искры из глаз сыпались. Наконец, откуда то достали испорченные настоящие коньки. Поправили их. Кататься выучился в один день. Даже с"ездил на них в тот же день за чем то в аптеку.

Запомнилась сцена. Мать стоит на табуретке у окна и что то делает с рамой. Отец тут же. Мать кричит: "проклятый поляк". Отец молчит. Решили раз"ехаться. Через час, мать просит у отца прощения на коленях. Примирились... Вот единственная ссора отца с матерью. Больше я никогда не видел между родителями никаких ссор и ругани. Очень был сдержан

отец, мать же - горячка. Но характер у отца был тяжелый. Это мне говорила сама мать. В его присутствии все чувствовали себя неловко - даже мы, дети.

Вот период моего нормального существования до глухоты /10 лет/. Он ничем особенным не отличается от жизни обычных детей. Предидущим я и хотел это подчеркнуть. Вывод интересный, но, пожалуй, не новый: нельзя угадать, что из человека выйдет.

Мы любим разукрашивать детство великих людей, но едва ли это не искусственно, в силу предвзятого мнения.

Однако бывает и так, что будущие знаменитые люди проявляют свои способности очень рано и их современники предугадывают их великую судьбу. Но в огромном большинстве случаев этого не бывает. Такова истина, подтвержденная бесчисленными историческими примерами. Я, впрочем, лично думаю, что будущее ребенка НИКОГДА не предугадывается. Таланты же у многих проявляются в детстве, не давая впоследствии никаких результатов.

ГЛУХОТА /от 9 до II лет, 1866-68 г./.

Теперь уже пойдет биография ненормального человека, полуглухого. Она не может быть яркой, так как не обильна внешними впечатлениями. Также бедность, изолированность и замкнутость этому способствовали.

Лет 10-11, в начале зимы, я катался на салазках. Простудился. Простуда вызвала скарлатину. Заболел, бредил. Думали, умру, но я выздоровел, только сильно оглох и глухота не проходила. Она очень мучила меня. Я коверкал в ушах, вытягивал пальцем воздух, как насосом и думаю, сильно себе этим повредил, потому что однажды показалась из ушей кровь.

Последствия болезни, отсутствие ясных звуковых ощу-

ний, разобщение с людьми, унижение качества - сильно меня оступили. Братья учились, я не мог. Было ли это последствием оступения или временной неосознанности, свойственной моему возрасту и темпераменту, я до сих пор не знаю.

Известно, что и глухие прекрасно учатся: по учебникам, не слушая учителей. Отец рассказывал про себя, что он стал умственно развиваться с 15 лет. Может быть и у меня отчасти оказалась эта наследственная черта позднего развития. У матери ее не было. У некоторых детей развитие начинается с половой зрелости, т.е. после 13-14 лет. Этим тоже можно объяснить мою неосознанность до 14 лет. Все же я помню, еще до глухоты следующее. Мать делала мне и старшему брату диктант. Брат на 2 года был старше меня и делал множество ошибок, я же очень мало. На основании подобных фактов я более склоняюсь к тому, что оступление скорее было от глухоты и болезни, чем от упомянутой наследственности.

ПЕРИОД НЕОСОЗНАТЕЛЬНОСТИ /от 11 до 14 лет, 1868-71 г./.

Глухота в дальнейшем делает мою биографию малоинтересной, так как лишает меня общения с людьми, наблюдения и заимствования. Она бедна лицами и столкновениями, она исключительна. Это биография каменки. Я буду давать разговоры и описывать мои скудные сношения с людьми, но они не могут быть ни полными, ни верными. Порой я слышал лучше, и вот эти то моменты, может быть, более запомнились.

Привожу одну черту характера, может быть и слабости. Встретился я в Р. на улице с мальчиком постарше меня и посильнее. Известно, что мальчишки вроде петухов. Сейчас же мы стали в позу, готовые к бою. Случилось так, что в это время проходил мой двоюродный брат, здоровенный малый. "Что с ним сделать, Костя", говорит. "Не тронь его", отвечаю.

Мальчик испарился. Вообще я никогда не замечал в себе чувства мстительности. Но мне казалось, что я был немного трусоват. Очень боялся уличных нападений и даже разбойников. Боялся и темноты, в особенности после страшных рассказов тетки. Мать их не рассказывала. Отец считал все это вадором, да и не говорил с нами. И тетя при родителях не говорила своей чепухи. Впрочем, нас приводили в ужас также рассказы о холере, войне и других бедствиях. Конечно, это чисто детская черта: храбрость растет с годами. Не даром же она называется мужеством.

У меня была склонность к лунатизму. Иногда ночью я вставал и долго что-нибудь бормотал /без сознания/. Иногда сходил с постели, блуждал по комнатам и прятался где-нибудь под диваном. Однажды пришли откуда-то ночью родители и не нашли меня в кровати. Я оказался спящим на полу в другой комнате. У брата, Мити, это было еще сильнее.

Еще маленький, после глухоты, в какой-то хрестоматии я узнал о расстоянии до Солнца. Очень удивился и всем о том сообщал.

Часто читал книгу "Мир Божий". Там русский народ выставлялся как самый лучший в мире. Странно, что я даже тогда этому не верил.

Играли в домики и карты. Мне это нравилось, теперь же я не могу видеть без отвращения игральные карты, напек, нахматов и всяких подобных игр.

Благодаря добрым знакомым, отец был определен на какую-то маленькую должность по лесному ведомству в город П. Там была прекрасная многоводная река. Летом купались. Тут я научился плавать. Мы пользовались свободой, ходили куда хотели. Меня удивляет, как я не утонул в этой реке. Однажды это чуть не случилось, хотя и не во время купанья. Было

806

- 16 -

половодье. Лед шел, потом остановился. День был прекрасный, солнечный. Мне захотелось покататься на льдинах. Они приперли к самому берегу и перейти на них ничего не стоило. Спускаемся с товарищем с горы вниз на берег. Скачем по льдинам. Между льдинами сильно засоренная вода, которую я принял за грязную льдину. В эту воду я и провалился. От холода разинул рот. Но мне спешит на помощь товарищ, попадает в ту же ледяную ванну и тоже раскрывает рот. Эта маленькая неудача и спасла нас. Лед еще стоял. Мы выкарабкались из воды и побежали домой сушиться. Не из-за этого купанья, мы дождались бы движения льда и наверняка, после натыканья, утонули бы.

В городе был хороший сад. В нем громадные качели на 10 человек: очень тяжелый ящик на веревках со скамьями. Вздумал я этот ящик покачать. Раскачал, а удержать не мог. Перегнул он меня в дугу, но спиной хребет все же не сломал. Несколько времени я лежал корчась от боли. Думал, умираю. Но все же скоро оправился и пошел с братом домой. Последствий не было. Но ящик сняли, хотя даже я родителям о происшествии ничего не говорил — боялся.

На 13-ом году мы потеряли мать, которой не было и 40-а лет. Дело было так. Однажды за утренним чаем мать говорит мне и младшему брату /умер в юности/: "будете ли вы плакать, если я умру?". Ответом были горькие слезы.

Вскоре после этого мать заболела, прохворала очень недолго и умерла. Перед концом, нас позвала проститься. Мать лежала уже без сознания и слезы текли у ней из глаз. Я утирал их платком и плакал... Но горе детей не бывает глубоким и разрушительным. Через неделю я уже лазил на черенуку и качался с удовольствием на качелях.

Этот трехлетний промежуток, по моей неосознанности, был самым грустным, самым темным временем моей жизни. Я старался восстановить его в своей памяти, но ничего сейчас не могу больше вспомнить. Нечем даже помянуть это время. Припоминается только катанье по улицам на коньках, санках и ледяных.

Напряженке п. члена /эрекция/ появилась после 13 лет. Пороков половых никогда не имел. Но половое чувство возникло гораздо ранее — еще с 10-11 лет. Однажды мы играли с детьми соседей. По игре — мне пришлось целовать девочку лет десяти, и я помню, что делал это с таким наслаждением, которого никогда потом не пришлось испытать.

ПРОВОДСКИ СОЗНАНИЯ /с 14 до 16, 1871-73 г./

Еще 11 лет в Р. мне нравилось делать кукольные коньки, домик, санки, часы с гири и проч. Все это было из бумаги и картона и соединялось сургучем. Наклонность к мастерству и художеству сказалась рано. У старших братьев она была еще сильнее.

К 14-16 годам потребность к строительству проявилась у меня в высшей форме. Я делал самодвижущиеся коляски и локомотивы. Приводились они в движение спиральной пружиной. Сталь я выдергивал из кринолинов, которые покупал на технику. Особенно изумлялась тетя и ставила меня в пример братьям. Я также увлекался фокусами и делал столики и коробки, в которых вещи то появлялись, то исчезали.

Увидел однажды токарный станок. Стаю делать собственный. Сделал и точил на нем дерево, хотя знакомые отца и говорили, что из этого ничего не выйдет. Делал множество разного рода ветряных мельниц. Затем коляску с мельницей,

которая ходила против ветра и по всякому направлению. Тут даже отец был тронут и возмечтал о мне. После этого последовал музыкальный инструмент с одной струной, клавиатурой и коротким смычком, быстро движущимся по струне. Он приводился в движение колесами, а колеса — педалями. Хотел даже сделать большую ветряную коляску для катанья /по образцу модели/ и даже начал, но скоро бросил, поняв малосильность и непостоянство ветра.

Все это были игрушки, производившиеся самостоятельно, независимо от чтения научных и технических книг.

Проблески серьезного умственного сознания проявились при чтении. Лет 14-ти я задумал почитать арифметику, и мне показалось все там совершенно ясным и понятным. С этого времени я понял, что книги вещь не мудреная и вполне мне доступная. Я разбираю с любопытством и пониманием несколько отцовских книг по естественным и математическим наукам /отец был некоторое время преподавателем этих наук в таксаторских классах/. И вот меня увлекает астролябия, измерение расстояния до недоступных предметов, снятие планов, определение высот. Я устроиваю висотомер. С помощью астролябии, не выходя из дома, я определяю расстояние до пожарной каланчи. Нахожу 400 аршин. Иду и проверяю. Оказывается — верно. Так я поверил теоретическому знанию.

Чтение физики толкнуло меня на устройство других приборов: автомобиля, двигающегося струей пара и бумажного аэростата с водородом, который, понятно, не удался. Далее я составлял проект машины с крыльями.

В конце этого периода припоминаю один случай. У отца был товарищ — изобретатель /образованный лесничий/. Он придумал вечный мотор, не уяснив себе законов гидростатики.

1006

20

Я говорил с ним и тотчас же понял его ошибку, хотя и не мог его разубедить. Верил ему и отец. Потом, в Питере, писали о его "успешном" изобретении в газетах. Отец советовал мне смириться, но я оставался при своем мнении. Это пример проницательности и твердости, который меня и потом радовал.

В сущности ничего необыкновенного и в этой моей поре детства не замечается. Но я пишу, что было. Истина, хотя бы и не блестящая, всего выше.

В МОСКВЕ /с 16-ти до 19 лет, 1873-76 г./

Отец вообразил, что у меня технические способности и меня отправили в Москву. Но что я мог там сделать с своей глухотой! Какие связи завязать! Без знания языка я был слепой в отношении карьеры и заработка. Я получал из дома 10-15 руб. в месяц. Пытался одним черным хлебом, не имел даже картошки и чая. Зато покупал книги, трубки, реторты, ртуть, серную кислоту и проч.

Я помню отлично, что кроме воды и черного хлеба ничего не было. Каждые 3 дня я ходил в булочную и покупал там на 9 коп. хлеба. Таким образом, я проживал 90 коп. в месяц.

Тетя сама навязала мне уйму чулок и прислала в Москву. Я решил, что можно отлично ходить и без чулок /как я ошибся/. Продал их за бесценок и купил на полученные деньги спирту, цинку, серной кислоты, ртути и проч. Благодаря, главным образом, кислотам я ходил в штанах с желтыми пятнами и дырами. Мальчишки на улице замечали мне: "что, это минни что ли изъели ваши брюки". Ходил я с длинными волосами просто оттого, что некогда было стричь во-

хотел. Смешно бы должно быть страшно. Я был все же счастлив своими идеями и черный хлеб меня несколько не огорчал. Мне даже в голову не приходило, что я голодаю и истощаю себя.

Но что-же, собственно, я делал в Москве? Неужели ограничился одними жалкими физическими и химическими опытами!

Я проходил первый год тщательно и систематически курсы начальной математики и физики. Часто, читая какую-нибудь теорему, я сам находил доказательство. И это мне более нравилось и было легче, чем проследить объяснение в книге. Только не всегда мне это удавалось. Все же из этого видна была моя склонность к самостоятельному мышлению.

На второй же год занялся высшей математикой. Прочел курсы высшей алгебры, дифференциального и интегрального исчисления, аналитическую геометрию, сферическую тригонометрию и проч. Но меня странно занимали разные вопросы и я старался сейчас же применить приобретенные знания к решению этих вопросов. Так я почти самостоятельно проходил аналитическую механику. Вот, напр., вопросы, которые меня занимали:

1. Нельзя ли практически воспользоваться энергией движения Земли. Решение было правильное - отрицательное.
2. Какую форму принимает поверхность жидкости в сосуде, вращающемся вокруг отвесной оси? Ответ верный: поверхность параболоида вращения. А так как телескопические зеркала имеют такую форму, то я мечтал устраивать гигантские телескопы с такими подвижными зеркалами /из ртути/.
3. Нельзя ли устроить поезд вокруг экватора, в котором не было бы тяжести от центробежной силы? Ответ отрицательный: мешает сопротивление воздуха и многое другое.
4. Нельзя ли строить металлические аэростаты, не пропускающие газа и вечно носящиеся в воздухе? Ответ: можно.

Ноб

- 22 -

5. Нельзя ли эксплуатировать в паровых машинах высокого давления мятый пар. Ответ мой: можно.

Конечно, многие вопросы возникали и решались раньше усвоения высшей математики и притом давно были решены другими.

6. Нельзя ли применить центробежную силу к поднятию за атмосферу, в небесные пространства? И я придумал такую машину. Она состояла из закрытой камеры или ящика, в котором вибрировали вверх иголами два твердых эластических мячика, с шарами в верхних вибрирующих концах. Они описывали дуги и центробежная сила паров должна была поднимать кабину и нести ее в небесное пространство. Я был в таком восторге от этого изобретения, что не мог усидеть на месте и пошел развеять душившую меня радость на улицу. Бродил ночью час-два по Москве, размышляя и проверяя свое открытие. Но, увы, еще дорогой я понял, что я заблуждаюсь: будет трясение машины и только. Ни на один грамм ее вес не уменьшится. Однако, недолгий восторг был так силен, что я всю жизнь видел этот прибор во сне: я поднимался на нем с великим очарованием.

Неужели у меня в Москве не было совсем знакомых? Были случайные знакомые. Так в Публичной Библиотеке /"Чертковской"/ мною заинтересовался кончающий по математическому факультету студент Б. Он раза два был у меня и посоветовал прочесть Шекспира. Шекспир мне очень тогда понравился. Но когда я, уже стариком, задумал его перечитывать, то бросил, как непроизводительный труд. /То же случилось и с Л. Толстым/.

Другой случайный приятель предложил познакомиться меня с одной девицей. Но до того ли мне было, когда живот был

набит одним черным хлебом, а головы обворожительными мечтами! Все же и при этих условиях я не избежал сверхидеалистической любви. Произошло это так. Моя хозяйка стирала на богатый дом известного миллионера Ц. Там она говорила и о мне. Заинтересовалась дочь Ц. Результатом была ее длинная переписка со мной. Наконец, она прекратилась по независящим обстоятельствам. Родители нашли переписку подозрительной, и я получил тогда последнее письмо. Корреспондентку я ни разу не видел, но это не мешало мне влюбиться и недолгое время страдать.

Интересно, что в одном из писем к ней я уверил свой предмет, что я такой великий человек, которого еще не было, да и не будет. Даже моя девица в своем письме смеялась над этим. И теперь мне совестно вспомнить об этих словах. Но какова самоуверенность, какова храбрость, имея в виду те жалкие данные, которые я вносил в себе! Правда, и тогда я уже думал о завоевании вселенной. Припоминается невольно афоризм: плохой тот солдат, который не надеется быть генералом. Однако, сколько таких надеющихся прошли в жизни бесследно.

Теперь, наоборот, меня мучает мысль: окупили ли я своими трудами тот хлеб, который я ел в течение 75-ти лет. Поэтому я всю жизнь стремился к крестьянскому земледелию, чтобы буквально есть свой хлеб. Осуществлению этого мешало незнание жизни.

Что я читал в Москве и чем увлекался? Прежде всего — точными науками. Всякой неопределенности и "философии" я избегал. На этом основании и сейчас я не признаю ни Эйнштейна, ни Дирака, ни Миньковского с их последователями. Трудности мы находим во всех науках, но я не считал их ту-

1206

- 24 -

манными. И сейчас мой ум многого не может преодолеть, но я понимаю, что это результат недосуга, слабости ума, трудности предмета, а никак не следствии туманности. Я сейчас отверг, напр., Миньковского, назвавшего время четвертым измерением. Назвать то можно, но слово это нам ничего не отсривает и не прибавляет к сокровищнице знаний. Я остался сторонником механистических воззрений 19-го столетия и думаю и знаю, что можно объяснить, напр., спектральные линии /пока только водорода/ без теории Вора, одной ньютоновской механикой. Вообще, я еще не вижу надобности уклоняться от механики Ньютона, за исключением его ошибок. Прав ли я - не знаю. Под точной наукой или, вернее, истинной наукой я подразумевал единую науку о веществе, или о вселенной. Даже математику я причислял и причисляю сюда же. Монизм - единство на все жизнь осталось моим принципом.

Известный молодой публицист Писарев заставлял меня дрожать от радости и счастья. В нем я видел тогда второе "Я". Уже в зрелом возрасте я смотрел на него иначе и увидел его ошибки. Все же это один из самых уважаемых мною моих учителей. Увлекался я также и другими наставниками Павленкова.

В беллетристике наибольшее впечатление произвел на меня Тургенев и в особенности его "Отцы и дети". На старости и это я потом переоценил и понял.

В Чертковской библиотеке много читал "Араго" и другие книги по точным наукам.

Кстати, в Чертковской библиотеке я заметил одного служащего с необыкновенно добрым лицом. Никогда я потом не встречал ничего подобного. Видно правда, что лицо есть зеркало души. Когда усталые и бесприветные люди засыпали в библиотеке, то он не обращал на это никакого внимания. Другой

библиотекарь сейчас же сурово будил.

Он же давал мне запрещенные книги. Потом оказалось, что это известный аскет Федоров, — друг Толстого и изумительный философ и скромник. Он раздавал все свое ^{крохотное} жалование беднякам. Теперь я вижу, что он и меня хотел сделать своим пенсионером, но это ему не удалось: я черезчур дичился.

Потом я еще узнал, что он был некоторое время учителем в Б., где служил много позднее и я. Помню благообразного брнета, среднего роста, с лысиной, но довольно прилично одетого. Федоров был незаконный сын какого то вельможи и крепостной. По своей скромности он не хотел печатать свои труды, не смотря на полную к тому возможность и уговоры друзей. Получил образование он в лицее. Однажды

Однажды Л. Толстой сказал ему: я оставил бы во всей этой библиотеке лишь несколько десятков книг, а остальные выбросил. Федоров ответил: видал я много дураков, но такого еще не видывал.

ОПЯТЬ В ГОРОДЕ П. /от 19-21 1876-78 г./

Вел с отцом переписку, был счастлив своими мечтами и никогда не жаловался. Все же отец видал, что такая жизнь должна канурить меня и привести к гибели. Пригласил меня, под благовидным предлогом, в П.

Дома обрадовались, только изумились моей черноте. Очень просто — я съел весь свой жир.

В либеральной части общества отец пользовался уважением и имел много знакомых. Благодаря этому я получил отличный урок. Я имел успех и меня скоро засыпали этими уроками. Гимназисты распространяли про меня славу, будто я понтино очень об'яснял алгебру. Никогда не торговался и не считал

306

- 26 -

13

часов. Брак, что давали — от четвертака до рубля за час. Вспоминаю один урок по физике. За него платили щедро — по рублю. Ученик был очень способный. Когда в геометрии дошли до правильных многогранников, я великодушно склеил их все из картона, навязал на одну нитку и с этим крупным ожерельем отправился по городу на урок.

Когда мы в физике дошли до аэро^{ста}навов, то я склеил из папиросной бумаги аршинный шар и пошел с ним к ученику. Летавший монгольфьер очаровал мальчика.

Только в П. я случайно узнал, что я близорук. Сидели мы с младшим братом на берегу реки и смотрели на пароход. Какой пароход — я прочесть не мог, брат же в очках прочел. Взял его очки и тоже прочел. С этих пор я носил очки с вогнутыми стеклами, и до сих пор ношу, но читаю всегда и даже сейчас без очков, хотя книгу приходится теперь удалять. Редко прибегаю к большому двояко-выпуклому стеклу, или к лупе.

Случилось, что оглобли очков оказались длинны. Я перевернул очки вверх ногами и так носил их. Все смеялись, но я пренебрегал насмешками. Вот черты моего позитивизма, независимости и пренебрежения к общественному мнению.

Раньше была некоторая хлыщеватость и чем больше назад, тем ее было больше. Так в Москве я ходил зимой в пальто старшего брата, перешитого из теткиного бурнуса. Оно было мне велико и я, чтобы скрыть это, носил его в накидку, не смотря на адский иногда холод. Пальто было из очень прочного драпа, хотя без подкладки и воротника. Но и его я скоро лишился: проходил однажды близ Апраксина рынка. Выскакивают молодцы и почти наизусть ведут меня в магазин. Собирались: дали предраннее пальто, а мое взяли. Прибавил я еще рублей 10.

Также неудачна была моя покупка сапог на Сухаревке. Липился старик и пришел домой в новых без подметок. Но все это было ранее в Москве.

Возвращаясь к П. И в городе П. я было принялся за станки особого устройства и разные машины. Даже нанял особую для мастерской квартиру.

Между прочим устроил нечто вроде водяных лыж, с високим помостом, сложного устройства веслами и центробежным насосом. Переплыл благополучно реку. Дунал получить большую скорость, но сделал грубую ошибку: у лыж была тупая корма, и потому большой скорости не получилось. *(Вспоминание)*

Простудился и захворал мой брат, на год моложе меня, с которым я был особенно близок с самого детства. Зимы в П. холодные. У брата пропал аппетит, образовались язвы в кишках и он помер.

Товарищи-гимназисты его провожали. Я же отказался, говоря, что мертвому ничего не нужно. Этот поступок не был результатом холодности: я очень горевал. Потом я уже понял, что провожают мертвых ради огорченных родных и друзей.

Из публичной библиотеки гор. П. таскал научные книги и журналы. Помню механику Вейсбаха и Брашмана, Ньютоновские "Принципы" и другие. Из журналов за все годы перечитал: Современник, Дело, Отечественные записки. Влияние эти журналы на меня имели громадное. Так, читая статьи против табаку, я всю жизнь не курил. К латинской кухне также возникло сомнение. Всю жизнь я болел, но не помню, чтобы лечился. Уже позже я понял великое будущее медицины. Гигиенические статьи производили глубокое впечатление. Отвращение к орфографии всех стран возникло тоже от чтения. Тогда же я был /из книг/ очень напуган половыми болезнями, что очень способствовало моему целомудрию. Все же трудно было бы удержаться от со-

блазна, если бы не мое увлечение науками и планами великих достижений. Так, знакомый однажды повел меня в одно азиатское место. Но было холодно, я прозяб в моем пальтишке на рыбьем меху и вернулся домой. Уроками я зарабатывал много и не в деньгах было препятствие: как то и судьба мне помогала, а может быть и глухота.

Но все же я был страстен и постоянно влюблялся. В П. был один случай сверхплатонического чувства. Я полюбил семилетнюю дочку наших знакомых. Я мечтал о ней, мечтал даже о доме, где она жила и с радостью проходил мимо этого дома. Более чистой любви трудно себе чтонибудь представить.

Однако, возраст давал себе знать. У меня бывали сильные головные боли, как результат воздержности. Илияний /полюций/ не было до 20 лет: вся половая сила шла на развитие мозга. Кажется других привязанностей в П. не было.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В Р. /1878-79 г. Возраст от 21 до 22 лет/.

Отец стал прихваривать. Смерть его жены, детей, жизненные неудачи много этому способствовали. Отец вышел в отставку с маленькой пенсией и все мы решили переселиться в Р., на родину. Ехали весной на пароходе до самого места. С нами была и та девочка. По приезде в Р. она должна была отправиться к ее родителям. Я захотел с ней проститься. Она, маленькая, вскочила на стол, чтобы я мог ее поцеловать. Это был единственный поцелуй, который мне от нее достался. Больше я с ней никогда не виделся.

В Р. я побывал в местах, где прежде жил. Все показалось очень маленьким, жалким, загрязненным. Знакомые - приземистыми и сильно постаревшими. Сады, дворы и дома уже не казались такими интересными, как прежде: обычное разочарование от старых мест.

Я еще не был учителем /78 г./, когда меня притянули к исполнению недавно введенной воинской повинности. /в 71 г./ Я отрицательно и с негодованием относился к империалистической войне, но понимал, что против рока трудно пойти. Никто не догадался меня проводить в воинское присутствие. Благодаря глухоте получился незабываемый ряд комических сцен.

Раздели до гола, кто-то держал рубашку. Грудь не видна. Заявил о глухоте: "воздух продувается сквозом барабанные перепонки". Послушал доктор, как шумит в ухе воздух от продувания.

Не помню хорошо, освободили меня сразу, или отложили на год. Помню только, что губернатор остался недоволен приемной комиссией и захотел всех освобожденных пересвидетельствовать.

Он спросил меня: "чем занимаетесь?". Мой ответ, "математикой", возбудил ироническое пожимание плеч. Все же моя негодность подтвердил. Помню около этого времени я делал опыты с ципликами. На центробежной машине я усиливал их вес в 5 раз. Ни малейшего вреда они не получили. Такие же еще ранее в П. я производил и с насекомыми. Подвергал и себя экспериментам: по несколько дней ничего не ел и не пил. Лишение воды мог выдержать только в течение двух дней. По истечении их я на несколько минут потерял зрение.

На следующий год я сдавал экзамен на учителя, так как в Рязани не имел уроков и жил оставшимся скудным запасом денег. В это время я занимал комнату у служащего Шапкина. Это был ранее сосланный в сибирь поляк, теперь освобожденный.

На экзамен я боялся опоздать. Спрашиваю сторожа: "экзаменуют?". Насмешливый ответ: "только вас дожидаются".

Первый устный экзамен был по закону божьему. Растерялся и не мог выговорить ни одного слова. Увели и посадили в сто-

1568

- 30 -

роние на диванчик. Через 5 минут очухался и отвечал без запинки. Далее со мной уже этой растерянности не было. Главное - глухота меня отесняла. Совестно было отвечать не впопад и переспрашивать - тоже. Письменный экзамен был в комнате директора и в его единоличном присутствии. Через несколько минут я написал сочинение, завернув доказательства совершенно новые. Подал директору. Его вопрос: "это черновая"? "Нет, беловая", отвечаю.

Хорошо, что попался мыслящий молодой экзаменатор. Он понял меня и поставил хороший бал, не сделав ни одного замечания. Отметок их я не видал. Знаю только, что меньше 4 получать на экзамене было нельзя. Так сошли и другие экзамены.

Пробный урок давался в перемену, без учеников. Выслушивал один математику.

На устном экзамене один из учителей козырял в носу. Другой, экзаменуемый по русской словесности, все время что-то писал и это не мешало ему выслушивать мои ответы.

Отец был очень доволен. Решили помочь мне в снаряжении на предполагаемое место. На экзамене я был в серой заплятанной блузе. Пальто и проч. - все это было в жалком состоянии, а денег почти не оставалось. Сшили виц-мундир, брюки и жилет, всего за 25 рублей. Кстати сказать, что все сорок лет моего последующего учительства я больше мундира не шил. Кожарды и орденов никогда не носил. Ходил в чем придется. Крахмаленных воротников не употреблял. Сшили и дешевое пальто за 7 рублей. Пришили к шапке наушники и все было готово. Истраченное я потом возвратил отцу, который за это немного обиделся.

Был у меня еще коротенький полушубок /куплен за 2 рубля/. Под холодное пальто без ваты он очень пригодился

48 16

зимой: тепло и прилично.

Однако, несмотря на прошение, назначен был на место учителя только месяца через четыре.

Этот промежуток ожидания я провел в деревне у помещика М. Занимался с его малыми детьми. Учил их грамоте. Мальчик спрашивает: "зачем ставится в конце слов ер /8/". "Это, отвечаю, по глупости". Также я раскритиковал и всю грамматику. Когда ребенок встречал ер, то сначала становился втупик, а потом замечал: "знаю - это по глупости".

До меня у этого помещика жил какой то бесприветный чужак. Про него рассказывали, что он зимой, через двойные рамы, со двора, всячески ругал хозяина, чем очень потешал собравшуюся публику. Помещик об этом не знал и ничего не слышал.

Педагогика была для меня забавкой. Главным же образом я погружался в законы тяготения тел разной формы и изучал разного рода движения, которые вызвали относительную тяжесть. Лет через 30, я послал остатки этих вычислений и чертежей известному Перельману, как исторический документ. Он недавно упоминал о нем в своей книге о мне /32-го года/.

Каждый день я гулял довольно далеко от дома и мечтал об этих своих работах и о дирижабле. Меня предупреждали, что тут много волков, указывали на следы и даже на перья растерзанных кур. Но мне как то не приходила мысль об опасности и я продолжал свои прогулки.

Вадумал я тут же заниматься с одной крестьянской девушкой. Заметил, что увлекаться - бросил. Какой то инстинкт отталкивал меня от женщины, хотя я был очень слаб к ним. Может быть это было результатом крайне страстного увлечения идеями, которое пересиливало животные стремления. Тут, в деревне,

лет двадцати, у меня начались излияния /полюции/. Напуганный книгами, я решил жениться. Благожелатели предлагали мне женину. Но я считал для нее это оскорблением. Боялся последствий /полюций/ и не хотел подавать дурного примера. В простых людях, привыкших к барской разнузданности, это возбуждало сочувствие и мне это было приятно.

В БОРОВСКЕ УЧИТЕЛЕМ /1880-92 г. 23-35 лет/.

Наконец, после рождества /1880 г./ я получил известие о назначении меня на должность учителя арифметики и геометрии в Б-ое уездное училище.

Надел свои на ушишки, полушубок, пальто, валенки и отправился в путь.

В городе Б. остановился в номерах. Потом стал искать квартиру. Город был расколынический. Пускали неохотно щепотников и табашников, хотя я не был ни тем, ни другим.

Дома стояли пустые и все же не пускали.

В одном месте нанял огромный пустой бельэтаж. Взял в нем одну комнату и в первую же ночь страшно угорел.

Бельэтаж отдали под свадьбу, меня же переселили в темную каморку, что мне не понравилось. Стал искать другую квартиру. По указанию жителей, попал на хлеба к одному вдовцу с дочерью, жившему на окраине города, по близости реки. Дали две комнаты и стол из супа и каши. Был доволен и жил тут долго. Хозяин - человек прекрасный, но жестоко выпивал.

Часто беседовал за чаем, обедом или ужином с его дочерью. Поражен был ее пониманием евангелия. Она соглашалась со мной, что галилейский плотник был человеком не - обыкновенного ума и что звали его все люди хозяином, а не богом.

18 17
Пора было жениться и я женился на ней без любви, надеясь, что такая жена не будет мною вертеть, будет работать и не помешает мне делать то же. Эта надежда вполне оправдалась. Такая подруга не могла истощить и мои силы: во первых, не привлекала меня, во вторых, и сама была равнодушна и бесстрастна. У меня был врожденный аскетизм и я ему всячески помогал. С женой мы всегда и всю жизнь спали в отдельных комнатах, иногда и через сени. Так я и она до глубокой старости сохранили силы и способность к умственной деятельности. Она и сейчас /77 лет/ много читает.

Хорошо ли это было: брачная жизнь без любви? Довольно ли в браке одного уважения?

Кто отдал себя высшим целям, для того это хорошо. Но он жертвует своим счастьем и даже счастьем семьи. Последнего я тогда не понимал. Но потом это обнаружилось. От таких браков дети не бывают здоровы, удачны и радостны и я всю жизнь сокрушался о трагической судьбе детей. Помимо этого, брак без страсти — не устойчив. Жена еще удовлетворяется детьми и кое как сохраняет равновесие. Муж же не может так поглотиться семьей. Неудовлетворенное сердце вечно тянет в сторону. Жалость к детям и к невинной жене все же некоторых удерживает от губительного для них разрыва. То же было и со мной. Имейте это в виду, молодые люди! Академический брак едва ли сделает вас великими, а несчастными сделает, наверно.

Венчаться мы ходили за 4 версты, пешком, не наряжались, в церковь никого не пускали. Вернулись — и никто о нашем браке ничего не знал.

До брака и после него я не знал ни одной женщины, кроме жены.

Мне совестно интимничать, но не могу же я лгать. Говорю про дурное и хорошее.

Браку я придавал только практическое значение: уже давно, чуть не с 16 лет, разорвал теоретически со всеми нелепостями вероисповеданий.

В день венчания купил у соседа токарный станок и резал стекла для электрических машин. Все же про свадьбу как то пронюхали музыканты. Насилу их выпроводили. Напился только венчавший поп. И то угощал его не я, а хозяин.

Я очень увлекался натуральной философией. Доказывал товарищам, что Христос был только добрый и умный человек, иначе он не говорил бы такие вещи: "понимающий меня может делать то же, что я и даже больше". Главное, не его закли- нания, лчение и "чудеса", а его философия.

Донесли в Калугу директору. Директор вызывает к себе для объяснений. Занял деньги, поехал. Начальник оказался на даче. Отправился на дачу. Вышел добродушный старичек и попросил меня подождать, пока он выкупается. "Возница не хочет ждать", сказал я. Омрачился директор и произошел такой между нами диалог.

- Вы меня вызываете, а средств на поездку у меня нет...

- Куда же вы деваете свое жалованье?

- Я большую часть его трачу на физические и химические приборы, покупаю книги, делаю опыты...

- Ничего этого вам не нужно... Правда ли, что вы при свидетелях говорили про Христа то-то и то-то?

- Правда, но ведь, это есть в евангелии Ивана.

- Вадор, такого текста нет и быть не может!!

- Имеете ли вы состояние?

- Ничего не имею.

- Как же вы - нищий, решаетесь говорить такие вещи!..

Я должен был обещать не повторять моих "ошибок" и только благодаря этому остался на месте... чтобы работать. Выхода другого, по моему незнанию жизни, никакого другого не было. Это незнание прошло через всю мою жизнь и заставляло меня делать не то, что я хотел, много терпеть и унижаться. Итак, я возвратился целым к своим физическим задачам и к серьезным математическим работам. У меня сверзали электрические молнии, гремели громы, звонили колокольчики, плясали бумажные куколки, пробивались молнией дыры, загорались огни, вертелись колеса, блистали иллюминации и светились вензеля. Толпа одновременно поражалась громовым ударами. Между прочим, я предлагал желающим попробовать ложкой невидимого варенья. Соблазнившиеся угощением получали электрический удар. Любовались и дивились на электрического осминога, который хватал всякого своими ногами за нос или за пальцы. Волосы становились дыбом и выскакивали искры из всякой части тела. Кошка и насекомые также не избегали моих экспериментов.

Надувался водородом резиновый мешок и тщательно уравнивался посредством бумажной лодочки с песком. Как живой, он бродил из комнаты в комнату, следуя воздушным течениям, поднимаясь и опускаясь.

В училище товарищи называли меня Желябкой /1882 г./ и подозревали, чего не было. Но я бронировал себя хождением по царским дням в собор и говением через каждые 4 года.

В то же время я разработал совершенно самостоятельно теорию газов. У меня был университетский курс физики Петрушевского, но там были только намеки на кинетическую теорию газов и вся она рекомендовалась, как сомнительная гипотеза.

1806
Послал работу в столичное "Физико-хим. Общество". Единственно был избран его членом. Но я не поблагодарил и ничего на это не ответил /наивная дикость и неопитность/.

Ломал голову над источниками солнечной энергии и пришел самостоятельно к выводам Гельмгольца. О радиоактивности элементов тогда не было ни слуху, ни духу. Потом эти работы были напечатаны в разных журналах.

Река была близко, но на плоскодонке плавать было противно, а иных лодок у нас не было.

Придумал особую быстроходную. Катался на ней с женой, которая сидела у руля и правила. Знакомый столяр даже выиграл через нее пари у богатого купца, который говорил, что я лодку сделать не сумею. Но когда я проехал на ней мимо его окон, то пришлось заплатить проигрыш. Потом я делал такие же лодки на 15 человек. Нашлись и подражатели.

С помощью своей лодки забрасывал верши и ловил так рыбу. Увлеченный этим и ранней весной схватил тиф.

Моя лодка была поверхностью вращения, которая в продольном сечении имела синусовидную кривую. Доски плотно синкались проникающей их проволокой. Много катался и с парусом. Наезжали на подводные острые сваи /остатки старых мостов/, но ни разу не опрокидывались. Все же она была очень валкая, особенно первая - маленькая. Вот трагикомическое происшествие. Тесть нарядился и собрался в гости. Надо было перевезти его на другой берег. Предупреждал, чтобы не хватался за борты лодки. Лодка закачалась, он испугался, схватился за края и сейчас же кувырнулся в воду. Я стою на берегу, помираю со смеху, а он барахтается в холодной весенней воде в своем наряде, и во всю мочь ругается. Вылез и не простудился. Такое же горе было и с другими. Лодку называли душе-

20 19

губкой. Большие лодки не были валки...

В теплую погоду ребята вытаскивали кол и катали на ней друг друга. Приходишь к берегу — нет лодки, а лежит какая то черная рыба, высунув спину. Эта была моя перевернутая "душегубка", не загубившая впрочем ни одной души.

Зимой с знакомыми катался по реке на коньках. Был такой случай. Вода только что замерзла и лед был тонкий. Поехали на коньках втроем. Я впереди. Говорю товарищам: "первый провалюсь я, а вы катитесь тогда назад". Лед под мной затрещал, показалась вода. Я скорей повалился и лежа пополз назад. Так спасся. Что это, отважность или безумие? Я думаю, что и то и другое.

Приятель усакал в деревню за помощью, но я выкарабкался без нее.

Сколько раз в бурю /с зонтом/ я мчался по льду силой ветра! Это было восхитительно.

Всегда я что нибудь затевал. По близости была река. Вадумал я сделать сани с колесом. Все сидели и качали рычаги. Сани должны были мчаться по льду. Все было закончено, но испытание машины почему то не состоялось. Я усумнился в целесообразности ее конструкции.

Потом я заменил это сооружение особым парусным креслом. По реке ездили крестьяне. Лошади пугались мчащегося паруса, проезжие ругались матерным гласом. Но, по глухоте, я долго об этом не догадывался. Потом уж, завидя лошадь, заранее поспешно снимал парус.

Катался на коньках, пока был чистый лед. Попадал и в прорубь. Однажды при этом сильно замочился, а мороз был трескучий. С пальто текло и образовалось множество сосулек. Шел по улице, а сосульки, ударяясь друг о друга, звонили,

1906

- 38 -

как колокольчики. Ничего - проходило безнаказанно.

Реку любил. Каждый день в хорошую погоду ездил с женой кататься; жена правила рулем, я работал веслами. Потом пошли дети и я ездил уже один, или /редко/, с кемнибудь из знакомых. Осенью вода очищается от водорослей, которые падают на дно и вода становится очень прозрачной. Видны все камешки, песок, растения и водное население. Бывало, плывешь по течению и рассматриваешь все это с большим удовольствием.

По берегам, в недоступных местах, по обрывам росла ежевика. Местность была красивая, летом река запружена, и катанье на протяжении 3-5 верст восхитительное.

Педагогический персонал был далеко не идеальный. Жалованье было маленькое, город прижимистый и уроки добывались /не совсем чистой/ хитростью: выставлялась двойка за четверть или наущничали богатенькими родителями о непонятливости ученика.

Я никого не угощал, не праздновал, сам никуда не ходил и мне моего жалованья хватало. Одевался мы просто, в сущности очень бедно, но в заплатах не ходили и никогда не голодали.

Другое дело, мои товарищи. Это большей частью семинаристы, кончившие курс и выдержавшие, кроме того, особый экзамен на учителя. Им не хотелось поступать в попы. Они привыкли к лучшей жизни, к гостям, праздникам, суете и выпивке. Им не хватало жалованья. Брали взятки, продавали учительские дипломы сельским учителям. Я ничего не знал по своей глухоте и никакого участия в этих скромных вакханалиях не принимал. Но все же по мере возможности препятствовал нечестным поступкам. Мечта товарищей - сбить меня с рук, что и совершилось со временем.

Сам я всегда отказывался от уроков с учениками, а другие редко попадались.

Товарищи - студенты университета были приличней.

Возвращаясь назад. По приезде в Б. мне нужно было побывать у смотрителя моего училища. Он мне очень понравился, а семья его в особенности. Смотритель через несколько месяцев внезапно помер, а мои связи с семьей остались и даже укрепились. Семья состояла из двух молодых девушек и трех молодых людей. Один был уже учителем в приходской школе.

Я сначала влюбился в младшую девушку, но ее вскоре перевели учительницей в женскую учительскую семинарию. Тогда я влюбился в другую.

Это была чудесная семья. По субботам у меня мало было уроков и я рано, прямо из училища, заходил к Т.

Помню один момент, который не могу и теперь забыть. Было холодно, я прозяб и, по обыновению, в субботу зашел к Т. Никогда не было дома, кроме девушки. Она подала меня и предложила погреться на лежанке, которая была в ее комнате. Через пять минут я обогрелся, но обаяние близости молодого существа осталось до сих пор. Видно предвзвешенное любви не слабее ее продолжения.

Чем все это кончалось и была ли взаимность во всех моих любвах? Я не могу этого сказать, потому что никогда не объяснялся в своих чувствах. И как было это сделать, раз на моей ответственности была семья! Ни к чему бы это не повело при моем бессилии и незнании жизни.

Девушка скоро ослепла и уехала в Москву лечиться, где и умерла. Семья Т. также рассеялась и никого из них уже не было в Б. Разлука с друзьями угнетала меня до нервного

206

- 40 -

21

расстройства. Оно выражалось в непонятном страхе даже днем, при солнечном свете.

Не смотря на глухоту, мне нравилось учительство. Большую часть времени мы отдавали решению задач. Это лучше возбуждало мозг и самостоятельность и не так было для детей скучно.

С учениками старшего класса летом катались на моей большой лодке, купались и практиковались в геометрии.

Я своими руками сделал две жестяных астролябии и другие приборы. С ними мы и ездили. Я показывал, как снимать планы, определять величину и форму недоступных предметов и местностей, и обратно, по плану местности, восстанавливать ее в натуре в любом пустом поле. Впрочем больше было веселости и шалостей, чем дела.

Через Т. я познакомился с другим домом. Тут я давал урок одной девице. В этой семье встретил очень молодую замужнюю женщину, в которую, после отъезда Т., я влюбился без ума. Ее семья заменила мне семью Т. Разумеется и она никогда не узнала о моих чувствах. Я только раз ее поцеловал под предлогом христосования.

- Можно с вами похристосоваться?

- Можно...

Я едва коснулся ее губ.

- Что же вы не сказали: "воистину воскрес", заметил муж.

Как же ко всем этим невинным романам относилась жена? Она была занята хозяйством и детьми и потому я путешествовал по знакомым одиш. Сначала я рассказывал ей о своих недавних приключениях и она даже не морщилась. Но потом она стала оскорбляться ими - и я уже ничего ей после этого не

2221

передавал. Зачем возбуждать ревность. Это такое мучительное чувство! Я инстинктивно поступал хорошо. Она была спокойна и мы жили мирно. Я иногда помогал ей по хозяйству, даже шил ей рубашки на машине. Теперь уже забудь про это, но она недавно мне напомнила.

Были и маленькие семейные сцены и ссоры, но я сознавал себя ВСЕГДА виновным и просил прощения. Так мир восстанавливался. Преобладали все же работы: я писал, вычислял, паял, стругал, плавил и проч. Делал хорошие поршневые воздушные насосы, паровые машины и разные опыты. Приходили гости и просили показать паровую машину. Я соглашался, но только предлагал гостю наколоть лучины для отопления паровика.

Я любил помутить. У меня же был большой воздушный насос, который отлично воспроизводил неприличные звуки. Через перегородку жили Желева и слышали эти звуки. Жаловались жене: "только что соберется хорошая компания, а он начнет орудовать своей поганой машиной"...

Летом я еще нашел другую забаву для учеников. Сделал огромный шар из бумаги. Спирту не было. Поэтому внизу нарабил сетка из тонкой проволоки, на которую я имел несколько горящих лучинок. Монгольфьер, имеющий иногда причудливую форму, поднимался насколько позволяла привязанная к нему нитка. Но однажды нитка нечаянно внизу перегорела и шар мой умчался в город, роняя искры и горящую лучину. Попал на крышу и сапожнику. Сапожник заарестовал шар. Хотел привлечь меня к ответственности. Потом смотритель моего училища рассказывал, что я пустил шар, который упал на дом и со страшной силой разорвался. Так из мухи делают слона.

Потом уже я свой монгольфьер только подогревал, огонь же устранил и он летел без огня. Поэтому скоро опускался.

2105
Ребята гнались за ним и приносили обратно, чтобы снова пустить на воздух.

32-33-х лет я увлекся опытами по сопротивлению воздуха. Потом занялся вычислением и нашел, что закон Ньютона о давлении ветра на наклонную пластинку не верен. Привел и к другим, менее известным тогда выводам. Помню, на рождественские праздники, сидел непрерывно за этой работой недели две. Наконец, страшно закружилась голова и я скорей побежал кататься на коньках.

Написанная рукопись и сейчас у меня целая. Потом часть ее была издана в журнале при помощи профессора А.Г. Столетова.

Хотят сказать, у меня до сих пор сохранился учебник аналитической геометрии Брио и Буве, купленный мною в Москве еще в юности. Кажется, сохранились и другие книги этого времени.

С самого приезда в Б. я занимался усердно теорией дирижабля. Работал и на занятиях на уроках. Праздников у меня не было. Как и теперь - пока здоров и не оставили они и я работаю.

Еще в 87 году я познакомился с Голубицким. У него гостила известная Ковалевская /женщина-профессор в Швеции/, давно умершая. Он приехал в Б., чтобы взять меня к Ковалевской, которая желала со мной познакомиться. Мое убеждение и происходящая от того дикость помешала мне в этом. Я не поехал. Может быть это и лучше.

Голубицкий предложил мне съездить к Столетову /известный ученый/ и сделать в обществе доклад о своем дирижабле. Поехал, блуждал по городу, наконец, пришел к профессору. Оттуда поехали делать сообщение в Политехнический Музей. Читая

рукописи не пришлось. Я только кратко об'яснил сущность. Никто не возражал. Делал доклад и д-р Репман. На черной доске он что то напутал и я с изумлением рассматривал его чертеж на доске. Слышу громкий голос Михельсона /будущего профессора/: "полюбуйтесь - у вас положительное электричество соединяется с положительным". Я поспешил отойти от черной доски.

Хотели меня устроить в Москве, но не устроили.

В В. я жил на окраине и меня постигло наводнение. Поднялись половицы в доме, посуда плавала. Мы сдвинули стулья и кровати и по ним передвигались. Лыжи везли о железные болты и ставни. Лодки под'езжали к окнам, но спасаться мы не захотели.

В другой раз более серьезно претерпели от пожара. Все было растаскано или сгорело. Загорелось у соседей от склада неостывшего угля...

Однажды я поздно возвращался от знакомого. Это было накануне солнечного затмения, в 87 г. На улице был колодезь. У него что то блестело. Подхожу и вижу в первый раз ярко светящиеся большие гнилушки. Набрал их полный подход и пошел домой. Раздробил гнилушки на кусочки и разбросал их по комнате. В темноте было впечатление звездного неба. Позвал кого можно и все любозавались. Утром должно быть затмение. Оно и было, но случился дождь. Ни у зонтика, чтобы выйти на улицу. Зонтика нет. Потом уж вспомнил, что зонт оставил у колодца. Так и пропал мой маленький, только что купленный зонтик. За это получил гнилушки и звездное небо.

Если я не читал и не писал, то ходил. Всегда был на ногах.

Когда же не был занят, особенно во время прогулок, всегда шел. И шел не песни, а как птица, без слов. Слова

2206

- 44 -

бы дали понятие о моих мыслях, а я этого не хотел. Не и утром и ночью. Это было отдохновение для ума. Мотивы зависели от настроения. Настроение же вызывалось чувствами, впечатлениями, природой и часто чтением. И сейчас я почти каждый день по утрам и перед сном, хотя уже и голос охрип и мелодии стали однообразней. Ни для кого я этого не делал и никто меня не слышал. Я это делал сам для себя. Это была такая то потребность. Нелюбимые мысли и ощущения вызвали звуки. Помнится, невзвешенное настроение появилось у меня с 19 лет.

В Москве мне пришлось познакомиться с известным педагогом Иакиншим. Его учебник я считал превосходным и очень ему обязан. Говорил с ним о дирижабле. Но он сказал: "Вот такой то математик доказал, что аэростат не может бороться с ветром". Возражать было бесполезно, так как авторитет мой был незначителен. Вскоре умер и он и Столетов.

В КАЛУГЕ /1892-1934 г. 35-77 лет./

Тут я сошелся с семьей А., а потом К.

Семья А. была видная в городе. А. помог мне связаться с Нижегородским /ныне Горьковским/ кружком любителей физики, председателем которого был, недавно умерший в Калуге С.В. Щербаков. Сначала с помощью кружка, а потом самостоятельно я стал печатать свои работы о Солиде, о летательных приборах и другие в журналах: "Наука и Жизнь", "Научное Обозрение", "Вестник опытной физики", "Вокруг света" и проч. Теоретические работы профессоров дали очень большее сопротивление даже для самых лучших форм. Желая это опровергнуть, я производил много опытов по сопротивлению воздуха и воды. Приборы устраивал сам - сначала маленькие,

и В.И. Яковлев и П.П. Косинин

потом большие, которые занимали почти всю залу в моей квартире. Бывало, запрещаю на крыльях, чтобы не отрывали и не нарушали правильности воздушных течений. Стучится писмоносец, а открыть дверь нельзя до окончания наблюдения. Писмоносец слышит мерный звон метронома и счет 15, 14, 15, 15, 14 и т.д. Наконец, отворяют дверь ворчащему писмоносоцу. Одна родственница, увидавши в квартире чудовище /аппарат/, сказала моей жене: "когда он уберет этого черта!?". Некий батюшка заметил, что загажен святой угол.

Тела разной формы клеились из толстой рисовальной бумаги. Но нужны были иногда для этого тяжелые деревянные башмаки. Их готовили для меня преподаватель железнодорожного училища, инж. Д. Никогда не забуду этой бескорыстной услуги! Он помер, а сын сейчас в Ленинграде. Мы переписывались и я вторично благодарил его за отца. Впрочем и отец ушел из училища и работал при Академии.

Еще в В. был сделан заказ в Московскую типографию об издании моего "Аэростата". Половину денег дал я, остальные - знакомые. Вел дело Ч./умерший теперь/. В его руках были изданные книги, а я материально ничем не воспользовался. Впрочем, книги плохо продавались и едва ли компания получила барыши. Тем не менее, когда я уже в Калуге подучил эту брошюру, то чувствовал себя на седьмом небе. Незапамятное время!

В Калуге издали и второй томик моего "Аэростата".

Все же, как и в Боровске, меня тянуло к реке. Выстроили двойную лодку моей системы. Работал главным образом я. Лодка имела кабину и большое гребное колесо. Все сидящие на лавочках, и без всякого умения, могли вращать это колесо, сидя удобно, в тени и в защите от дождя и вет-

Лугвин

ра. Лодка годилась даже для танцев — так была устойчива /двойника/ — я легко шла против течения. Были частые и интересные прогулки. Фотография с нее, кажется, хранится у одного из местных педагогов /М/.

У К. была мать, тетя и его двоюродная сестра, молодая, хорошенькая девушка. По обыкновению, влюбился. Опять — как бы невинный роман.

Но так ли все эти романы невинны, как кажется с первого раза? Мне, например, о ней не пришлось даже поцеловаться. А объясняться с ней я, конечно, не смел, да и не желал.

Не знаю, были ли эти увлечения и привязанности взаимны. Но, допустим, что они скрыты взаимны. Разве и из этого не выходят зло? Ну, от жени вы скроете. Она не знает, не ревнует и не страдает. Но неудовлетворенная девушка мучается, родственники озлобляются против вас и ссорятся между собой. Среди супругов возникает тяжелое ссоры, ревность и проч.

Все это из приличия или самолюбия скрывается. Поводы к ссорам, якобы, другие: одни неясные намеки.

Вот почему, положа руку на сердце, я не могу утверждать, что этими своими, как бы наивными и платоническими привязанностями я, наделав людям горя. Меня немного извиняет моя неудовлетворенность и могучая потребность в особой рыцарской идеальной любви. Я делал, что мог: не мучил жену, не оставлял детей и не доводил дело до явного адюльтера, или распутства.

Кстати о наших детях. Все они учились в средних школах. Все три дочери кончили гимназию. Старшая была на высших курсах. Мальчики учились особенно хорошо, кроме большого от рождения Вани. Он все же прошел бухгалтерские курсы. Один сын умер студентом, другой не вынес столичной жизни, сдал

экзамен, как я, я был учителем высшего начального училища. Но вскоре тоже помер. Теперь осталось только две дочери, которые и живут при мне, в одном доме. Песть звучат при мне, седьмой в Москве при отце, но он тоже почти все время жил у меня, а сейчас приезжает летом.

Не знаю, может быть я и невинен, так как взаимности могло и не быть, но примером служить в брачном отношении не могу.

Если бы я не был глух, знал жизнь и не поглощен внешними целями, то, возможно, исправил бы свою ошибку своевременно и без особенного горя для семьи. Но условия жизни не дали мне этого выхода. Однако, возможно, что судьба и не ошиблась и что случилось, то было нужно.

В городском саду летом часто была музыка и я с увлечением не пропускал ни одного концерта. Становился у самого павильона и так только улавливал все напевы. Музыкальный слух у меня был и я, что бы не слышал, через некоторое время воспроизводил своим бесцелестным птичьим пением. Но возникали и самостоятельные мотивы, благодаря настроениям. Я помню, что после чтения "Верьбы миров" Уэлса, у меня возник, никогда не слышанный мною мотив, соответствующий гибели человечества и полной безнадежности.

Свои электрические занятия я продолжал, присоединив к статическому электричеству - гальваническое. Делал машины всех систем, кончая самой сложной, индуктивной с двумя вращающимися колесами /Вимстгерста/. Главное увлечение для моих немногих знакомых состояло в электрическом представлении. Уходили довольные, как после хорошего обеда. Теперь то я сократил свое личное знакомство до нуля и принимаю только по делу или ради научной беседы. Обывательской бол-

товни и обивательского времени проведения теперь совершенно не виному.

В 97 году мне дали уроки математики в казенном реальном училище. Там были недовольны тем, что у меня не вышло ни одной годовой двойки. Кроме того, приехал новый директор и отобрал у меня уроки для себя.

В это время я сильно утомлялся. Из своего училища шел в реальное, оттуда - в третье училище точить свои болванки для моделей. Другому бы ничего, а я со своим слабым здоровьем не вынес - заболел воспалением брюшины. Я думал, что помираю. Тут я в первый раз узнал, что такое обморок. Во время приступа ужасных болей, потерял сознание. Жена испугалась и стала звать на помощь, а я очнулся и, как ни в чем не бывало, спрашивая, "чего ты орешь"! Тогда она мне все объяснила и я узнал, что пробыл некоторое время в "небытии".

Результаты перитонита сказались не сразу. После него я постоянно чувствовал тяжесть в пищеварительной области, но грижа появилась позднее, под влиянием еще и физического труда: паховая, примерно, в 1906 г., а пупочная еще лет через 20. Носил бандажи.

В 98 году мне предложили уроки физики в местном женском епархиальном училище. Я согласился, а через год ушел совсем из уездного училища. Уроков сначала было мало, но потом я получил еще уроки математики. Приходилось заниматься почти со взрослыми девушками, а это было гораздо легче, тем более, что девочки раньше зреют, чем мальчики. Здесь не преследовали за мои хорошие отметки и не требовали денег.

Однажды одной слабой девице, по ошибке, я поставил пятерку, но не стал ее огорчать и не зачеркивал балл. Спраши-

20 25
Зав урок в другой раз. Отвечает на пять. Заметил, что другие баллы уменьшают силы учащихся и вредны во всех отношениях. В этом училище мне, кажется, было очень хорошо, так как во время урока был особый надзор. Только после 1905 г. он был почти уничтожен, но и тогда я справлялся благополучно.

28
По близости моей квартиры был Загородный сад. Я часто ходил туда думать или отдыхать — и зимой и летом. Однажды встретил там знакомого велосипедиста. Он предложил мне поучиться ездить на велосипеде. Попробовал, но безуспешно — все падар. Тогда я заявил: "нет, никогда я не выучусь кататься на двухколесном". На другой год /в 1902 г./ купил старый велосипед и в 2 дня научился. Было мне 45 лет. Теперь можно отпраздновать 30-летие моей езды на велосипеде. Выучились и все мои дети, даже девушки /кроме старшей/.

Велосипед был для моего здоровья чрезвычайно полезен: улучшил легкие и развил мускулы ног, в особенности икры. Я стал менее задыхаться при восхождении на гору, но ослабился интерес к конькам и водяному спорту.

Благодаря этой машине, я мог каждый день, летом, в хорошую погоду ездить за город в лес. Это облегчило и купанье, так как Ома была далеко. В училище надо было ходить за три версты и это стало нетрудно. По городу же на велосипеде я редко ездил.

Мои средства производства опытов по сопротивлению воздуха были истощены и я обратился к председателю Физ.-Хим. Общества, профессору Петрушевскому. Он очень любезно ответил. Но средства Общества были израсходованы на издание учебника этого профессора. Помогла Академия Наук, выдав около 470 рублей. Огромный отчет об этих опытах с таблица-

*) Давно умершему.

256

- 50 -

ми и чертежами хранится у меня до сих пор. В трудах Академии он не был напечатан отчасти по моему упрямству. Но извлечения из опытов появлялись во многих журналах.

Между тем я продолжал педагогическую деятельность в женском училище. Оно было самым гуманным, благодаря общественному надзору и очень многочисленным. В каждом классе /в двух отделениях/ было около 100 человек. В первых столько же, сколько и в последних. Не было этого ужаса, что я видел в казенном реальном училище: в первом классе - 100, а в пятом - 4 ученика. Училище, как раз подходило к моему калечеству, ибо надзор был превосходный. Сам, по глухоте, я не мог следить за порядком. Больше объяснял, чем спрашивал, а спрашивал стоя. Девиза становилась рядом со мной у левого уха. Голоса молодые, звонкие, и я добросовестно мог вслушиваться и оценивать знание. Впоследствии я устроил себе особую слуховую трубку, но тогда ее не было. Микрофонные приборы выскладывались плохие и я ими не пользовался. Большого значения школьному просвещению я не придавал, но все же оставался кое какой след. Ученицы иногда выходили замуж за собственных учителей. Были споры у супругов по физике и женщины побеждали. Однажды у меня ассистенткой на экзамене была женщина-врач. Слушая ответы учениц, она заметила потом мне: только теперь я начинаю понимать физику. Преподавал я всегда стоя. Делал попытку ставить балл по согласию с отвечающей, но это мне ввести не удалось. Спрашиваешь: "сколько вам поставить?". Самолюбие и стыдливость мешали ей прибавить себе балл, а хотелось бы. Поэтому ответ был такой: "ставьте, сколько заслуживает". Сказывалась полная надежда на снисходительность учителя.

В каждом классе было две, три хороших. Но на меня

никогда не жаловались и не говорили: "он ставит баллы за красоту, а не за знание!" Глядеть на девиц было некогда, да и стыдно было бы оказывать малейшее предпочтение. Я даже прибавлял дурнушкам, чтобы не вызывать ни малейшего подозрения в пристрастии. Опыт показывался раза 2 в месяц, ибо на них не хватало времени. Более других нравились опыты с паром, воздухом и электричеством.

Перед роспуском дети волновались и не учили уроков. Вот тут то часто я забавлял их опытами. Напр., предлагал вынуть серебряный рубль из таза с водой. Многие перепробовали, но никому это не удавалось. Иные же боялись, видя корчи и бессильные товары. Наконец, классная воспитательница захотела отличиться. Однако не отличилась. Разливалась вода, даже били посуду, но вытащить монету никто не мог. Много было смеха и веселья, тем более, что радостно собирались домой /большинство жило при училище на полном пенсионе/.

Физический кабинет был полуразрушен. Мне приходилось, что можно, поправлять. Но я и сам много приборов производил заново. Делал, напр., простые и сложные блоки разных сортов, сухие гальванические элементы и батареи и электродвигатели. Химические опыты тоже производились моим иждивением: добывание газов, сжигание железа в кислороде и проч.

Зажженный водород у меня свистал и дудел на разные голоса. В пятом классе всегда показывал монгольдер. Он летал по классу на ниточке и я давал держать эту ниточку желающим. Большой летающий шар, особенно с легкой куколкой, производил всеобщее оживление и радость. Склеенный мною бумажный шар, весь в ранах и заплатах, служил более 15 лет.

x) Отражение света акриловыми линзами

2608 Комбинировал разные опыты с воздушным насосом.

28 Давление воздуха испытывалось всем классом: я предлагал оторвать колокол /магдебургские полушария были испорчены/ всем желающим и сомневающимся. Класс видел как несколько человек, несмотря на все усилия, не могли оторвать стеклянный колпак от тарелки насоса. Паровая машина была со свистком. Девушки самолично орудовали свистком и это доставляло им большое удовольствие. С этим свистком машины вышел анекдот. Прихожу в учительскую. "Что это был за свист?", спрашивает один из педагогов. Я объясняю. "Нет, это освистали тебя девушки, Сережа, шутит другой учитель".

Был я аккуратен и ходил до звонка. Дело в том, что мне было скучно в учительской, так как слышал звуки, но разговоров не понимал и из 10 слов усваивал не более одного. Вот я и спешил в класс, вызывая насмешки: "соскучился по епархиалкам" и проч. Все же товарищи народ был порядочный. Они не злословили и относились к ученицам довольно добросовестно и гуманно.

Работы мои печатались в журналах, но проходили незамеченными. Только в душе моей они оставляли след и я, благодаря им, стремился все выше и дальше. Около этого времени я писал и печатал свою работу "Аэростат и Аэроплан", ныне переизданную. (Закономерности воздухоплавания).

Учение о реактивном взлете только тогда было замечено, когда начало печататься вторично, в 1911-12 году, в известном, распространенном и богато издающемся столичном журнале /"Вестник воздухоплавания"/. Тогда многие ученые и инженеры /заграницей/ заявили о своем приоритете. Но они не знали о моей первой работе 1903 г. и потому их претензии были потом опровергнуты. Незнание работы 1903 г. о взлете

В 1903 г. награжден орденом.

жете спасла мой приоритет. Подобное было и с Д. Менделеевым и многими другими.

В 14 году, весной, до войны меня пригласили в Ленинград на воздухоплавательный съезд. Взял с собой ящик моделей в 2 м. длины и делал доклад с помощью этих моделей и диапозитивов. Сопровождал меня мой друг - Каннинг. Проф. Жуковский был оппонентом и не одобрял проект. Его ученики продолжают до сего времени тормозить дело. Что же, может быть они и правы. Я сам не поверю, пока не увижу.

Студенты, осматривая мою выставку, говорили, что только по моделям они ясно представили себе новый тип дирижабля. Мои книги же этого им не давали. Вот как трудно усваивается все новое!

Революцию все встретили радостно. Надеялись на конец войны, на свободу.

Я относился, по моим годам, ко всему сдержанно, не придавал значения побрякушкам и ни разу не надевал красных ленточек. Поэтому в одном училище /где я также давал уроки/ вообразили, что я ретроград. Но я им показал книгу, изданную мною при царе, чисто коммунистического направления. В епархиальном училище на меня давно косились, теперь в особенности и называли большевиком. Мое явное сочувствие революции очень не нравилось.

С Октябрьской революцией преобразовали школы, изгнали отметки и экзамены, вводили общий для всех паек и всеобщее право на труд. Одним словом, вводили самые идеальные коммунистические начала. Учреждена была в Москве Социалистическая /названа потом Коммунистической/ Академия. Я заявил ей о себе и послал свою печатную автобиографию. Был избран членом. Но я уже был развалиной, помимо глухоты, и не мог

2200
выполнить желание Академии переехать в Москву. Поэтому че-
рез год должен был оставить Академию. Вышел даже в отстав-
ку и совсем оставил учительскую деятельность. Получил ака-
демический паек, потом помощь от ЦЕКУБУ, затем пенсию, ко-
торую и получаю до сих пор.

Но я не оставил своих работ, напротив, никогда так усердно и много не трудился, как после оставления училищ /в 1920 году/. Таким образом, мой учительский стаж состав-
лял 40 лет. В течение их через мои руки прошло полторы
тысячи учениц, кончивших среднюю школу и около 500 мальчи-
ков, кончивших высшую начальную.

Меня особенно увлекали социалистические работы и на-
тур-философские.

Некоторые из них были напечатаны, большинство же и
сейчас лежит в рукописях.

Основанием моей естественной философии было полное
отречение от рутины и познание вселенной, какое дает со-
временная наука. Наука будущего, конечно, опередит науку
настоящего, но пока и современная наука наиболее почтени-
мый и даже единственный источник философии. Наука, наблю-
дение, опыт и математика были основой моей философии.

Все предвзятые идеи и учения были выброшены из моего
сознания и я начал все снова - с естественных наук и мате-
матики. Единая вселенская наука о веществе или материи бы-
ла базисом моих философских мыслей. Астрономия, разумеет-
ся, играла первенствующую роль, так как давала широкий
кругозор. Не одни земные явления были материалом для выво-
дов, но и космические: все эти бесчисленные солнца и пла-
неты.

Земные явления, несовершенство Земли и человечества,
как результат младенческого их возраста, вводили почти

всех мыслителей в заблуждение /пессимизм/.

При советском правительстве, обеспеченный пенсией, я мог свободнее отдаться своим трудам и, почти незамеченный прежде, я возбуждал теперь внимание к своим работам. Мой дирижабль признан особенно важным изобретением. Для исследования реактивного движения образовались ГИРД'ы и институт. О моих трудах и достижениях появлялось много статей в газетах и журналах. Мое семидесятилетие было отмечено прессой. Через 5 лет мой юбилей даже торжественно отпраздновали в Калуге и Москве. Я награжден был орденом Трудового Красного Знамени и орденом Активиста от Осоавиахима. Пенсия увеличена.

СССР идет усиленно, напряженно по великому пути коммунизма и индустриализации страны и я не могу этому не сочувствовать глубоко.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ МОМЕНТЫ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Прибавляю тут несколько слов о тех моментах моей жизни, которые я считаю наиболее значительными.

1891 г. Возраст 34 года. Первая печатная работа по сопротивлению средн. Новые выводы и опыты относительно значения продолговатости пластины на сопротивление средн.

1892 г. Возраст 35 лет. Первая книга о металлическом дирижабле из волнистого металла. Отрицательный отзыв в специальном журнале. Отзыв сделал председатель УП отдела бывшего императ. технич. общества. Возможно, что этот отзыв и оправдается. И сам я в новое дело не верю, пока не увижу его реализованным.

1895 г. Возраст 38 лет. Первые мечты о завладении солнечной энергии и жизни в эфире. Книга: "Грёзы о Земле и Небе".

2808
Посмеялись над этой книгой в журнале: "Неделя". Теперь вышло 3-ье издание.

1895 г. Возр. 38 лет. Издан в журнале мой "Аэроплан". Дана полная теория аэроплана, расчеты и описание. Все это оправдалось только теперь.

1903 год. Возр. 46 лет. В "Научном обозрении" появилась моя работа: "Исследование мировых пространств реактивными приборами". Впервые дана теория ракеты и ее великое космическое применение. Она была незамечена, благодаря чему сохранился мой приоритет на теорию ракетного движения. Если бы в каком нибудь известном, распространенном и специальном журнале высказали какие нибудь новые и ценные идеи, то сейчас находятся у нас и на Западе люди, которые объявляют, что эти идеи ими высказаны ранее. Так, напр., с Д.И. Менделеевым. Но "Научное Обозрение" было как раз журналом неизвестным и не специальным и потому на работу не обратили внимания. Когда я издал продолжение этой работы в распространенном и специальном журнале, то сейчас во Франции нашелся видный и сильный человек, который заявил, что он это сделал раньше. Тогда же и позже /с 1914 г./ появился ряд стихотворений в честь моих открытий. Привожу некоторые в конце автобиографии.

1913 г. Возр. 56 лет. "Первая модель чистометаллического дирижабля". Так называлась книжка. С этого момента я почти убедился в прктичности моего дирижабля. Опыт убедил меня в том, т.е. постройка жестяной модели. Эти мои модели путешествовали вместе со мной в Ленинград на воздухоплавательный съезд и были решительно отвергнуты проф. Н.Е. Жуковским. Прав ли он - решит время, но возможно, что не годы, а столетия.

1914 г. Возр. 57 лет. "Второе начало термодинамики". Критики этого начала и опровержение его. С этой работы я уверовал в

20 23
вечную юность вселенной. Перспектива тепловой смерти космоса рушилась в моем мозгу. Работа отвергнута еще в рукописи одним почетным академиком. Потом ее же сочли ненаучной специализисты бывшего Леденцовского общества. Теперь у меня накопилось еще много работ в пользу этого отрицания. Притом не я один отрицаю второе начало /см. универс. курс физики Хвольсона/.

1916 г. Возр. 59 л. "Горе и Гений". Первые ясно изложенные мысли об общественном коммунистическом устройстве человечества. В шумихе войны на книжку не обратили внимания, т.е. она не была задержана цензурой.

1919 г. Возр. 62 г. "Кинетическая теория света". Продолжение идей о вечном постоянстве космоса.

1925 г. Возр. 68 л. "Монизм вселенной". Все существующее едино, потому что имеет одно начало - материю. К сожалению, современная наука двойственна /дуалистична/, даже множественна, потому что признает много начал, не связанных между собой. К тому отчасти принуждает математическая формулировка явлений, или так называемые "рабочие" гипотезы. Во всех своих трудах я стараюсь все свести к одному началу: старой ньютоновской механике.

1925 г. 68 л. "Образование солнечных систем". Работа еще не признанная и не проверенная учеными. Образование планетных систем об"ясняется с точки зрения идей Лапласа /сжатие и ускорение вращения/, Дарвина /приливное действие/ и потери Солнцем массы, вследствие его лучеиспускания. Комбинация новая. Выводы ясны. Определен впервые возраст всех планет. Были попытки обратить на нее внимание академий. Сейчас работа послана в иностранные институты наук.

20.05

- 58 -

1932 г. 75 лет. "Стратоплан полуреактивный". Указание на лучшие приемы для победы над стратосферой.

1934 год. Возр. 77 лет. Новые мысли о достижении космических скоростей.

В настоящее время все мои силы сосредоточены для изобретения новых моторов и победы с помощью их высших атмосферных и заатмосферных пространств.

---oo0oo---

Н. Д. Илюмовский.

1061

ЧЕРТЫ ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ.
/Январь 1938 г./.

30

ПРЕДИСЛОВИЕ.

По природе или по характеру я революционер и коммунист. Доказательством тому служит моя работа "Горе и Гений", изданная в 16 году, еще при царе. В ней совершенно определенно и исключительно проповедуется выгода коммуны в широком значении этого слова.

Почему же на меня не вышел активный революционер?

Причины в следующем.

1. Глухота с десяти лет, сделавшая меня слабым и изгоем.
2. Остутствке, вследствие этого, товарищей, друзей и общественных связей.
3. По этой же причине: незнание жизни и материальная беспомощность.

Исход моим реформаторским стремлениям был один: техника, наука, изобретательство и естественная философия. Сначала все это было в области мечтаний, а потом мое новаторство стало вытекать наружу и было причиной, отталкивавшей от меня празловарных несомневающих ученых. Я был выскочка, реформатор и как таковой не признавался. . .

Кто мог согласиться с человеком, который осмеливался колебать самые основы наук. Как можно отрицать Лобачевского, Эйнштейна и их последователей в Германии и России! Однако, у меня были сторонники даже на континенте.

Как можно не согласиться с ходячими теориями образования солнечных систем /Лаплас, Лавуазье, Далин/!

Возможно ли опровергать второе начало термодинамики /Кланзиус, Томсон/!

Кто может сомневаться, что газовый воздушный корабль /дири-

3600
набля/ должен навсегда остаться игрушкой ветров /мнение УИ отд. бывшего импер.техн.общества/!

Можно ли придумать что нибудь безумнее металлического дирижабля /дирижабли хуже аэропланов, а металлический дирижабль никуда не годится: пр.Ватчиники, Жуковский и другие почтенные ученые/!

Как можно отрицать целесообразность всех лабук и орфографий /все филологи шире/!

Что может быть надежнее доказывать возможность атмосферных полетов /все академики и все "серьезные" ученые/!

Можно ли стоять за дирижабли, когда они давно сданы в архив /общее мнение до Ценнелингов/!

И так далее - без конца.)

Моя биография поневоле состоит из мелочей жизни и работ. Последние все поглотили: остальное-пустышка, всем обиходное. Кроме того, в силу ограниченности житейских впечатлений моя биография не может быть такой же красочной, как людей нормальных, без бианческих недостатков.

Существует несколько моих биографий: в журналах, отдельных книжках, или в виде предисловий к моим сочинениям.

Они недурны, но несколько пристрастны - в ту или другую сторону. Видеть в них ошибки можно только сличая их с моей автобиографией. Поэтому, как она ни плоха, а все же она полезный источник для освещения моей жизни и деятельности, с любой точки зрения.

НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ.

В деле прогресса человечества мы редко замечаем влияния наследственности. Все эти Фарадей, Эдиссоны, Форды, Ленины, Грании, Колумбы, Ватты, Стефенсоны, Ньютоны, Лапласы, Франклины и проч. вышли из народа и не имели талантливых предков. Никаких следов наследственности мы тут не видим. Лено, что гений более создается условиями, чем передается от родителей или других предков. Таланты у предков может быть и были, но, очевидно, на весь мир не проявлялись: они выражались мелочно.

К. Ц и о л к о в с к и й .

ЧЕРТЫ ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ.
Январь 1935 г./.

ПРЕДИСЛОВИЕ .

По природе или по характеру я революционер и коммунист. Доказательством тому служат моя работа "Горе и Герои", изданная в 16 году, еще при царе. В ней совершенно опровержено и несомненно проповедуется выгоды коммуны в широком значении этого слова.

Почему же из меня не вышел активный революционер?

Причины в следующем.

1. Глухота с десяти лет, сделавшая меня слабым и нездоровым.
2. Отсутствие вследствие этого, товарищей, друзей и общественных связей.
3. По этой же причине: незнание жизни и материальная беспомощность.

Несомненно реформаторскими стремлениями был один: техника, наука, изобретательство и естественная философия. Сначала все это было в области мечтаний, а потом мое новаторство стало выплывать наружу и было причиной, отталкивавшей от меня правоверных несомневающих ученых. И был выскочка, реформатор и как таковой не признавался.

Моя биография по своему составу состоит из мелочей жизни и работ. Последние все поглотили: остальное — пустяки, всеобщие. Кроме того, в силу ограниченности житейских впечатлений моя биография не может быть такой же красочной, как людей нормальных, без физических недостатков.

3105

- 2 -

Существует несколько моих биографий: в журналах, отдельных книжках, или в виде предисловий к моим сочинениям.

Они недурны, но несколько пристрастны - в ту или другую сторону. Видеть в них ошибки можно только сравнив их с моей автобиографией. Поэтому, как она ни плоха, а все же она полезный источник для освещения моей жизни и деятельности, с любой точки зрения.

Орфографические и лексические
ошибки исправлены

НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ.

В деле прогресса человечество ни редко замечает влияние наследственности. Все эти фарaday, одиссоны, форды, лонины, граммы, колумбы, ватты, стефенсоны, ньютон, лавласи, франклины и проч. вышли из народа и не имели талантливых предков. Никаких следов наследственности им тут не видим. Дано, что гений более создается условиями, чем передается от родителей или других предков. Таланты у предков может быть и были, но, очевидно, на весь мир не проявлялись: они выражались нехочно.

Только в очень редких случаях сказывается явно наследственность дарований. Так Гершель-сын и Дарвин-сын были знамениты, хотя далеко не так, как их отцы. Примеров таких в истории гораздо меньше, чем обратных.

Вывод такой: гений создается неизвестными нам условиями и подходящей средой.

Все же нельзя целиком отрицать и влияния наследственности. Поэтому я прежде всего расскажу то немногое, что я знаю о моих родителях и их роде. В детстве и молодости меня это несколько не интересовало и я ничего о том не узнавал. Потом, еще и глухота тому помещала. Мать имела татарских предков и носила в девичестве татарскую фамилию. Значение наследственности я прежде и не понимал. Как будто у отца была родственная связь с известным Наливайко и род отца даже носил прежде эту фамилию.

1. По семейным преданиям предок Циолковских был известный бунтарь Наливайко. Вот что о нем сказано в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона.

2. Наливайко был казацкий предводителем конца XVI века, борец против польской аристократии, уроженец гор. Острога. Смерть отца, погибшего от произвола владельца местечка Гусятина, оттолкнула Наливайко от шляхты и побудила перейти к казакам. Подняв восстание, он истреблял шляхтичей и жидов. Сначала восстание сосредоточивалось на Волни, потом перешло в Белоруссию. Сначала победа была на его стороне и он писал королю Сигизмунду III, чтобы тот отдал свободные земли казакам между Бугом и Днестром, за что казаки будут помогать Речи Посполитой против ее врагов. Король вместо ответа послал на него войска. В 1596 г. близ Дубен казакам пришлось сдаться. Они выдали Наливайко и других начальников. Наливай

3205

- 4 -

его отправили в Варшаву и отрубили голову. Слухи о том, что его сожгли в медном бике новейшими данными не подтверждается.

Характер отца был близок к холерическому. Он всегда был холоден, сдержан, с моей матерью не ссорился. Во всю жизнь я был свидетелем только одной ссоры его с моей матерью. И то виновата была она. Он не отвечал на ее дерзости, но хотел разойтись с нею. Она вымолила прощение. Это было, примерно, в 66 году. Мне было тогда лет 9. Среди знакомых ^{мне} был умным человеком и оратором, среди чиновников - красным и нетерпимым по своей идеальной честности. Много курил, даже временно ослеп и всю жизнь имел зрение не сильное. Я помню его дальнозорким. При чтении надевал очки. В молодости умеренно выпивал. При мне уже оставил это. Вид имел мрачный. Редко смеялся. Был страшный критикан и спорщик. Ни с кем не соглашался, но, кажется, не горячился. Отличался сильным и тяжелым для окружающих характером. Никого не трогал и не обижал, но все при нем стеснялись. Мы его боялись, хотя он никогда не позволял себе ни язвить, ни ругаться, ни тем более драться. Придерживался польского общества и сочувствовал фактически бунтовщикам-полякам, которые у нас в доме всегда находили приют. Ктонибудь у нас в доме вечно ютился.

Был ли отец знающ? По тому времени его образование было не ниже окружающего общества, хотя, как сын бедняков, он почти не знал языков и читал только польские газеты. В молодости он был атеистом, но под старость иногда с моей сестрой посещал костел. Был, однако, далек от всякого духовенства. В доме я никогда не видел у нас ^{у нас} иезуита или православного духовенства. Особенным польским патриотом

не был. Говорил он всегда по русски и мы не знали польского языка - даже мать. По польски и с поляками говорил редко. Перед смертью /в 1880 г./ увлекался русским евангелием, что было, очевидно, влиянием толстовщины.

Страсть к изобретательству и строительству у него была. Меня еще не было на свете, когда он придумал и устроил молотилку, уви, неудачно! (тарешие братья рассказывали, что он с ними строил модели домов и дворцов. Всякий физический труд он поощрял в нас и, вообще, самостоятельность. Мы почти все делали всегда сами.

Мать была совершенно другого характера: натура сангвиническая, горячка, кохотунья, насмешница и даровитая. В отце преобладал характер, сила воли, в матери же - талантливость. Ее пенне мне очень нравилось. Темперамент отца умерял природную пылкость и легкомыслие матери. В молодости, до женитьбы, отец, как и все, в половом отношении был несдержан, как он сам говорил. Но со времени женитьбы вел строго семейную жизнь. Мать вышла замуж 16 лет и романов до замужества у ней, очевидно, не было. Не было их и после. Отец был старше ее лет на 10. Родители мои очень любили друг друга, но этого не высказывали. Однако, это не мешало им слегка увлекаться, особенно отцу, который нравился женщинам. До измены ни с какой стороны не доходило. У отца, как и у меня, было инстинктивное и отчасти сознательное стремление к воздержанию. Вероятно, и он видел в этом источник умственной силы и энергии. И никогда не видел у нас двухспальной кровати, хотя сначала, может быть, она и была. Напротив, при мне было обратное: отец спал через сени со старшими мальчиками, а мать - с маленькими детьми. Может быть это и способствовало обильному деторождению.

У родителей было пренебрежение к одежде, к наружности и уважение к чистоте и скромности. Особенно у отца. Зимой мы ходили в дешевых полушубках, а летом и дома - в рубашках. Иной одежды, кажется, не было. И даже на учительскую должность ехал в полушубке, прикрытом дешевым балахоном. Исключение было для учащихся в школах. По крайней мере были сюртуки/тогда в школах блуз не носили/.

Отношение к русскому правительству было скрыто враждебное, но, кажется, тут была значительная примесь польского патриотизма. Когда в доме собирались знакомые поляки и либералы, то порядочно доставалось высшему начальству и государственному строю.

И мать и отец все же были склонны к космополитизму: видели человека, но не видели государств, правительств и вероисповеданий.

Отец не сидел в тюрьме, но приходилось иметь дело с гандармерией и иметь много неприятностей с начальством. Из казенных лесничих его скоро выслали. Прослужил он в этой должности, должно быть, лет пять. Был учителем естественных наук в таксаторских классах. И тут пробил лишь год. Потом где-то маленьким чиновником, управляющим домами. Вообще, не повышался, а понижался в своей карьере. Потом губернское начальство представило его к должности лесничего, но министр не утвердил и отец пробил вторично лесничим только несколько месяцев. Опять пришлось терпеть крайнюю нужду.

Отец был здоров: я не помню его болячки. Только после смерти матери у него оказались приливы крови к мозгу /50 лет/ и он всю остальную жизнь носил на голове компресс. Это было, мне кажется, результатом его полового

аскетизма. Жениться он стеснялся, хотя и в эти годы нравился женщинам: в него влюблена была хорошенькая и молодая гувернантка соседей. Лично я считал его некрасивым, но что-то в нем было, нравящееся женщинам. В пище он был очень умерен и никогда не был толстым. Фигура - коренастая, без живота, среднего роста. Дышны не было и следов, но волосы стрижены, седые /был брюнет/, умеренно мускулист. Под конец жизни упал духом /хотя никогда не жаловался/ и никуда не выходил из дома. Помер внезапно, без болезни - мне слышется - от уныния и полового воздержания. Тетка рассказывала: поднялся утром, сел, несколько раз вздохнул и был готов. И тогда только что поступил на учительское место. Отец умер 61 года.

Мать тоже была хорошего здоровья. Никогда не видел ее в постели, никогда не видел прищипа на ее лице. Но она очень мучилась родами. У ней было человек 13 детей. Последний мой брат умер лет 20 тому назад, а последняя сестра лет 15. От нее осталась дочь, моя племянница, и сейчас живая. Еще есть дети от другого брата. Мать была выше среднего роста, шатенка, с правильными, хотя немного татарскими чертами лица. /Тоже нравилась мужчинам, но меньше чем отец. Под конец жизни стала избегать деторождения и умерла 38 лет, как мне кажется, жертвой неудачного аборта. Хотя прямых доказательств последнего у меня нет.

Как же сказались на мне свойства родителей? Я думаю, что получил соединение сильной воли с талантливостью матери. Почему же не сказалось то же у братьев и сестер? А потому, что они были нормальны и счастливы. Меня же унижала все время глухота, бедная жизнь и неудовлетворенность. Она подгоняла мою волю, заставляла работать, искать.

Возможно, что умственные задатки у меня слабее, чем у братьев: я же был моложе всех и потому поневоле должен быть слабее умственно и физически. Только крайнее напряжение сил сделало меня тем, что я есть. Глухота — ужасное несчастье и я никому ее не желаю. Но сам теперь признаю ее великое значение в моей деятельности в связи, конечно, с другими условиями. Глухих множество. Это незначительные люди. Отчего же у меня она сослужила службу? Конечно, причин еще множество: напр., наследственность, удачное сочетание родителей, счастливое оплодотворение яйцеклетки, гнет судьбы. Но всего предвидеть и понять невозможно. Человек выходит не в отца, не в мать, а в одного из своих предков.

РОЖДЕНИЕ /1857 г./

Настроение родителей перед моим рождением было бодрое. Дело было в 57 году, перед освобождением крестьян. Замечалось общее оживление общества /на безарности и рах рыба/. Отец же был поляк-патриот и свободомыслящий. Мать, кажется, относилась равнодушнее к перемене политики. У ней было много семейных забот. Родила часто и сильно мучилась, вследствие обычного тогда несоблюдения гигиены. У ней уже было много ребят, живых же оставалось трое.

4-го сентября 57 года была хорошая, но холодная погода. Мать взяла двух старших моих братьев 6 и 5 лет и пошла с ними прогуляться. Когда вернулась, начались родовые боли и на следующий день появился новый гражданин вселенной, — Константин Циолковский.

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ /57-60 г. Возраст от одного до девяти лет/.

Как сон мне представляется, что великан ведет меня за руку. Мы спускаемся по лестнице в цветник. Я со страхом

поглядывая на великана. Думаю, что это был мой отец.

От 3 до 4 лет. Матери привозят письмо. Умер мой дедушка, ее отец. Мать плачет. Я, глядя на нее, начинаю реветь. Меня шлепают и кладут спать. Дело было днем.

И рассматриваю животных в книге Дарраган. Фигура моржа почену-то меня устрашает и я прячусь от этого под стол.

Смотрю, как пишет отец. Нахожу, что это очень просто и об"являю всем, что писать я умею.

5-6 лет. Не помню кто показывал мне буквы. За изучение каждой буквы от матери я получал копейку.

Изумляла тележка на колесах, потому что от малейшего усилия приходила в движение. Ощущение радостное.

Такое же радостное ощущение я не могу забыть, когда в первый раз увидел много воды в пруде. Занимало также жуужанье вертушки в форточке.

Отец берет меня на руки, пляшет и припекает: тра-та-та. Никогого удовольствия при этом не чувствовал.

Игрушки были недорогие, но я обязательно их ломал, чтобы посмотреть, что было внутри их.

7-8 Семь, восемь лет. Попались сказки Афанасьева. Начал разбирать их, заинтересовался и так выучился бегло читать.

Была корь. Была весна. Чувствовал восторг при вздо-
рвлении.

Маленького меня очень любили - родители и гости. Отец сажал на колена, тряс на них меня и приговаривал: еде пан, пан, пан, а за паном хлоп, хлоп, хлоп, на донике гоп, гоп, гоп. Потом я часто то же повторял со своими детьми.

Прозвища я получал разные: птица, блаженный, девочка.

Однажды стащил медную монету со стола. Оставили без чаю. Долго пладал и приходил в отчаяние.

2508

- 10 -

Кололи с мамой на полу сахар. Я незаметно его кусочки подкладывал под левую рубашку, надеясь при благоприятном моменте унести его и съесть. Благоприятного момента не случилось. Разочарование.

Матери мы не боялись, хотя она иногда и потреплет не больно. Но отец внушал страх, хотя никогда маленьких не бил и не ругал. Никогда даже не горячился и не кричал.

Брат /старше меня на два года/ показывает фокус: открывает рюмочку, в ней шарик. Закрывает рюмочку и опять открывает. Шарик исчезает. Изумление.

Семь, десяти лет. Бабушка умерла. Мать уезжает в деревню на похороны. Мы остаемся одни. Я скучаю, даже тоскую.

Старший брат меня раздражает. Гоняюсь за ним и швыряю камнями. Случился отец. Что такое? - "Попал мне в висок", говорит брат Митя. Выпороли. Дали две розги, но пребольно. Розог этих я боялся, как огня, хотя никогда не получал больше двух, трех ударов. Отец был справедливый и гуманный человек. Как же это примирить с поркой? Время было такое. Отца в какой-то незуитской школе /в Волни/ пороли чуть не каждый день, а случалось и два раза в сутки. Меня же выпороли всего раз пять во всю жизнь - не больше. Разве это не прогресс!...

Выходим со старшим братом на улицу. За что то я рассердился на него и ударил. Услыхал отец. "Что за шум!". Брат объяснил. Повели пороть. Заявил, - что пощусь. Не помогло. Получил две розги.

Негодования не только против матери, но и против отца не осталось ни малейшего. Да и тогда не было. Думаю даже, что эти наказания повлияли на меня благотворительно, как

действие природы: ушиб, горе, несчастье и проч. Случалось пороли и за разбитые стекла. Это приучило меня к осторожности.

Конечно, я не сторонник наказаний, тем более розог, но надо принять во внимание время, когда даже царей пороли. Притом шадуны часто ушибаются, бьют друг друга и даже уродуют себя: не так уж это вредно.

За разбитое стекло оштрафовали меня тетка, сестра матери. Мне очень было любопытно смотреть как лопаются лампочные стекла, если их покажешь слезной. Сначала прощали, а потом обещали порку. Но я опять за свое. Спасла тетка, купившая стекло.

Копали колодезь. Вода не появилась, мы - дети - спускались в колодезь. Очень было любопытно. Навалили гору песку. Зимой образовалась прекрасная гора. Впервые испытал восторг ватанья на санках /самокатом/.

Летом строили палаш. Было приятно вести свое хозяйство. Иногда устраивали и печи. Осенью топили и грелись. Свой камелек.

Ученье шло туго и мучительно, хотя я и был способен. Занималась с нами мать. Отец тоже давал педагогические попытки, но был истериком и портил тем дело. Помню, принесли яблоко, проткнули спицей. Это был земной шар с осью. Рассердился учитель, назвал всех болванами и ушел. Кто-то из нас съел яблоко.

Зададут на маленькой грифельной доске написать страничку, две. Даже топнело от напряжения. За то, когда кончишь это мучение, какое удовольствие чувствуешь от свободы.

Обнажды мать объясняла мне деление целых чисел. Не мог понять и слушал безучастно. Рассердилась мать, отшлепала меня

тут же. Заплакал, но сейчас же понял. Опять из этого не следует, что надо бить детей. Следует искать лучших способов возбуждать внимание.

Читать я страстно любил и читал все, что было и что можно было достать. От чтения Загоскина ^хтрепала лихорадка.

Любил мечтать и даже платил младшему брату, чтобы он слушал мои бредни. Мы были маленькие и мне хотелось, чтобы дома, люди и животные - все было тоже маленькое. Потом я мечтал о физической силе. Я, мысленно, высоко прыгал, взбирался как кошка на шести, по веревкам. Мечтал и о полном отсутствии тяжести.

Любил лазить на заборы, крыши и деревья. Прыгал с забора, чтобы полетать. Любил бегать и играть в мяч, лапту, городки, жмурки и проч.

Запускал змей и отправлял на высоту по нитке коробочку с тараканом.

На дворе у нас во время дождей и осенью была огромная лужа. И вода и лед приводили меня в мечтательное настроение. Пробовали плавать в корите и делать зимой из проволоки коньки. Их я делал, но расшибался на льду так, что искры из глаз сыпались. Наконец, откуда то достали испорченные настоящие коньки. Поправили их. Кататься выучился в один день. Даже с"ездил на них в тот же день за чем то в аптеку.

Запомнилась сцена. Мать стоит на табуретке у окошка и что то делает с рамой. Отец тут же. Мать кричит: "проклятый поляк". Отец молчит. Решили раз"ехаться. Через час мать просит у отца прощения на коленях. Примирились... Вот единственная ссора отца с матерью. Больше я никогда не видел между родителями никаких ссор и ругани. Очень был сдержан

х) Книга Загоскина? Н.с.

отец, мать же - горячка. Но характер у отца был тяжелый. Это мне говорила сама мать. В его присутствии все чувствовали себя неловко - даже мы, дети.

Вот период моего нормального существования до глухоты /10 лет/. Он ничем особенным не отличается от жизни обыкновенных детей. Предыдущим я и хотел это подчеркнуть. Вывод интересный, но, пожалуй, не новый: нельзя угадать, что из человека выйдет.

Мы любим разукрашивать детство великих людей, но едва ли это не искусственно, в силу предвзятого мнения.

Однако бывает и так, что будущие знаменитые люди проявляют свои способности очень рано и их современники предугадывают их великую судьбу. Но в огромном большинстве случаев этого не бывает. Такова истина, подтвержденная бесчисленными историческими примерами. Я, впрочем, лично думаю, что будущее ребенка НИКОГДА не предугадывается. Таланты же у многих проявляются в детстве, не давая впоследствии никаких результатов.

ГЛУХОТА /от 9 до 11 лет, 1866-68 г./.

Теперь уже пойдет биография ненормального человека, полуглухого. Она не может быть яркой, так как не обильна внешними впечатлениями. Также бедность, изолированность и замкнутость этому способствовали.

Лет 10-11, в начале зимы, я катался на салазках. Простудился. Простуда вызвала скарлатину. Заболел, бредил. Думали, уйру, но я выздоровел, только сильно оглох и глухота не проходила. Она очень мучила меня. Я ковырял в ушах, вытягивал пальцем воздух, как насосом и думаю сильно себе этим повредил, потому что однажды показалась из ушей кровь.

Последствия болезни, отсутствие ясных звуковых смущ-

ний, разобщение с людьми, унижение качества - сильно меня отупили. Братья учились, я не мог. Было ли это последствием отупения или временной неосознанности, свойственной моему возрасту и темпераменту, я до сих пор не знаю.

Известно, что и глухие прекрасно учатся: по учебникам, не слушая учителей. Отец рассказывал про себя, что он стал умственно развиваться с 15 лет. Может быть и у меня отчасти оказалась эта наследственная черта позднего развития. У матери ее не было. У некоторых детей развитие начинается с половой зрелости, т.е. после 13-14 лет. Этим тоже можно объяснить мою неосознанность до 14 лет. Все же я помню, еще до глухоты следующее. Мать делала мне и старшему брату диктант. Брат на 2 года был старше меня и делал множество ошибок, я же очень мало. На основании подобных фактов я более склоняюсь к тому, что отупение скорее было от глухоты и болезни, чем от упомянутой наследственности.

ПЕРИОД НЕСОЗНАТЕЛЬНОСТИ /от 11 до 14 лет, 1868-71 г./.

Глухота в дальнейшем делает мою биографию малоинтересной, так как лишает меня общения с людьми, наблюдения и заимствования. Она бедна лицами и столкновениями, она исключительна. Это биография калеки. Я буду давать разговоры и описывать мои трудные сношения с людьми, но они не могут быть ни полными, ни верными. Порой я слушал лучше, и вот эти то моменты, может быть, более запомнились.

Привожу одну черту характера, может быть и слабости. Встретился я в Р. на улице с мальчиком постарше меня и посильнее. Известно, что мальчишки вроде петухов. Сейчас же мы стали в позу, готовы к бою. Случилось так, что в это время проходил мой двоюродный брат, здоровенный малый. "Что с ним сделать, Костя", говорит. "Не тронь его", отвечаю.

У Рязани

Мальчик испарился. Вообще я никогда не замечал в себе чувства истительности. Но мне казалось, что я был немного трусоват. Очень боялся уличных нападений и даже разбойников. Боялся и темноты, в особенности после страшных рассказов тетки. Мать их не рассказывала. Отец считал все это вадором, да и не говорил с нами. И тетка при родителях не говорила своей чепухи. Впрочем, нас приводили в ужас также рассказы о холере, войне и других бедствиях. Конечно, это чисто детская черта: храбрость растет с годами. Не даром же она называется мужеством.

У меня была склонность к лунатизму. Иногда ночью я вставал и долго что нибудь бормотал /без сознания/. Иногда сходил с постели, блуждал по комнатам и прятался где нибудь под диваном. Однажды пришли откуда то ночью родители и не нашли меня в кровати. Я оказался спящим на полу в другой комнате. У брата, Мити, это было еще сильнее.

Еще маленький, после глухоты, в какой то хрестоматии я узнал о расстоянии до Солнца. Очень удивился и всем о том сообщал.

Часто читал книгу "Мир Божий". Там русский народ выставлялся как самый лучший в мире. Странно, что я даже тогда этому не верил.

Играли в домино и карты. Мне это нравилось, теперь же я не могу видеть без отвращения игральные карты, шапек, шахматов и всяких подобных игр.

Благодаря добрым знакомым, отец был определен на какую то маленькую должность по лесному ведомству в город П. Там была прекрасная многоводная река. Летом купались. Тут я выучился плавать. Мы пользовались свободой, ходили куда хотели. Меня удивляет, как я не утонул в этой реке. Однажды это чуть не случилось, хотя и не во время купанья. Было

половодье. Дед шел, потом остановился. День был прекрасный, солнечный. Мне захотелось покататься на льдинах. Они припержи к самому берегу и перейти на них ничего не стоило. Спускаемся с товарищем с горы вниз на берег. Скачем по льдинам. Между льдинами сильно засоренная вода, которую я принял за грязную льдину. В эту воду я и провалился. От холода разинул рот. Ко мне спешит на помощь товарищ, попадает в ту же ледяную ванну и тоже раскрывает рот. Эта маленькая неудача и спасла нас. Лед еще стоял. Мы выкарабкались из воды и побежали домой сушиться. Не будь этого купанья, мы дождались бы движения льда и наверняка, после катанья, утонули бы.

В городе был хороший сад. В нем громадные качели на 10 человек: очень тяжелый ящик на веревках со скамьями. Вздумал я этот ящик покачать. Раскачал, а удержать не мог. Перегнул он меня в дугу, но спинной хребет все же не сломал. Несколько времени я лежал корчась от боли. Думал, умираю. Но все же скоро оправился и пошел с братом домой. Последствий не было. Но ящик сняли, хотя даже я родителям о происшествии ничего не говорил - боялся.

На 13-ом году ^{мне} мы потеряли мать, которой не было и 40-а лет. Дело было так. Однажды за утренним чаем мать говорит мне и младшему брату /умер в юности/: "будете ли вы плакать, если я умру?". Ответом были горькие слезы.

Вскоре после этого мать заболела, прохворала очень недолго и умерла. Перед концом, нас позвали проститься. Мать лежала уже без сознания и слезы текли у ней из глаз. Я утирал их платком и плакал... Но горе детей не бывает глубоким и разрушительным. Через неделю я уже лазил на черемуху и качался с удовольствием на качелях.

Мать, конечно, ничего не предчувствовала, а, вероятно, сделала неудачный аборт.

После матери хозяйство вела младшая сестра матери, которую мы не особенно любили и уважали. Но она все же была очень кротка и никогда нас не обижала: ни криком, ни толчком. Она имела склонность все преувеличивать и даже врать. Ну и преклонение ее перед барством нам не нравилось. За год до смерти матери, родители, и в особенности мать, были поражены неожиданной гибелью 17-ти летнего моего брата. Два моих старших брата учились тогда в Ленинграде и младший из них умер от ^{бессонницы} деловой горячки. Немного он выпивал, но все таки странно. Горе матери было так неопишимо, что нас малышей это более ошорчило, чем самая смерть брата.

Была у нас старинная, но довольно высокая церковь. Наверху ее была башня с балкончиком, как каланча. Может быть она и служила раньше пожарной каланчей. На святую мальчишки лазили на ее колокольню звонить. Увязался и я, но не звонил, а взбирался выше на самый балкончик. Вид оттуда был прекрасный. Я был один. Никто не держал туда лазить. Мне же это доставляло громадное удовольствие: все было под ногами. И то сидел, то стоял, то ходил кругом. Вадумал однажды покачать кирпичную ограду. Не только она, но и вся верхушка закачалась. Я пришел в ужас, представив себе мое падение со страшной высоты. Все жизнь потом мне иногда снилась эта качающаяся башня. Все же я жалел, что ход на башню был потом заделан.

Ни гувернанток, ни бонь, ни нянек, конечно, у нас быть не могло. Близкие сокрушались о моем положении, но сделать ничего не могли: мать умерла, отец поглощен был добыванием средств к жизни, тетка сама была и малограмотна и бессильна

у Петербурга

- 18 -

Этот трехлетний промежуток, по моей неосознанности, был самым грустным, самым темным временем моей жизни. Я старался восстановить его в своей памяти, но ничего сейчас не могу больше вспомнить. Нечем даже помянуть это время. Припоминается только катанье по улицам на коньках, санках и ледяных.

Напряжение п. члена /эрекция/ появилась после 13 лет. Пороков половых никогда не имел. Но половое чувство возникло гораздо ранее - еще с 10-11 лет. Однажды мы играли с детьми соседей. По игре - мне пришлось целовать девочку лет десяти, и я помню, что делал это с таким наслаждением, которого никогда потом не пришлось испытать.

ПРОБЛЕСКИ СОЗНАНИЯ /с 14 до 16, 1871-73 г./.

Еще 11 лет в Р. мне нравилось делать кукольные коньки, домики, санки, часы с гирями и проч. Все это было из бумаги и картона и соединялось сургучем. Наклонность к мастерству и художеству сизалось рано. У старших братьев она была еще сильнее.

К 14-16 годам потребность в строительстве проявилась у меня в явственной форме. Я делал самодвижущиеся коляски и локомотивы. Приводились они в движение спиральной пружиной. Стал я выдергивать из кринолинов, которые покупал на толкучке. Особенно изумлялась тетя и ставила меня в пример братьям. Я также увлекался фокусами и делал столики и коробки, в которых вещи то появлялись, то исчезали.

Увидел однажды токарный станок. Став делать собственный. Сделал и точил на нем дерево, хотя знакомые отца и говорили, что из этого ничего не выйдет. Делал множество разного рода ветряных мельниц. Затем коляску с мельницей,

которая ходила против ветра и по всякому направлению. Тут даже отец был тронут и возмечтал о мне. После этого последовал музыкальный инструмент с одной струной, клавиатурой и коротким смичком, быстро движущимся по струне. Он приводился в движение колесами, а колеса - педалью. Хотел даже сделать большую ветряную коляску для катанья /по образцу модели/ и даже начал, но скоро бросил, поняв малосильность и непостоянство ветра.

Все это были игрушки, производившиеся самостоятельно, независимо от чтения научных и технических книг.

Проблески серьезного умственного сознания проявились при чтении. Лет 14-ти я задумал почитать арифметику, и мне показалось все там совершенно ясным и понятным. С этого времени я понял, что книги вещь не мудреная и вполне мне доступная. И разбирал с любопытством и пониманием несколько отцовских книг по естественным и математическим наукам /отец был некоторое время преподавателем этих наук в таксаторских классах/. И вот меня увлекает астролябия, измерение расстояния до недоступных предметов, снятие планов, определение высот. Я устраиваю высотомер. С помощью астролябии, не выходя из дома, я определяю расстояние до пожарной каланчи. Нахожу 400 аршин. Иду и проверяю. Оказывается - верно. Так я поверил теоретическому знанию.

Чтение физики толкнуло меня на устройство других приборов: автомобиля, движущегося струей пара и бумажного аэростата с водородом, который, понятно, не удался. Далее я составлял проект машины с крыльями.

В конце этого периода припоминаю один случай. У отца был товарищ - изобретатель /образованный лесничий/. Он придумал водяной мотор, не усвоив себе законов гидростатики.

И говорил с ними и тотчас же понял его ошибку, хотя и не мог его разубедить. Верил ему и отец. Потом, в Питере, писали о его "успешном" изобретении в газетах. Отец советовал мне смириться, но я оставался при своем мнении. Это пример проницательности и твердости, который меня и потом радовал.

В сущности ничего необыкновенного и в этой моей по-
ре детства не замечается. Но я пишу, что было. Истина,
хотя бы и не блестящая, всего выше.

В МОСКВЕ /с 16-ти до 19 лет 1873-76 г./

Отец вообразил, что у меня технические способности и меня отправили в Москву. Но что я мог там сделать с своей глухотой! Какие связи завязать! Без знания жизни я был слепой в отношении карьеры и заработка. Я получал из дома 10-15 руб. в месяц. Питался одним черным хлебом, не имел даже картошки и чая. Зато покупал книги, трубки, реторты, ртуть, серную кислоту и проч.

Я помню отлично, что кроме воды и черного хлеба ничего не было. Каждые 3 дня я ходил в булочную и покупал там на 9 коп. хлеба. Таким образом, я проживал 90 коп. в месяц.

Тетка сама навязала мне уйму чулок и прислала в Москву. Я решил, что можно отлично ходить и без чулок /как я ошибся/. Продам их за бесценок и куплю на полученные деньги спирту, цинку, серной кислоты, ртути и проч. Благодаря, главным образом, кислотам я ходил в штанах с желтыми пятнами и дырами. Мальчишки на улице замечали мне: "что это выши что ли из"ели ваши брюки". Ходил я с длинными волосами просто оттого, что некогда было стричь во-

доси. Смешон был должно быть страшно. И был все же счастлив своими идеями и черный хлеб меня нисколько не огорчал. Мне даже в голову не приходило, что я голодал и истощал себя.

Но что-же, собственно, я делал в Москве? Неужели ограничился одними жалкими физическими и химическими опытами!

Я проходил первый год тщательно и систематически курс начальной математики и физики. Часто, читая какую-нибудь теорему, я сам находил доказательство. И это мне более нравилось и было легче, чем проследить объяснение в книге. Только не всегда мне это удавалось. Все же из этого видна была моя склонность к самостоятельному мышлению.

На второй же год занялся высшей математикой. Прочел курс высшей алгебры, дифференциального и интегрального исчисления, аналитическую геометрию, сферическую тригонометрию и проч. Но меня страшно занимали разные вопросы и я старался сейчас же применить приобретенные знания к решению этих вопросов. Так я почти самостоятельно проходил аналитическую механику. Вот, напр., вопросы, которые меня занимали

1. Нельзя ли практически воспользоваться энергией движения Земли. Решение было правильное - отрицательное.
2. Какую форму принимает поверхность жидкости в сосуде, вращающемся вокруг отвесной оси? Ответ верный: поверхность параболоида вращения. А так как телескопические зеркала имеют такую форму, то я мечтал устраивать гигантские телескопы с такими подвижными зеркалами /из ртути/.
3. Нельзя ли устроить поезд вокруг экватора, в котором не было бы тяжести от центробежной силы? Ответ отрицательный: мешает сопротивление воздуха и многое другое.
4. Нельзя ли строить металлические аэростаты, не пропускающие газа и вечно носящиеся в воздухе? Ответ: можно.

460
5. Нельзя ли эксплуатировать в паровых машинах высокого давления мятый пар. Ответ мой: можно.

Конечно, многие вопросы возникали и решались раньше усвоения высшей математики и притом давно были решены другими.

6. Нельзя ли применить центробежную силу к поднятию атмосферы, в небесные пространства? И я придумал такую машину. Она состояла из закрытой камеры или ящика, в котором вибрировали вверх ногами два твердых эластических маятника, с шариками в верхних вибрирующих концах. Они описывали дуги и центробежная сила шаров должна была поднимать кабину и нести ее в небесное пространство. Я был в таком восторге от этого изобретения, что не мог усидеть на месте и пошел развеять душившую меня радость на улицу. Бродил ночью час-два по Москве, размышляя и проверяя свое открытие. Но, увы, еще дорогой я понял, что я заблуждаюсь: будет трясение машины и только. Ни на один грамм ее вес не уменьшится. Однако, недолгий восторг был так силен, что я всю жизнь видел этот прибор во сне: я поднимался на нем с великим очарованием.

Но неужели у меня в Москве не было совсем знакомых? Были случайные знакомые. Так в Публичной Библиотеке /"Чертковской"/ мною заинтересовался кончающий по математическому факультету студент Б. Он раза два был у меня и посоветовал прочесть Шекспира. Шекспир мне очень тогда понравился. Но когда я, уже стариком, вздумал его перечитывать, то бросил, как непроизводительный труд. /То же случилось и с Л. Толстым/.

Другой случайный приятель предложил познакомиться меня с одной девицей. Но до того ли мне было, когда живот был

набит одним черным хлебом, а голова обворожительными мечтами! Все же и при этих условиях я не избежал сверхплатонической любви. Произошло это так. Моя хозяйка стирала на богатый дом известного миллионера Ц. Там она говорила и о мне. Заинтересовалась дочь Ц. Результатом была ее длинная переписка со мной. Наконец, она прекратилась по независящим обстоятельствам. Родители нашли переписку подозрительной, и я получил тогда последнее письмо. Корреспондентку я ни разу не видал, но это не мешало мне влюбиться и недолгое время страдать.

Интересно, что в одном из писем к ней я уверял свой предмет, что я такой великий человек, которого еще не было, да и не будет. Даже моя девица в своем письме смеялась над этим. И теперь мне совестно вспомнить об этих словах. Но какова самоуверенность, какова храбрость, имея в виду те жалкие данные, которые я вставлял в себе! Правда, и тогда я уже думал о завоевании вселенной. Припоминается невольно афоризм: плохой тот солдат, который не надеется быть генералом. Однако, сколько таких надеющихся прошли в жизни бесследно.

Теперь, наоборот, меня мучает мысль: окупил ли я своими трудами тот хлеб, который я ел в течение 75-ти лет? Поэтому я всю жизнь стремился к крестьянскому земледелию, чтобы буквально есть свой хлеб. Осуществлению этого мешало незнание жизни.

Что я читал в Москве и чем увлекался? Прежде всего — точными науками. Всякой неопределенности и "философии" я избегал. На этом основании и сейчас я не признаю ни Эйнштейна, ни Дობачевского, ни Миньковского с их последователями. Трудности мы находим во всех науках, но я не считаю их ту-

манними. И сейчас мой ум многого не может преодолеть, но я понимаю, что это результат недосуга, слабости ума, трудности предмета, а никак не следствие туманности. Я сейчас отверг, напр., Миньковского, назвавшего время четвертым измерением. Назвать то можно, но слово это нам ничего не открывает и не прибавляет к сокровищнице знаний. Я остался сторонником механистических воззрений 19-го столетия и думаю и знаю, что можно об"яснить, напр., спектральные линии /пока только водорода/ без теории Бора, одной ньютоновской механикой. Вообще, я еще не вижу надобности уклоняться от механики Ньютона, за исключением его ошибок. Прав ли я - не знаю. Под точной наукой или, вернее, истинной наукой я подразумевал единую науку о веществе, или о вселенной. Даже математику я причислял и причисляю сюда же. Монизм - единство на всю жизнь осталось моим принципом.

Известный молодой публицист Писарев заставлял меня про- жать от радости и счастья. В нем я видел тогда второе "Я". Уже в зрелом возрасте я смотрел на него иначе и увидел его ошибки. Все же это один из самых уважаемых мною моих учителей. Увлекался я также и другими изданиями Павленкова.

В беллетристике наибольшее впечатление произвел на меня Тургенев и в особенности его "Отцы и дети". На старости и это я потом переоценил и понизил.

В Чертковской библиотеке много читал "Араго" и другие книги по точным наукам.

Кстати, в Чертковской библиотеке я заметил одного служащего с необыкновенно добрым лицом. Никогда я потом не встречал ничего подобного. Видно правда, что лицо есть зеркало души. Когда усталые и бесприютные люди засыпали в библиотеке, то он не обращал на это никакого внимания. Другой

библиотекарь сейчас же сурово будил.

Он же давал мне запрещенные книги. Потом оказалось, что это известный аскет Федоров, — друг Толстого и изумительный философ и скромник. Он раздавал все свое ^{крохотное} жалование беднякам. Теперь я вижу, что он и меня хотел сделать своим пенсионером, но это ему не удалось: я черезчур дичился.

Потом я еще узнал, что он был некоторое время учителем в Б., где служил много позднее и я. Помню благообразного брнета, среднего роста, с лысиной, но довольно прилично одетого. Федоров был незаконный сын какого то вельможи и крепостной. По своей скромности он не хотел печатать свои труды, не смотря на полную к тому возможность и уговоры друзей. Получил образование он в лицее. Однажды

Однажды Л. Толстой сказал ему: я оставил бы во всей этой библиотеке лишь несколько десятков книг, а остальные выбросил. Федоров ответил: видал я много дураков, но такого еще не видал.

ОПЯТЬ В ГОРОДЕ П. /от 19-21 1876-78 г./

Вел с отцом переписку, был счастлив своими мечтами и никогда не жаловался. Все же отец видел, что такая ^{жизнь} должна изнурить меня и привести к гибели. Пригласили меня, под благовидным предлогом, в П.

Дома обрадовались, только изумились моей черноте. Очень просто — я с^{ею} весь свой жир.

В либеральной части общества отец пользовался уважением и имел много знакомых. Благодаря этому я получил частный урок. Я имел успех и меня скоро засыпали этими уроками. Гимназисты распространяли про меня славу, будто я понимаю очень об^{ясню} алгебру. Никогда не торговался и не считал

У товарища по имени

47856 часов. Брал, что давали - от четвертака до рубля за час. Вспоминаю один урок по физике. За него платили щедро - по рублю. Ученик был очень способный. Когда в геометрии дошли до правильных многогранников, я великодушно склеил их все из картона, навязал на одну нитку и с этим крупным ожерельем отправился по городу на урок.

Когда мы в физике дошли до аэро^{стат}нтов, то я склеил из папиросной бумаги аршинный шар и пошел с ним к ученику. Летящий монгольфьер очаровал мальчика.

Только в Ц. я случайно узнал, что я близорук. Сидели мы с младшим братом на берегу реки и смотрели на пароход. Какой пароход - я прочесть не мог, брат же в очках прочел. Взял его очки и тоже прочел. С этих пор я носил очки с вогнутыми стеклами, и до сих пор ношу, но читаю всегда и даже сейчас без очков, хотя книгу приходится теперь удалять. Редко прибегаю к большому двойно-выпуклому стеклу, или к лупе.

Случилось, что оглобли очков оказались длинны. Я перевернул очки вверх ногами и так носил их. Все смеялись, но я пренебрегал насмешками. Вот черта моего позитивизма, независимости и пренебрежения к общественному мнению.

Раньше была некоторая хлищеватость и чем больше назад, тем ее было больше. Так в Москве я ходил зимой в пальто старшего брата, перешитого из теткинго бурнуса. Оно было мне велико и я, чтобы скрыть это, носил его в накидку, не смотря на адский иногда холод. Пальто было из очень прочного врана, хотя без подкладки и воротника. Но и его я скоро лишился: проходил однажды близ Апраксина рынка. Выскакивают молодцы и почти насильно ведут меня в магазин. Соблазнили: дали предрянное пальто, а мое взяли. Прибавил я еще рублей 10.

Также неудачна была моя покупка сапог на Сухаревке. Лишился старых и пришел домой в новых без подметок. Но все это было ранее в Москве.

Возвращаясь к П. И в городе П. я было принялся за станки особого устройства и разныя машин. Даже нанял особую для мастерской квартиру.

Между прочим устроил нечто вроде водяных лыж, с высоким помостом, сложного устройства веслами и центробежным насосом. Переплыл благополучно реку. Думал получить большую скорость, но сделал грубую ошибку: у лыж была тупая корма, и потому большой скорости не получилось.

Простудился и захворал мой брат, на год моложе меня, с которым я был особенно близок с самого детства. Зимы в П. холодные. У брата пропал аппетит, образовались язвы в кишках и он помер.

Товарищи-гимназисты его провожали. И же отказался, говоря, что мертвому ничего не нужно. Этот поступок не был результатом холодности: я очень горевал. Потом я уже понял, что провожает мертвых ради огорченных родных и друзей.

Из публичной библиотеки гор. П. таскал научные книги и журналы. Помню механику Вейсбаха и Брашмана, Ньютоновские "Принципы" и другие. Из журналов за все годы перечитал: Современник, Дело, Отечественные записки. Влияние эти журналы на меня имели громадное. Так, читая статью против табаку, я всю жизнь не курил. К латинской кухне также возникло сомнение. Всю жизнь я болел, но не помню, чтобы лечился. Уже позже я понял великое будущее медицины. Гигиенические статьи производили глубокое впечатление. Отвращение к орфографии всех стран возникло тоже от чтения. Тогда же я был /из книг, очень напуган половыми болезнями, что очеь способствовало моему целомудрию. Все же трудно было бы удержаться от со-

блავна, если бы не мое увлечение науками и планами великих достижений. Так, знакомый однажды повел меня в одно влачное место. Но было холодно, я прозяб в моем пальтишке на рыбьем меху и вернулся домой. Уроками я зарабатывал много и не в деньгах было препятствие: как то и судьба мне помогала, а может быть и глухота.

Но все же я был страстен и постоянно влюблялся. В П. был один случай сверхнормального чувства. Я полюбил семилетнюю девочку наших знакомых. Я мечтал о ней, мечтал даже о доме, где она жила и с радостью проходил мимо этого дома. Более чистой любви трудно себе что-нибудь представить.

Однако, возраст давал себе знать. У меня бывали сильные головные боли, как результат воздержности. Исканий /полющий/ не было до 20 лет: вся половая сила шла на развитие мозга. Кажется других привязанностей в П. не было.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В Р. /1878-79 г. Возраст от 21 до 22 лет/.

Отец стал прихваривать. Смерть его жены, детей, жизненные неудачи много этому способствовали. Отец вышел в отставку с маленькой пенсией и все мы решили переселиться в Р., на родину. Ехали весной на пароходе до самого места. С нами была и та девочка. По приезде в Р. она должна была отправиться к ее родителям. Я захотел с ней проститься. Она, маленькая, вскочила на стол, чтобы я мог ее поцеловать. Это был единственный поцелуй, который мне от нее достался. Больше я с ней никогда не виделся.

В Р. я побывал в местах, где прежде жил. Все показалось очень маленьким, жалким, загрязненным. Знакомые - приземистыми и сильно постаревшими. Сады, дворы и дома уже не казались такими интересными, как прежде: обычное разочарование от старых мест.

48
Я еще не был учителем /76 г./, когда меня притянули к исполнению недавно введенной воинской повинности /в 71 г./.

Я отрицательно и с негодованием относился к империалистической войне, но понимал, что против рока трудно пойти. Никто не догадался меня проводить в воинское присутствие. Благодаря глухоте получился неизбежный ряд комических сцен.

Раздели до гола, кто-то держал рубашку. Грудь не вышла. Заявил о глухоте: "воздух продувается сквозь барабанные перепонки". Послушал доктор, как шумит в ухе воздух от продувания.

Не помню хорошо, освободили меня сразу, или отложили на год. Помню только, что губернатор остался недоволен приемной комиссией и захотел всех освобожденных переосвидетельствовать.

Он спросил меня: "чем занимаетесь?". Мой ответ, "математикой", возбудил ироническое пожимание плеч. Все же мою негодность подтвердил. Помню около этого времени я делал опыты с цыплятами. На центробежной машине я усиливал их вес в 5 раз. Ни малейшего вреда они не получили. Такие же *опыты* еще ранее в П. я производил и с насекомыми. Подвергал и себя экспериментам: по несколько дней ничего не ел и не пил. Лишение воды мог выдержать только в течение двух дней. По истечении их я на несколько минут потерял зрение.

На следующий год я сдавал экзамен на учителя, так как Рязани не имел уроков и жил оставшимся скудным запасом денег. В это время я занимал комнату у служащего Шапкина. Это был ранее сосланный в сибирь поляк, теперь освобожденный.

На экзамен я боялся опоздать. Спрашивая сторожа: "экзаменуют?". Насмешливый ответ: "только вас дожидаются".

Первый устный экзамен был по закону божьему. Растерялся и не мог выговорить ни одного слова. Увели и посадили в сто-

4508

- 30 -

роние на диванчик. Через 5 минут очухался и отвечал без запинки. Далее со мной уже этой растерянности не было. Главное - глухота меня стесняла. Совестно было отвечать не впопад и переспрашивать - тоже. Письменный экзамен был в комнате директора и в его единоличном присутствии. Через несколько минут я написал сочинение, ввернув доказательства совершенно новые. Подал директору. Его вопрос: "это черновая"? "Нет, беловая", отвечаю.

Хорошо, что попался милостивый молодой экзаменатор. Он понял меня и поставил хороший бал, не сделав ни одного замечания. Ответов их я не видал. Знаю только, что меньше 4 получать на экзамене было нельзя. Так сошли и другие экзамены.

Пробный урок давался в перемену, без учеников. Выслушивал один математики.

На устном экзамене один из учителей ковырял в носу. Другой, экзаменуемый по русской словесности, все время что-то писал и это не мешало ему выслушивать мои ответы.

Отец был очень доволен. Решили помочь мне в снаряжении на предполагаемое место. На экзамене я был в серой заплятанной блузе. Пальто и проч. - все это было в жалком состоянии, а денег почти не оставалось. Сшили виц-мундир, брюки и жилет, всего за 25 рублей. Кстати сказать, что все сорок лет моего последующего учительства я больше мундира не шил. Козарды и орденов никогда не носил. Ходил в чем придется. Крахмаленных воротничков не употреблял. Сшили и дешевое пальто за 7 рублей. Пришили к шапке наушники и все было готово. Истраченное я потом возвратил отцу, который за это немного обиделся:

Был у меня еще коротенький полушубок /куплен за 2 рубля/. Под холодное пальто без ватк он очень пригодился

зимой: тепло и прилично.

Однако, несмотря на прошение, назначен был на место учителя только месяца через четыре.

Этот промежуток ожидания я провел в деревне у помещика М., Занимался с его малыми детьми. Учил их грамоте. Мальчик спрашивает: "зачем ставится в конце слов ер /ё/". "Это, отвечаю, по глупости". Также я раскритиковал и всю грамматику. Когда ребенок встречал ер, то сначала становился втупик, а потом замечал: "знаю - это по глупости".

До меня у этого помещика жил какой то беспривычный чудак. Пре него рассказывали, что он зимой, через сажинке рами, со двора, всячески ругал хозяина, чем очень потешал собравшуюся публику. Помещик об этом не знал и ничего не слышал.

Педагогика была для меня забавой. Главным же образом я погружался в закони тяготения тех разной формы и изучал разного рода движения, которые вызывали относительную тяжесть. Лет через 30, я послал остатки этих вычислений и чертёж известному Перельману, как исторический документ. Он недавно упоминал о нем в своей книге о мне /32-го года/.

Каждый день я гулял довольно далеко от дома и мечтал об этих своих работах и о дирижабле. Меня предупреждали, что тут много водков, указывали на следы и даже на перья растерзанных кур. Но мне как то не приходила мысль об опасности и я продолжал свои прогулки.

Вздумал я тут же заниматься с одной крестьянской девушкой. Заметил, что увлекаюсь - бросил. Какой то инстинкт отталкивал меня от женщины, хотя я был очень слаб к ним. Может быть это было результатом крайне страстного увлечения идеями, которое пересиливало животные стремления. Тут, в деревне,

4608

- 32 -

лет двадцати, у меня начались излияния /полюции/. Напуганный книгами, я решил жениться. Благожелатели предлагали мне женщину. Но я считал для нее это оскорблением. Боялся последствий /полюций/ и не хотел подавать дурного примера. В простых людях, привыкших к барской разнузданности, это возбуждало сочувствие и мне это было приятно.

В БОРОВСКЕ УЧИТЕЛЕМ /1880-92 г. 23-35 лет/.

Наконец, после рождества /1880 г./ я получил известие о назначении меня на должность учителя арифметики и геометрии в Б-ое уездное училище.

Надел свои наусики, полумухом, пальто, валенки и отправился в путь.

В городе Б. остановился в номерах. Потом стал искать квартиру. Город был раскольнический. Пускали неохотно щепотников и табашников, хотя я не был ни тем, ни другим.

Дома стояли пустые и все же не пускали.

В одном месте нанял огромный пустой бельэтаж. Взял в нем одну комнату и в первую же ночь страшно угорел.

Бельэтаж отдали под свадьбу, меня же переселили в темную каморку, что мне не понравилось. Стал искать другую квартиру. По указанию жителей, попал на хлеба к одному вдовцу с дочерью, жившему на окраине города, по близости реки. Дали две комнаты и стол из супа и каши. Был доволен и жил тут долго. Хозяин - человек прекрасный, но жестоко выпивал.

Часто беседовал за чаем, обедом или ужином с его дочерью. Поражен был ее пониманием евангелия. Она соглашалась со мной, что галилейский плотник был человеком не обыкновенного ума и что звали его все люди хозяином, а не богом.

1) Боровск.

Пора была жениться и я женился на ней без любви, ⁴⁷надеясь, что такая жена не будет мною вертеть, будет работать и не мешает мне делать то же. Эта надежда вполне оправдалась. Такая подруга не могла истощить и мои силы: во первых, не привлекала меня, во вторых, и сама была равнодушна и бесстрастна. У меня был врожденный аскетизм и я ему всячески помогал. С женой мы всегда и всю жизнь спали в отдельных комнатах, иногда и через сени. Так я и она до глубокой старости сохранили силы и способность к умственной деятельности. Она ~~и сейчас~~ /77 лет/ много читает.

Хорошо ли это было: брачная жизнь без любви? Довольно ли в браке одного уважения?

Кто отдал себя внешним целям, для того это хорошо. Но он жертвует своим счастьем и даже счастьем семьи. Последнего я тогда не понимал. Но потом это обнаружилось. От таких браков дети не бывают здоровы, удачны и радостны и я всю жизнь сокрушаюсь о трагической судьбе детей. Помимо этого, брак без страсти - не устойчив. Жена еще удовлетворяется детьми и кое как сохраняет равновесие. Муж же не может так поглотиться семьей. Неудовлетворенное сердце вечно тянет в сторону. Жалость к детям и к невинной жене все же некоторых удерживает от губительного для них разрыва. То же было и со мной. Имейте это в виду, молодые люди! Академический брак едва ли сделает вас великими, а несчастными сделает, наверно.

Венчаться мы ходили за 4 версты, пешком, не наряжались, в церковь никого не пускали. Вернулись - и никто о нашем браке ничего не знал.

До брака и после него я не знал ни одной женщины, кроме жены.

Мне совестно интимничать, но не могу же я лгать.. Говорю про дурное и хорошее.

Браку я придавал только практическое значение: уже давно, чуть не с 16 лет, разорвал теоретически со всеми нелепостями вероисповеданий.

В день венчания купил у соседа токарный станок и резак стекла для электрических машин. Все же про свадьбу как то пронохали музыканты. Насилу их выпроводили. Напились только венчавший поп. И то угрожал его не я, а хозяин.

Я очень увлекался натуральной философией. Доказывал товарищам, что Христос был только добрый и умный человек, иначе он не говорил бы такие вещи: "понимающий меня может делать то же, что я и даже больше". Главное, не его закли- нания, лчение и "чудеса", а его философия.

Донесли в Калугу директору. Директор вызывает к себе для об"яснений. Занял деньги, поехал. Начальник оказался на даче. Отправились на дачу. Вышел добродушный старичек и попросил меня подождать, пока он выкупается. "Возница не хочет ждать", сказал я. Опирился директор и произвел такой между нами диалог.

- Вы меня вызываете, а средств на поездку у меня нет...

- Куда же вы деваете свое жалованье?

- И большую часть его трачу на физические и химические приборы, покупаю книги, делаю опыты...

- Ничего этого вам не нужно... Правда ли, что вы при свидетелях говорили про Христа то-то и то-то?

- Правда, но ведь, это есть в евангелии Ивана.

- Вздор, такого текста нет и быть не может!!

- Имеете ли вы состояние?

- Ничего не имею.

- Как же вы - нищий, решаетесь говорить такие вещи!..

Я должен был обещать не повторять моих "ошибок" и только благодаря этому остался на месте... чтобы работать. Выхода другого, по моему незнанию жизни, никакого другого не было. Это незнание прошло через всю мою жизнь и заставляло меня делать не то, что я хотел, много терпеть и унижаться. Итак, я возвратился целым к своим физическим занятиям и к серьезным математическим работам. У меня сверкали электрические молнии, гремели громы, звонили колокольчики, плясали бумажные куколки, пробивались молнией дыры, загорались огни, вертелись колеса, блистали иллюминации и светились вензеля. Толпа одновременно поразалась громовым ударам. Между прочим, я предлагал желябцам попробовать ложкой невидимого варенья. Соблазнившиеся угощением получали электрический удар. Любовались и дивились на электрического осинного, который хватал всякого своими ногами за нос или за пальцы. Волосы становились дыбом и высклакивали искры из всякой части тела. Кошки и насекомые также не избегали моих экспериментов.

Надувался водородом резиновый мешок и тщательно уравнивался посредством бумажной лодочки с песком. Как живой, он бродил из комнаты в комнату, следуя воздушным течениям, поднимаясь и опускаясь.

В училище товарищи называли меня Желябкой /1882 г./ и подозревали, чего не было. Но я бронировал себя ходением по царским дням в собор и говением через каждые 4 года.

В то же время я разработал совершенно самостоятельно теорию газов. У меня был университетский курс физики Петрушевского, но так была только намек на кинетическую теорию газов и вся она рекомендовалась, как сомнительная гипотеза.

Послал работу в столичное "Физико-хим. Общество". Единственно был избран его членом. Но я не поблагодарил и ничего на это не ответил /наивная дикость и неопитность/.

Домал голову над источниками солнечной энергии и пришел самостоятельно к выводам Гельмгольца. О радиоактивности элементов тогда не было ни слуху, ни духу. Потом эти работы были напечатаны в разных журналах.

Река была близко, но на плоскодонке плавать было противно, а иных лодок у нас не было.

Придумал особую быстроходную. Катался на ней с женой, которая сидела у руля и правила. Знакомый столяр, даже выиграл через нее пари у богатого кузца, который говорил, что я лодку сделать не сумею. Но когда я проехал на ней мимо его окон, то пришлось заплатить проигрыш. Потом я делал такие же лодки на 15 человек. Нашлись и подрыватели.

С помощью своей лодки забрасывал верши и ловил так рыбу. Увлеченный этим и ранней весной схватил тиф.

Моя лодка была поверхностью вращения, которая в продольном сечении имела синусоидную кривую. Доски плотно смыкались проникающей их проволокой. Много катался и с парусом. Наозвжали на подводные острые сваи /остатки старых мостов/, но ни разу не опрокидывались. Все же она была очень валкая, особенно первая - маленькая. Вот трагикомическое происшествие. Тесть нарядился и собрался в гости. Надо было перевести его на другой берег. Предупреждал, чтобы не хватался за борты лодки. Лодка зачалась, он испугался, схватился за края и сейчас же кувырнулся в воду. И стою на берегу, помираю со смеху, а он барахтается в холодной весенней воде в своем наряде, и во всю мочь ругается. Видев и не проступился. Такое же горе было и с другими. Лодку называли душе-

губкой. Большие лодки не были валки...

В теплую погоду ребята витаскивали кол и катали на ней друг друга. Приходишь к берегу - нет лодки, а лежит такая то черная рыба, высунув спину. Эта была моя перевернутая "душегубка", не загубившая впрочем ни одной души.

Зимой с знакомыми катался по реке на коньках. Был такой случай. Вода только что замерзла и лед был тонкий. Поехали на коньках втроем. Я впереди. Говорю товарищам: "первый провалюсь я, а вы катитесь тогда назад". Лед под мной затрещал, показалась вода. Я скорей повалился и лежал пополам назад. Так спасся. Что это, отважность или безумие? Я думаю, что и то и другое.

Приятель усакажи в деревню за помощью, но я вынарабился без нее.

Сколько раз в бурю /с зонтом/ я мчался по льду силой ветра! Это было восхитительно.

Всегда я что нибудь затевал. По близости была река. Вздумал я сделать сани с колесом. Все сидели и качали рычаги. Сани должны были мчаться по льду. Все было закончено, но испытание машины почему то не состоялось. Я усумнился в целесообразности ее конструкции.

Потом я заменил это сооружение особым парусным креслом. По реке ездили крестьяне. Лошади пугались мчащегося паруса, проезжие ругались матерным глазом. Но, по глухоте, я долго об этом не догадывался. Потом уж, завидя лошадь, заранее поспешно снимал паруса.

Катался на коньках, пока был чистый лед. Попадал и в прорубь. Однажды при этом сильно замочился, а мороз был трескучий. С пальто тепло и образовалось множество сосулек. Шел по улице, а сосульки, ударяясь друг о друга, звонили,

как холодокольники. Ничего — проходило безнаказанно.

Реку любил. Каждый день в хорошую погоду ездил с женой кататься; жена правила рулем, я работал веслами. Потом пошли дети и я ездил уже один, или /редко/, с кемнибудь из энж омич. Осенью вода очищается от водорослей, которые падают на дно и вода становится очень прозрачной. Видны все камешки, песок, растения и водное население. Бывало, плывешь по течению и рассматриваешь все это с большим удовольствием.

По берегам, в недоступных местах, по обрывам росла ежевика. Местность была красивая, летом река запружена, и катанье на протяжении 3-5 верст восхитительное.

Педагогический персонал был далеко не идеальный. Жалованье было маленькое, город прижимистый и уроки добивались /не совсем чистой/ хитростью: выставлялась двойка за четверть или наущничали богатеньким родителям о непонятливости ученика.

Я никого не угощал, не праздновал, сам никуда не ходил и мне моего жалованья хватало. Одевались мы просто, в сущности очень бедно, но в зарплатах не ходили и никогда не голодали.

Другое дело, мои товарищи. Это большей частью семинаристы, кончившие курс и выдержавшие, кроме того, особый экзамен на учителя. Им не хотелось поступать в попн. Они привлекли к лучшей жизни, к гостям, праздникам, суете и выпивке. Им не хватало жалованья. Брали взятки, продавали учительские дипломы сельским учителям. Я ничего не знал по своей глухоте и никакого участия в этих скромных вакханалиях не принимал. Но все же по мере возможности препятствовал нечестным поступкам. Мечта товарищей — сбить меня с рук, что и совершилось со временем.

Сам я всегда отказывался от уроков с учениками, а другие редко попадались.

Товарищи - студенты университета были приличней.

Возвращаясь назад. По приезду в Б. мне нужно было побывать у смотрителя моего училища. Он мне очень понравился, а семья его в особенности. Смотритель через несколько месяцев внезапно помер, а мои связи с семьей остались и даже укрепились. Семья состояла из двух молодых девушек и трех молодых людей. Один был уже учителем в приходской школе.

Я сначала влюбился в младшую девушку, но ее вскоре перевели учительницей в женскую учительскую семинарию. Тогда я влюбился в другую.

Это была чудесная семья. По субботам у меня мало было уроков и я рано, прямо из училища, заходил к Т.

Помню один момент, который не могу и теперь забыть. Было холодно, я прозяб и, по обыкновению, в субботу зашел к Т. Никого не было дома, кроме девушки. Она пожалела меня и предложила погреться на лежанке, которая была в ее комнате. Через пять минут я обогрелся, но обаяние близости молодого существа осталось до сих пор. Видно, предвкушение любви не слабее ее продолжения.

Чем все это кончалось и была ли взаимность во всех моих лрбвях? Я не могу этого сказать, потому что никогда не объяснялся в своих чувствах. И как было это сделать, раз на моей ответственности была семья! Ни к чему бы это не повело при моем бессилии и незнании жизни.

Девушка скоро ослепла и уехала в Москву лечиться, где и умерла. Семья Т. также рассеялась и никого из них уже не было в Б. Разлука с друзьями угнетала меня до первого

5008

- 40 -

расстройств. Оно выражалось в непонятном страхе даже днем, при солнечном свете.

Не смотря на глухоту, мне нравилось учительство. Большую часть времени мы отдавали решению задач. Это лучше возбуждало мозги и самостоятельность и не так было для детей скучно.

С учениками старшего класса летом катались на моей большой лодке, купались и практиковались в геометрии.

Я своими руками сделал две жестяных астролябии и другие приборы. С ними мы и ездили. Я показывал, как снимать планы, определять величину и форму недоступных предметов и местностей, и обратно, по плану местности, восстанавливать ее в натуре в любом пустом поле. Впрочем больше было веселости и шалостей, чем дела.

Через Т. я познакомился с другим домом. Тут я давал урок одной девице. В этой семье я встретил очень молодую замужнюю женщину, в которую, после отъезда Т., я влюбился без ума. Ее семья заменила мне семью Т. Разумеется и она никогда не узнала о моих чувствах. Я только раз ее поцеловал под предлогом христосования.

- Можно с вами похристосоваться?

- Можно...

Я едва коснулся ее губ.

- Что же вы не сказали: "воистину воскрес", заметил муж.

Как же ко всем этим невинным романам относилась жена? Она была занята хозяйством и детьми и потому я путешествовал по знакомым оди. Сначала я рассказывал ей о своих наивных приключениях и она даже не морщилась. Но потом она стала оскорбляться ими - и я уже ничего ей после этого не

передавал. Зачем возбуждать ревность! Это такое мучительное чувство! Я инстинктивно поступал хорошо. Она была спокойна и мы жили мирно. Я иногда помогал ей по хозяйству, даже шил ей рубашки на машине. Теперь уже забыл про это, но она недавно мне напомнила.

Были и маленькие семейные сценки и ссоры, но я признавал себя ВСЕГДА виновным и просил прощения. Так мир восстанавливался. Преобладали все же работы: и писал, вычислял, паял, стругал, плавил и проч. Делал хорошие поршневые воздушные насосы, паровые машины и разные опиты. Приходил гость и просил показать паровую машину. Я соглашался, но только предлагал гостю наколоть лучины для отопления паровика.

Я любил полутить. У меня же был большой воздушный насос, который отлично воспроизводил неприличные звуки. Через перегородку земли джозефа и слышали эти звуки. Жаловались жене: "только что соберется хорошая компания, а он начнет орудовать своей поганой машиной"...

Летом я еще нашел другую забаву для учеников. Сделал огромный шар из бумаги. Спирту не было. Поэтому внизу шара была сетка из тонкой проволоки, на которую я клал несколько горящих лучинок. Монгольфьер, имеющий иногда причудливую форму, поднимался несколько позволяла привязанная к нему нитка. Но однажды нитка нечаянно внизу перегорела и шар мой улетел в город, роняя искры и горящую лучину. Попал на крышу и сапожнику. Сапожник заарестовал шар. Хотел привлечь меня к ответственности. Потом смотритель моего училища рассказывал, что я пустил шар, который упал на дом и со страшной силой разорвался. Так из мухи делают слона.

Потом уже я свой монгольфьер только подогревал, огонь же устранил и он летел без огня. Поэтому скоро опускался.

5105

- 42 -

Ребята гнались за ним и приносили обратно, чтобы снова пустить на воздух.

32-33-х лет я увлекся опытами по сопротивлению воздуха. Потом занялся вычислением и нашел, что закон Ньютона о давлении ветра на наклонную пластинку не верен. Пришел и к другим, менее известным тогда выводам. Помню, на рождественские праздники, сидел непрерывно за этой работой недели две. Наконец, страшно закружилась голова и я скорей побежал кататься на коньках.

Написанная рукопись и сейчас у меня цела. Потом часть ее была издана в журнале при помощи профессора А.Г. Столетова.

Хотати сказать, у меня до сих пор сохранился учебник аналитической геометрии Брио и Бузе, купленный мною в Москве еще в юности. Кажется, сохранились и другие книги этого времени.

С самого приезда в В. я занимался усердно теорией дирижабля. Работал и на каникулярных уроках. Праздников у меня не было. Как и теперь - пока здоров и не оставил сил - я работаю.

Еще в 87 году я познакомился с Голубицким. У него гостила известная Ковалевская /женщина-профессор в Швеции/, давно умершая. Он приехал в В., чтобы взять меня к Ковалевской, которая желала со мной познакомиться. Мое убеждение и происходящая от того дикость помешала мне в этом. Я не поехал. Может быть это и лучшему.

Голубицкий предложил мне съездить к Столетову /известный ученый/ и сделать в обществе доклад о своем дирижабле. Поехал, плутал по городу, наконец, приехал к профессору. Оттуда поехали делать сообщение в Политехнический Музей. Читать

рукопись не пришлось. Я только кратко об"яснил сущность. Никто не возражал. Делал доклад и д-р Репман. На черной доске он что то напутал и я с изумлением рассматривал его чертеж на доске. Слышу громкий голос Михельсона /будущего профессора/: "полюбуйтесь - у вас положительное электричество соединяется с положительным". Я поспешил отойти от черной доски.

Хотели меня устроить в Москве, но не устроили.

В Б. я жил на окраине и меня постигло наводнение. Поднялись половицы в доме, посуда плавала. Мы сделали мости из стульев и кроватей и по ним передвигались. Длинны звенели о железные болты и ставни. Додки под"езжали к окнам, но спасаться мы не захотели.

В другой раз более серьезно претерпели от пожара. Все было растаскано или сгорело. Загорелось у соседей от склада неостывшего угля...

Однажды я поздно возвращался от знакомого. Это было накануне солнечного затмения, в 87 г. На улице был колодезь. У него что то блестело. Подхожу и вижу в первый раз ярко светящиеся большие гнилушки. Набрал их полный подод и пошел домой. Раздробил гнилушки на кусочки и разбросал их по комнате. В темноте было впечатление звездного неба. Позвал кого можно и все любовались. Утром должно быть затмение. Оно и было, но случился дождь. Ни у зонтик, чтобы выйти на улицу. Зонта нет. Потом уж вспомнил, что зонт оставил у колодца. Так и пропал мой новенький, только что купленный зонтик. За это получил гнилушки и звездное небо.

Если я не читал и не писал, то ходил. Всегда был на ногах.

Когда же не был занят, особенно во время прогулок, всегда пел. И пел не песни, а как птица, без слов. Слова

5205

- 44 -

бы дали понятие о моих мыслях, а я этого не хотел. Не и утром и ночью. Это было отдыхом для ума. Мотивы зависели от настроения. Настроение же вызывалось чувствами, впечатлениями, природой и часто чтением. И сейчас я почти каждый день по утрам и перед сном, хотя уже и голос охрип и мелодии стали однообразней. Ни для кого я этого не делал и никто меня не слышал. И это делал сам для себя. Это была какая то потребность. Неясные мысли и ощущения вызвали звуки. Помнится, невзвешенное настроение появилось у меня с 19 лет.

В Москве мне пришлось познакомиться с известным педагогом Малининым. Его учебник я считал превосходным и очень ему обязан. Говорил с ним о дирижабле. Но он сказал: "Вот такой то математик доказал, что аэростат не может бороться с ветром". Возражать было бесполезно, так как авторитет мой был незначителен. Вскоре умер и он и Столетов.

В КАЛУГЕ /1892-1934 г. 35-77 лет./.

Тут я сошелся с семьей А., а потом К.

Семья А. была видная в городе. А. помог мне связаться с Нижегородским /ныне Горьковским/ кружком любителей физики, председателем которого был, недавно умерший в Калуге С.В. Щербаков. Сначала с помощью кружка, а потом самостоятельно я стал печатать свои работы о Солнце, о летательных приборах и другие в журналах: "Наука и Жизнь", "Научное Обозрение", "Вестник опытной физики", "Вокруг света" и проч. Теоретические работы профессоров дали очень большее сопротивление даже для самых лучших форм. Некая это опровергнуть, я производил много опытов по сопротивлению воздуха и воды. Приборы устраивал сам - сначала маленькие,

Ночью я его выпускал с фонарем. Тогда с местного буль-
вара видели звезду и спорили: что это — Венера или чужая
учитель пускает свою птицу с огнем? Включил даже об заклад.
Я уже тогда был не совсем здоров /нервное расстройство, кото-
рое отразилось на моих детях/ и совсем разучился читать.

Ночью я его выпускал с фонарем. Тогда с местного буль-
вара видели звезду и спорили: что это — Венера или чужая
учитель пускает свою птицу с огнем? Включил даже об заклад.
Я уже тогда был не совсем здоров /нервное расстройство, кото-
рое отразилось на моих детях/ и совсем разучился читать.

15205

Но эта болезнь заставила меня двигаться и я заметил, что поправился и вновь приобрел эту детскую способность. Мне в то время было около 30 лет.

потом большие, которые занимали почти всю залу в моей квартире. Бывало, запрещаю на крышек, чтобы не отрывали и не нарушали правильности воздушных течений. Стучится писмоносец, а открыть дверь нельзя до окончания наблюдения. Писмоносец слышит мерный звон метронома и счет 15, 14, 15, 15, 14 и т.д. Наконец, отворяют дверь ворчащему писмоносоцу. Одна родственница, увидавши в квартире чудовище /аппарат/, сказала моей жене: "когда он уберет этого чорта?". Некий батюшка заметил, что загрохотан святой угол.

Тела разной формы клеились из толстой рисовальной бумаги. Но нужны были иногда для этого тяжелые деревянные болванки. Их приготовлял для меня преподаватель железнодорожного училища, инж. Д. Никогда не забуду этой бескорыстной услуги! Он помер, а сын сейчас в Ленинграде. Мы переписывались и я вторично благодарил его за отца. Впрочем и отец ушел из училища и работал при Академии.

Еще в Б. был сделан заказ в Московскую типографию об издании моего "Аэростата". Половину денег paid я, остальные - знакомые. Вел дело Ч./умерший теперь/. В его руках были изданные книги, а я материально ничем не воспользовался. Впрочем, книги плохо пролазались и едва ли компаньоны получили барыши. Тем не менее, когда я уже в Калуге получил эту брошюру, то чувствовал себя на седьмом небе. Незапамятное время!

В Калуге издали и второй томик моего "Аэростата".

Все же, как и в Боровске, меня тянуло и в реку. Выстроили двойную лодку моей системы. Работал главным образом я. Лодка имела кабину и большое гребное колесо. Все сидящие на лавочках, и без всякого умения, могли вращать это колесо, сидя удобно, в тени и в защите от дождя и вет-

5608

- 46 -

ра. Лодка годилась даже для танцев - так была устойчива /двойняшка/ - и легко шла против течения. Види частые и интересные прогулки. Фотография с нее, кажется, хранится у одного из местных педагогов /М/.

У К. была мать, тетя и его двоюродная сестра, молодая, хорошенькая девушка. По обыкновению, влюбился. Опять - как бы невинный роман.

Но так ли все эти романы невинны, как кажется с первого раза? Мне, например, с ней не пришлось даже поцеловаться. А объясняться с ней я, конечно, не смел, да и не желал.

Не знаю, были ли эти увлечения и привязанности взаимны. Но, допустим, что они скрыто взаимны. Разве и из этого не выходит зло? Ну, от жены вы скроете. Она не знает, не ревнует и не страдает. Но неудовлетворенная девушка мучается, родственники озлобляются против вас и ссорятся между собой. Среди супругов возникают тяжелые сцены, ревность и проч.

Все это из приличия или самолюбия скрывается. Поводы к ссорам, якобы, другие: одни неясные намеки.

Вот почему, положа руку на сердце, я не могу утверждать, что этими ~~своими~~, как бы наивными и платоническими привязанностями и, не наделая людям горя. Меня немного извиняет моя неудовлетворенность и могучая потребность в особой рыцарской идеальной любви. Я делал, что мог: не мучил жену, не оставлял детей и не доводил дело до явного адюльтера, или распутства.

Кстати о наших детях. Все они учились в средних школах. Все три дочери кончили гимназию. Старшая была на высших курсах. Мальчики учились особенно хорошо, кроме больного от рождения Вани. Он все же прошел бухгалтерские курсы. Один сын умер студентом, другой не вынес столичной нужды, сдал

экзамен, как я, и был учителем высшего начального училища. Но вскоре тоже помер. Теперь осталось только две дочери, которые и живут при мне, в одном доме. Шесть внучат при мне, седьмой в Москве при отце, но он тоже почти все время жил у меня, а сейчас приезжает летом.

Не знаю, может быть я и невинен, так как взаимности могло и не быть, но примером служить в брачном отношении не могу.

Если бы я не был глух, знал жизнь и не поглощен внешними целями, то, возможно, исправил бы свою ошибку своевременно и без особенного горя для семьи. Но условия жизни не дали мне этого выхода. Однако, возможно, что судьба и не ошиблась и что случилось, то было нужно.

В городском саду летом часто была музыка и я с увлечением не пропускал ни одного концерта. Становился у самого павильона и так только улавливал все нюансы. Музыкальный слух у меня был и я, что бы не слышал, через некоторое время воспроизводил своим бессловесным птичьим пением. Но возникали и самостоятельные мотивы, благодаря настроениям. Я помню, что после чтения "Борьбы миров" Уэллса, у меня возник, никогда не слышанный мною мотив, соответствующий гибели человечества и полной безнадежности.

Свои электрические занятия я продолжал, присоединив к статическому электричеству - гальваническое. Делал машины всех систем, кончая самой сложной, индуктивной с двумя вращающимися колесами /Вимстгёрста/. Главное угощение для моих немногих знакомых состояло в электрическом представлении. Уходили довольные, как после хорошего обеда. Теперь то я сократил свое личное знакомство до нуля и принимал только по делу или ради научной беседы. Обивательской бол-

55 об

- 48 -

товни и обывательского времени проведения теперь совершенно не выношу.

В 97 году мне дали уроки математики в казенном реальном училище. Там были недовольны тем, что у меня не вышло ни одной годовой двойки. Кроме того, приехал новый директор и отобрал у меня уроки для себя.

В это время я сильно утомлялся. Из своего училища шел в реальное, оттуда - в третье училище точить свои болванки для моделей. Другому бы ничего, а я со своим слабым здоровьем не вынес - заболел воспалением брюшины. Я думал, что помру. Тут я в первый раз узнал, что такое обморок. Во время приступа ужасных болей, потерял сознание. Жена испугалась и стала звать на помощь, а я очнулся и, как ни в чем не бывало, спрашивая, "чего ты орешь"! Тогда она мне все объяснила и я узнал, что пробыл некоторое время в "небытии".

Результаты перитонита сказались не сразу. После него я постоянно чувствовал тяжесть в пищеварительной области, но грижа появилась позднее, под влиянием еще и физического труда: паховая, примерно, в 1906 г., а пупочная еще лет через 20. Носил биндажи.

В 98 году мне предложили уроки физики в местном женском епархиальном училище. Я согласился, а через год ушел совсем из уездного училища. Уроков сначала было мало, но потом я получил еще уроки математики. Приходилось заниматься почти со взрослыми девушками, а это было гораздо легче, тем более, что девочки раньше зреют, чем мальчики. Здесь не преследовали за мои хорошие отметки и не требовали двоек.

Однажды одной слабой девице, по ошибке, я поставил пять, но не стал ее огорчать и не зачеркивал бал. Спраши-

56
ваю урок в другой раз. Отвечает на пять. Заметил, что дурные баллы уменьшают силы учащихся и вредны во всех отношениях. В этом училище мне, калеке, было очень хорошо, так как во время урока был особый надзор. Только после 1905 г. он был почти уничтожен, но и тогда я справлялся благополучно.

По близости моей квартиры был Загородный сад. Я часто ходил туда думать или отдыхать - и зимой и летом. Однажды встретил там знакомого велосипедиста. Он предложил мне поучиться ездить на велосипеде. Попробовал, но безуспешно - все падаю. Тогда я заявил: "нет, никогда я не выучусь кататься на двухколеске". На другой год /в 1902 г./ купил старый велосипед и в 2 дня научился. Было мне 45 лет. Теперь можно отпраздновать 30-летие моей езды на велосипеде. Выучились и все мои дети, даже девушки /кроме старшей/.

Велосипед был для моего здоровья чрезвычайно полезен: улучшил легкие и развил мускулы ног, в особенности икрные. Я стал менее задыхаться при восхождении на гору, но ослабился интерес к конькам и водяному спорту.

Благодаря этой машине, я мог каждый день, летом, в хорошую погоду ездить за город в лес. Это облегчило и купанье, так как Ока была далеко. В училище надо было ходить за три версты и это стало нетрудно. По городу же на велосипеде я редко ездил.

Нои средства производства опытов по сопротивлению воздуха были истощены и я обратился к председателю Физ.-Хим. Общества, профессору Петрушевскому. Он очень любезно ответил. Но средства Общества были израсходованы на издание учебника этого профессора. Помогла Академия Наук, выдав около 470 рублей. Огромный отчет об этих опытах с таблица-

5606

- 50 -

ми и чертежами хранится у меня до сих пор. В трудах Академии он не был напечатан отчасти по моему упрямству. Но навлечения из опытов появлялись во многих журналах.

Между тем я продолжал педагогическую деятельность в женском училище. Оно было самым гуманным, благодаря общественному надзору и очень многочисленным. В каждом классе /в двух отделениях/ было около 100 человек. В первых столько же, сколько и в последних. Не было этого ужаса, что я видел в казенном реальном училище: в первом классе - 100, а в пятом - 4 ученика. Училище, как раз подходило к моему качеству, ибо надзор был превосходный. Сам, по глухоте, я не мог следить за порядком. Больше объяснял, чем спрашивал, а спрашивал стоя. Девиза становилась рядом со мной у левого уха. Голоса молодые, звонкие, и я добросовестно мог выслушивать и оценивать знание. Впоследствии я устроил себе особую слуховую трубку, но тогда ее не было. Микрофонные приборы высились плохие и я ими не пользовался. Большого значения школьному просвещению я не придавал, но все же оставался кое какой след. Ученицы иногда выходили замуж за собственных учителей. Были споры у супругов по физике и женщины побеждали. Однажды у меня ассистенткой на экзамене была женщина-врач. Слушая ответы учениц, она заметила потом мне: только теперь я начинаю понимать физику. Преподавал я всегда стоя. Делал попытку ставить балл по согласию с отвечающей, но это мне ввести не удалось. Спрашиваешь: "сколько вам поставить?". Самолюбие и стидливость мешали ей прибавить себе балл, а хотелось бы. Поэтому ответ был такой: "ставьте, сколько заслуживаю". Сказывалась полная надежда на снисходительность учителя.

В каждом классе было две, три хороших. Но на меня

57
никогда не жаловались и не говорили: "он ставит балл за красоту, а не за знание!" Глядеть на девиц было некогда, да и стыдно было бы оказать малейшее предпочтение. Я даже прибавлял дуришкам, чтобы не ввязывать ни малейшего подозрения в пристрастии. Опыты показывались раз 2 в месяц, ибо на них не хватало времени. Более других нравились опыты с паром, воздухом и электричеством.

Перед каникулами дети волновались и не учили уроков. Вот тут то часто я забавлял их опытами. Напр., предлагал вынуть серебряный рубль из таза с водой. Многие перепробовали, но никому это не удавалось. Иные же боялись, видя корчи и бессилие товаров. Наконец, классная воспитательница захотела отличиться. Однако не отличилась. Разливалась вода, даже били посуду, но вытащить монету никто не мог. Много было смеха и веселья, тем более, что радостно собирались домой /большинство жило при училище на полном пенсионе/.

Физический кабинет был полуразрушен. Мне приходилось, что можно, поправлять. Но я и сам много приборов производил заново. Делал, напр., простые и сложные блоки разных сортов, сухие гальванические элементы и батареи и электродвигатели. Химические опыты тоже производились моим изобретением: добывание газов, сжигание железа в кислороде и проч.

Зажженный водород у меня свистел и дудел на разные голоса. В пятом классе всегда показывал монголь-шар. Он летал по классу на ниточке и я давал держать эту ниточку желающим. Большой летающий шар, особенно с легкой куклой, производил всеобщее оживление и радость. Склеенный мною бумажный шар, весь в ранах и заплатках, служил более 15 лет.

5705

- 52 -

Комбинировал разные опыты с воздушным насосом:

Давление воздуха испытывалось всем классом: я предлагал оторвать колокол /магдебургские полушария были испорчены/ всем желающим и сомневающимся. Класс видел как несколько человек, несмотря на все усилия, не могли оторвать стеклянный колпак от тарелки насоса. Паровая машина была со свистком. Девушки самолично орудовали свистком и это доставляло им большое удовольствие. С этим свистком машины вышел анекдот. Прихожу в учительскую. "Что это был за свист?", спрашивает один из педагогов. Я об"ясняю. "Нет, это освистали тебя девушки, Сережа, шутит другой учитель.

Был я аккуратен и ходил до звонка. Дело в том, что мне было скучно в учительской, так как слышал звуки, но разговоров не разбирал и из 10 слов усваивал не более одного. Вот я и спешил в класс, вызывая насмешки: "соскучился по епархиалькам" и проч. Все же товарищи народ был порядочный. Они не злословили и относились к ученицам довольно добросовестно и гуманно.

Работы мои печатались в журналах, но проходили незамеченными. Только в душе моей они оставляли след и я, благодаря им, старился все выше и дальше. Около этого времени я писал и печатал свою работу "Аэростат и Аэроплан", ныне переизданную. (Ученая записка, 1903 г.)

Ученке о реактивном звездолете только тогда было замечено, когда начало печататься вторично, в 1911-12 году, в известном, распространенном и богато издающемся столичном журнале "Вестник воздухоплавания". Тогда многие ученые и инженеры /за границей/ заявили о своем приоритете. Но они не знали о моей первой работе 1903 г. и потому их претензии были потом изобличены. Незвестность работы 1903 г. о звездо-

лете спасла мой приоритет. Подобное было и с Д. Менделеевым и многими другими.

В 14 году, весной, во время войны меня пригласили в Ленинград на воздухоплавательный съезд. Взял с собой ящик моделей в 2 м. длины и делал доклад с помощью этих моделей и диапозитивов. Сопровождал меня мой друг - Каннинг. Проф. Жуковский был оппонентом и не одобрял проект. Его ученики продолжают до сего времени тормозить дело. Что же, может быть они и правы. Я сам не поверю, пока не увижу.

Студенты, осматривая мою выставку, говорили, что только по моделям они ясно представили себе новый тип дирижабля. Мои книги же этого им не давали. Вот как трудно усваивается все новое!

Революцию все встретили радостно. Надеялся на конец войны, на свободу.

Я относился, по моим годам, ко всему сдержанно, не придавал значения побрякушкам и ни разу не надевал красных ленточек. Поэтому в одном училище /где я также давал уроки/ вообразили, что я ретроград. Но я им показал книгу, изданную мною при царе, чисто коммунистического направления. В спартиальном училище на меня давно косились, теперь в особенности и называли большевиком. Мое явное сочувствие революции очень не нравилось.

С Октябрьской революцией преобразовали школы, изгнали отметки и экзамены, вводили общий для всех паек и всеобщее право на труд. Одним словом, вводили самые идеальные коммунистические начала. Учреждена была в Москве Социалистическая /названная потом Коммунистической/ Академия. Я заявил о себе и послал свою печатную автобиографию. Был избран членом. Но я уже был развалиной, помимо глухоты, и не мог

И Топи и мур?

5808

- 54 -

выполнить желание Академии переехать в Москву. Поэтому через год должен был оставить Академию. Вышел даже в отставку и совсем оставил учительскую деятельность. Получил академический паек, потом помощь от ЦЕКУБУ, затем пенсию, которую и получаю до сих пор.

Но я не оставил своих работ, напротив, никогда так усердно и много не трудился, как после оставления училищ /в 1920 году/. Таким образом, мой учительский стаж составлял 40 лет. В течение их через мои руки прошло полтора тысячи учениц, кончивших среднюю школу и около 500 мальчиков, кончивших высшую начальную.

Меня особенно увлекали социалистические работы и натур-философские.

Некоторые из них были напечатаны, большинство же и сейчас лежит в рукописях.

Основанием моей естественной философии было полное отречение от рутины и познание вселенной, какое дает современная наука. Наука будущего, конечно, опередит науку настоящего, но пока и современная наука наиболее почтенный и даже единственный источник философии. Наука, наблюдение, опыт и математика были основой моей философии.

Все предвзятые идеи и учения были выброшены из моего сознания и я начал все снова - с естественных наук и математики. Единая вселенская наука о веществе или материи была базисом моих философских мыслей. Астрономия, разумеется, играла первенствующую роль, так как давала широкий кругозор. Не одни земные явления были материалом для выводов, но и космические: все эти бесчисленные солнца и планеты.

Земные явления, несовершенство Земли и человечества, как результат младенческого их возраста, вводили почти

всех мыслителей в заблуждение /пессимизм/. 59

При советском правительстве, обеспеченный пенсией, я мог свободнее отдаться своим трудам и, почти незамеченный прежде, я возбудил теперь внимание к своим работам. Мой дирижабль признан особенно важным изобретением. Для исследования реактивного движения образовались ГИРД"и и институт. О моих трудах и достижениях появлялось много статей в газетах и журналах. Мое семидесятилетие было отмечено прессой. Через 5 лет мой юбилей даже торжественно отпраздновали в Калуге и Москве. Я награжден был орденом Трудового Красного Знамени и орденом Активиста от Осбавиахима. Пенсия увеличена.

СССР идет усиленно, напряженно по великому пути коммунизма и индустриализации страны и я не могу этому не сочувствовать глубоко.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ МОМЕНТЫ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Прибавляю тут несколько слов о тех моментах моей жизни, которые я считаю наиболее значительными.

1891 г. Возраст 34 года. Первая печатная работа по сопротивлению среды. Новые выводы и опыты относительно значения продолговатости пластинки на сопротивление среды.

1892 г. Возраст 35 лет. Первая книга о металлическом дирижабле из волнистого металла. Отрицательный отзыв в специальном журнале. Отзыв сделал председатель УЧ отдела бывшего императ. технич. общества. Возможно, что этот отзыв и оправдается. И сам я в новое дело не верю, пока не увижу его реализованным.

1895 г. Возраст 38 лет. Первые мечты о завладении солнечной энергии и жизни в эфире. Книга: "Грёзы о Земле и Небе".

Посмеялись над этой книгой в журнале: "Неделя". Теперь вышло 3-ье издание.

1895 г. Возр. 38 лет. Издан в журнале мой "Аэроплан". Дана полная теория аэроплана, расчеты и описание. Все это оправдалось только теперь.

1902 год. Возр. 46 лет. В "Научном обозрении" появилась моя работа: "Исследование мировых пространств реактивными приборами". Впервые дана теория ракеты и ее великие космическое применение. Она была незамечена, благодаря чему сохранился мой приоритет на теорию ракетного движения. Если бы в каком нибудь известном, распространенном и специальном журнале высказали какие нибудь новые и ценные идеи, то сейчас находятся у нас и на Западе люди, которые объявляют, что эти идеи ими высказаны ранее! Так, напр., с Д.И. Менделеевым. Но "Научное Обозрение" было как раз журналом неизвестным и не специальным и потому на работу не обратили внимания. Когда я издал продолжение этой работы в распространенном и специальном журнале, то сейчас во Франции нашелся видный и сильный человек, который заявил, что он это сделал раньше. Тогда же и позже /с 1914 г./ появился ряд стихотворений в честь моих открытий. Привожу некоторые в конце автобиографии.

1913 г. Возр. 56 лет. "Первая модель чистометаллического дирижабля". Так называлась книжка. С этого момента я почти убедился в практичности моего дирижабля. Опыт убедил меня в том, т.е. постройка жестяной модели. Эти мои модели путешествовали вместе со мной в Ленинград на воздухоплавательный съезд и были решительно отвергнуты проф. Н.Е. Жуковским. Прав ли он - решит время, но возможно, что не годы, а столетия.

1914 г. Возр. 57 лет. "Второе начало термодинамики". Критика этого начала и опровержение его. С этой работы я уверовал в

вечную жизнь вселенной. Перспектива тепловой смерти космоса рушилась в моем мозгу. Работа отвергнута еще в рукописи одним почетным академиком. Потом ее же сочли ненаучной специалистами бывшего Леденцовского общества. Теперь у меня накопилось еще много работ в пользу этого отрицания. Притом не я один отрицаю второе начало /см. универс. курс физики Хвольсона/.

1916 г. Возр. 59 л. "Горе и Гений". Первые ясно изложенные мысли об общественном коммунистическом устройстве человечества. В шумихе войны на книжку не обратили внимания, т.е. она не была задержана цензурой.

1919 г. Возр. 62 г. "Кинетическая теория света". Продолжение идей о вечном постоянстве космоса.

1925 г. Возр. 68 л. "Монизм вселенной". Все существующее едино, потому что имеет одно начало - материю. К созиданию, современная наука двойственна /дуалистична/, даже множественна, потому что признает много начал, не связанных между собой. К тому отчасти принуждает математическая формулировка явлений, или так называемые "рабочие" гипотезы. Во всех своих трудах я стараюсь все свести к одному началу: старой ньютоновской механике.

1925 г. 68 л. "Образование солнечных систем". Работа еще не признанная и не проверенная учеными. Образование планетных систем объясняется с точки зрения идей Лапласа /сжатие и ускорение вращения/, Дарвина /приливное действие/ и потери Солнцем масс, вследствие его лучеиспускания. Комбинация новая. Выводы ясны. Определен впервые возраст всех планет. Были попытки обратить на нее внимание академий. Сейчас работа послана в иностранные институты наук.

6005

- 58 -

1932 г. 75 лет. "Стратоплан полуреактивный". Указание на лучшие приемы для победы над стратосферой.

1934 год. Возр. 77 лет. Новые мысли о достижении космических скоростей.

В настоящее время все мои силы сосредоточены для изобретения новых моторов и победы с помощью их высших атмосферных и заатмосферных пространств.

---oo0oo---

Совокупность идей, гипотез, тезисов, составивших содержание философских сочинений К.Э.Циолковского, сам Константин Эдуардович назвал «Космической философией». Её центральным элементом стало смоделированное с помощью научных методов учение о смысле жизни и постижении его в процессе реализации нравственной практики.

О важности этих исследований для человечества говорит утверждение К.Э.Циолковского о том, что теорию ракетостроения он разработал лишь как приложение к своим философским изысканиям.

Учёным написано множество философских работ, которые малоизвестны не только широкому читателю, но и специалистам ввиду их многолетнего замалчивания. Эти книги – попытка прорвать «заговор молчания» вокруг философии русского космического провидца.

Новое мышление невозможно без поиска смысла жизни в единстве населённого космоса.

Обращаясь к своим читателям, К.Э.Циолковский говорит:

«Постараюсь восстановить то, что в сонме тысячелетий утеряно человечеством, отыскать оброненный им философский камень».

...

«Будьте внимательны, напрягите все силы, чтобы усвоить и понять излагаемое.»

...

«За напряжение, за внимание вы будете вознаграждены, не скажу сторицею, это чересчур слабо, но безмерно. Нет слов для выражения тех благ, которые вы получите за свой труд. Нет меры для этих благ. Эта мера есть бесконечность».

К. Э. Циолковский
«Живая вселенная»

1923 г.

Научно-популярное издание

Константин Эдуардович Циолковский

«Космическая философия»

www.tsiolkovsky.org

Руководитель проекта
Дизайн
Хостинг, CMS

Николай Красноступ
Татьяна Колпакова, Евгений Продайко
Сергей Попов

Приглашаем всех принять участие в данном проекте!

Если вы хотите и можете оказать содействие данному проекту,
свяжитесь с нами по email support@krasnostup.com